

Гантелеймон Куліш
Микола Костомаров
Іван Франко

Жидотрепаніє...

Тантелеймон Куліш
Микола Костомаров
Іван Франко

Жидотрепаніє...

Київ 2005

ББК 63.3(4УКР=ЄВР)я43
К90

Бібліотека українознавства
заснована 2004 року

Випуск 3

Видання підготовлено Інститутом
культурологічних та етнополітичних
досліджень імені Іларіона Київського МАУП

*Упорядкування і передмова
професора Василя Яременка*

Куліш, Пантелеймон

К90 *Жидотрепаніє... / П. Куліш, М. Костомаров, І. Фран-*
ко. — К. : МАУП, 2005. — 424 с. : іл.

ISBN 966-608-437-6

У книзі зібрано статті П. Куліша та М. Костомарова, опубліковані у журналах “Основа” (1861—1862 рр.) та “Киевская старина” (за 1883 рік), в яких обговорюються проблеми українсько-єврейських взаємин від давнини до 80-х років ХІХ ст.

У “Додатках” вміщено низку документів, які аргументують позицію П. Куліша, М. Костомарова та І. Франка у їхній полеміці з “органом євреїв Росии” журналом “Сион” (“Рассвет”) з проблем історичного співжиття українців та євреїв.

ББК 63.3(4УКР=ЄВР)я43

© В. В. Яременко, передмова, 2005

© Міжрегіональна Академія
управління персоналом (МАУП),
2005

ISBN 966-608-437-6

ВЕЛИКІ УКРАЇНЦІ ПРО ЖИДІВ

*До історії
висвітлення так званого жидівського питання
та українсько-жидівських
взаємин у ХІХ ст.*

1. Історія виставляє рахунки

Інтерес до історії збуджується сучасністю. Він зумовлюється або послабленням героїчного силового поля, що існує між віками і поколіннями у формах національної свідомості та історичної пам'яті, або коли сув'язь віків слабне і народ втрачає здатність ідентифікувати себе з певною історичною епохою чи історичною державністю на своїй землі, або коли народ поставлений сучасними обставинами перед проблемою нового вибору, і він шукає героїчної традиції в своєму минулому, в боротьбі з різного ґатунку поневолювачами і своїми посіпаками, що служили і служать їм.

Час вимагає відати правду, знати документи, називати поіменно всіх кривдників народу нашого. Не для помсти, а заради правди і заклику до пильності, аналізу міжнаціональних зв'язків, щоб більше не творили кровожерні оргії над українською нацією, щоб нащадки людоловів, які голодоморами, репресіями, організацією злиднів

винищили кілька десятків мільйонів українців, — покаялися, вибачилися за все скоєне, і, спокутуючи гріхи перед народом України, за тими ж мірками, за якими сплачує євреям сьогодні (близько 150 мільярдів дойчмарок) Німеччина, сплатили Україні. Російська Федерація та Ізраїль як правонаступники награтованої в українців власності, а отже, і правонаступники злочинів проти людини і людства, мають сплатити Україні кількасот мільярдів доларів і визнати перед світом вчинення геноциду проти українського народу. Саме Росія та Ізраїль виступили проти визнання Голодомору 1932–1933 років як геноциду українців, бо знають, скільки завинили, тому й затемнюють це ясне питання.

Сьогодні посилився і науковий інтерес, і публіцистичне осмислення українсько-жидівських взаємин. Поштовхом до цього стала активізація міжнародного сіонізму на теренах України у досягненні глобальних цілей. Якщо українські науковці — історики, правознавці, літературознавці, політологи — прагнуть говорити мовою документів, історичних фактів, то жидівські публіцисти і журналісти намагаються показати тільки наслідки спровокованих жидівською верхівкою дій, вияви так званого антисемітизму, ксенофобії, уникаючи з'ясування причин їх появи, першопоштовхів, що спричиняли їх у минулому, при цьому значно гіперболізуючи наслідки у вигідному для себе трактуванні. Вигода ця цілком очевидна: дискредитувавши українську історію і сучасне

українське громадянство, добитися панівного становища у формуванні громадської думки, що, мовляв, Україна має якусь неокупну провину перед жидами, за ту провину мусить постійно каятися, вибачатися... і, зрозуміло, платити, як Німеччина. Це позиція злодія, що кричить: «Держи вора!»

З другого боку, останнім часом жидівська журналістика веде нечувану за зухвалістю і безпардонністю атаку на духовні святині корінної нації, серед якої розсіялась їхня стотисячна нацменшина. Компрометацією українських класиків займаються «Киевские ведомости», «Киевский телеграф», «Столичные новости», «Столичка», імпортований в Україну «Корреспондент» і вся жовта дрібнота. За мішень обрано Тараса Шевченка, Лесю Українку, Івана Франка, Івана Котляревського та інших, хто творить духовну основу нації. Сіоністи добре розуміють, що піднесення ідейності українців, зміцнення духу нації обов'язково приведе до розвитку думки, думання, мислення. А це суперечить програмі сіонізму.

Протистояти цій навалі дуже важко, бо сіоністичні верховоди в Україні на початок ХХІ століття заволоділи всіма засобами масової інформації — телебаченням, радіо, пресою і всі проблеми «розкручують» у вигідному для себе світлі. Все ж помітно, що сіоністичного спрямування ЗМІ воліли б табувати деякі проблеми українсько-жидівських взаємин, особливо злочини, які сіонізм вчинив проти України і українців.

Я неодноразово наголошував, що так зване жидівське питання ніколи не було в Україні проблемою національною. Це завжди була проблема соціальна, як і нині. Жидівство щораз спричиняло соціальні вибухи, різні революції, наслідки яких для нього завжди були протилежні очікуваним. Але це не зупиняло провідну верству жидівства, уроки міжнаціонального співжиття не засвоювалися, до історичної пам'яті записувались не факти й події, а переважно, спогади сумнівних очевидців (іх, як правило, не залишалося), «свідчення» тих, хто щось від когось чув. Багата уява стократ доповнювала і гіперболізувала всілякі жахи.

Останні силові утвердження справедливості закінчилися для України із ліквідацією Запорозької Січі. Україна на довго втратила здобуту народом під керівництвом Богдана Хмельницького державність. Хроніка чуток-покручів Натана Ганновера заповіла жидам стерти ім'я нашого великого гетьмана. Тінь Ганновера, цього фальсифікатора подій Хмельниччини, перейшла в особу новітнього жидівського перебріхувача української історії — Тьолушкіна.

Пащекування обох так званих істориків дають поживний харч сьогоденним жидівським чорнодумцям. Їм не спиться. Звісно, не безпідставно: злочини проти людства і людяності будуть покарані і Богом, і людьми.

З кінця XVIII ст. тема українсько-жидівських взаємин знайшла відображення спочатку в художній літературі, а згодом стала надбанням на-

укових праць і публіцистики. Її торкалися, а часом і активно обговорювали Т. Шевченко, П. Куліш, М. Костомаров, І. Франко, М. Павлик, П. Чубинський, М. Драгоманов, С. Подолинський, О. Навроцький, О. Терлецький і багато інших, у 1909 р. академік Сергій Єфремов видав брошуру «Єврейська справа на Україні». До 1917 р. ця проблема була завжди в полі зору.

Спектр думок і оцінок за «партійними» параметрами досить широкий. Проблема існувала в усі часи, а тому й обговорювали її, починаючи з XI ст., за винятком останніх 15 років, оскільки радіо, преса, телебачення стали зброєю масового поневолення українців і перебувають в україножерських руках жидів-сіоністів та москалів-великодержавників, а розгул сіонізму в Україні стали називати «делікатним питанням» і вважати його табуьованим. Аби правда про розграбування України не стала широковідомою і не обговорювалася.

Єдиний із 135 етносів України, що постійно акцентує свою національну особливість, окремішність, винятковість і навіть богообраність — це жидівська меншина. Сіоністські верховоди, зверніть увагу, виділили: окремо євреїв-ветеранів Другої світової війни, окремо євреїв-колишніх в'язнів концтаборів і гетто, осібно євреїв-інвалідів війни. Книга пам'яті воїнів-євреїв, які загинули в боях із нацизмом, маємо Енциклопедію єврейського Холокосту тощо. Триває широке протиставлення жидівських інтересів решті етносів: «Мы, евреи, —

часть человечества, но у нас **свои задачи**, и **мы не можем**, не имеем права ассимилироваться. Свободу и равноправие надо максимально использовать для «построения себя», для реализации **своего уникального потенциала**» (Рабин Еллингус Ессас). Інший рабин, але думка та сама: «Каждый год мы должны выбираться из теснин своих животных чувств и устремлений, преодолевая самих себя, давая выражение своему еврейству, той искре, которая есть в каждом из нас. Начать новую жизнь — с мацой на столе и еврейской верой в сердце! Согнем еврейства в сердце!» Схоже, що і нам час виставляти свої рахунки.

Мені невідомо, чи рабин Давид Карпов, якому належать наведені вище слова, вибрався уже із одновірцями «из теснин своих **животных чувств и устремлений**», це його проблеми, але нас, українців, переконує, що під тиском «животных чувств и устремлений» сіонізму, маємо усвідомлювати себе і давати вихід своєму українству і тій Божій іскрі, яка є в кожному із нас. І ми маємо почати нове життя із святим українським хлібом на столі і українською вірою і вогнем українства в серці! А хліба нашого вистачить на всіх, хай живляться, тільки не гидять у нашій правічній із трипільських часів посталій українській хаті. Вона була присутня і споглядала через свої маленькі віконця, як формувалися численні етноси, а серед них і семітські, бо нашій хатинці десятки тисяч років! І цю правду мусимо відсто-

яти, захистити свою історію і утвердити її силою науки, знань і праці. Ми змушені говорити про це. Рішуче і сьогодні.

2. “Нас хліб живив один...”

1993 року професор Олесь Білодід опублікував привезену ним же з Парижа останню закінчену працю одного з вождів визвольних змагань України Симона Петлюри під бридливою назвою «Московська воша». Закінчена вона була 1 січня 1925 року, а 25 травня 1926 року Симон Петлюра був по-бандитськи забитий агентом НКВД жидівським терористом Самуїлом Шварцбардом. Виправдальний вирок французького суду цьому енкаведистському відморозку має бути переглянутий. У «Московській воші» герой розповідає, як комісари в шкіряних куртках, «сыновья часовых дел мастеров из Винницы и Гомеля», агітували українців, за завданням Л. Троцького, відмовитися від незалежності: «Товарищі українці! Што это вы делаете? Зачем отделяетесь от нас? Ведь одно горе у нас. Разве на фронте мы не из аднаво кателка щі хлєбалі? Алі нас не адна вош в аCOPE єла? Как хатите, а вы не харашо делаете. Мы на ета не согласни! Коль скоро ежелі адна вош єла да с адново кателка мы с вамі щі хлєбалі, то нам і дальше жіть нада вмісте». І багатьох українців у 1918–1919 рр. вмовили. Умовляють і сьогодні, і не тільки московські воші: «Нас хліб живив один». Це з тієї ж пісні і з тією

ж самовпевненістю, ті ж вуста і на тому ж московському нариччі переконують: ми ж один хліб їли, то ми — одна родина, у нас уже і кров спільна і т. д. І згадалося мені, що в 1884 і 1885 роках у Києві, у друкарні С. В. Кульженка було випущено альбом: «Еврейский вопрос в картинках. Издание П. Ч.» Вып. I (1884), вып. II (1885).

Погляньмо на «Танок навколо Холмогорської корови», зображений 120 років тому. Уявіть, що замість корови стоїть українець незалежної України із короваєм, а навколо нього Найман, Кацман, Рабинович, Зісельс, Левітас, Маленкович, Стріха, Грабовський, Піховшек із Чекмишевим, Суркіс із Медведчуком, Табачник із Пінчуком і всі обіймають українця з короваєм і в братерському екстазі вигукують: «Нас хліб живив один».

Оця демагогія «братерства» заколисує до лєтаргічного сну, щоб коли прокинемося, побачили тільки свої босі ноги, порожні кишені і обідраний, знедолений край і розкішні вивіски: «ТІКО», «Денді», чи щось на зразок «Пінчуктруба», «Суркісфутбол» і т. д.

«Нас хліб живив один» — це, між іншим, слова Максима Рильського, спекулятивно винесені в заголовок статті сумнозвісного сіоністського наклепника та інсинуатора О. Я. Наймана. Статейка надрукована в жидівській газеті «Эйникайт» («Єднання») за 2003 рік (№ 12, серпень). Тут вона співзвучна агітці героя із «Московської воші» С. Петлюри, якого Найман ненавидить всіма фібрами своєї «братерської» душі. На початку

статті (за принципом: приший кобилі хвіст) вступ, в якому висловлено шизофренічну думку, що «процес формування українського етносу відбувався у присутності юдеїв», і безграмотно розказано історію проникнення жидів в Україну і розселення їх на її широких просторах, звичайно ж, щоб жититися одним із українцями хлібом.

Скільки віків живуть жиди на теренах нинішньої України? Кандидат політичних наук Олександр Найман безапеляційно стверджує, що ще з часів грецьких колоній у стародавньому Криму, звідки, мовляв, згодом через Боспорське царство і Хазарський каганат «потрапили» до Київської Русі. Гаразд, «потрапили». І який культурний слід залишили? Для чого вони так настирно били ноги, щоб «потрапити»? Виявляється, щоб Найман у ХХІ ст. зробив гідний кандидата в науку висновок: «Формування українського етносу відбувалось у присутності юдеїв». Що б це могло означати і на що натякає автор цієї хворобливої вигадки? Чим викликаний його сьогоденний інтерес до такої далекої історії? Які вигоди дає сьогоденішньому жидові така бажана і мила сіоністській душі маячня про присутність юдеїв при формуванні українського етносу? І які права чи вигоди дає йому твердження про присутність при формуванні того чи іншого етносу? А жиди й справді були присутні при «формуванні» багатьох етносів, скажімо ханаанського чи моавітського етносу, які були винищені «богообраним»

Пляска вокруг Холмогорской коровы.

Съездъ Берлинскихъ банкировъ въ Петербургѣ.

Жиды: Хорошая корова, хоть и русской породы! какъ бы такъ сдѣлать чтобы постоянно, вѣчно пользоваться ея молокомъ.

Гершко Евзелевичъ: Очень просто! хозяинъ коровы не имѣетъ теперь денегъ, чтобы купить сѣна для коровы; мы ему одолжимъ денегъ на сѣно за малые проценты съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ права уплатить долгъ и все молоко отъ коровы шло въ нашу пользу. Корова его, онъ ее поитъ и кормитъ, слѣдовательно полный хозяинъ, только молоко наше—онъ согласится.

Иванъ: Ну, извините, господа жиды! Хоть я и неученый, простой человекъ, но понимаю, что это значитъ платить жидамъ вѣчную дань, а самому вѣчно работать. Наши предки платили дань татарамъ, да и то освободились отъ нея, такъ добровольно въ жидовское ярмо мы не полземъ. Идите дурачить нашихъ ученыхъ пановъ, а мы, мужики, и безъ вашихъ хитростей обойдемся.

Танок навколо Холмогорської корови, або Нас хліб живив один
Всі карикатури у цьому виданні взято із альбому «Еврейский вопрос в картинках». Издание П. Ч. Вып. I (1884), вып. II (1885). — Киев, типография С. В. Кульженка

народом до останнього семіта, звідки, очевидно, і почався антисемітизм. А все ж цікаво, чи скаже мій далекий нащадок, що я був присутній при формуванні, скажімо, американського чи канадського етносу. І що це йому дасть? Доводитиме, що його і мене разом з американцями «хліб живив один»? Але ж я того хліба, що їв у 1996 і 1999 роках у США, а 1989 — в Канаді, — не вирощував ані з американськими, ані з канадійськими фермерами. Моя участь у живленні їхнім хлібом, гадаю, в тому, що за наданий мені хліб я чесно заплатив чесно заробленою монетою. Заплатив — і поїхав додому. До своєї обітваної і свого богообраного українського народу.

«Нас хліб живив один» не тільки з жидами. Були на нашій землі греки — купці, будівничі, єпископи, митрополити. Залишили по собі Софію Київську, фрески, мозаїку, книги. Їли один хліб з болгарами — і вони збагатили нас неоціненними книгами, поділилися з нами азбукою і навіть мовою староболгарською. Жили поруч із вірменами — і маємо у Львові Вірменський собор, що прикрашає місто. Жили з поляками (були й чорні сторінки) — і сьогодні ходимо в їхні костьоли зачаровувати душу органною музикою. Були в складі польсько-литовської і австро-угорської держави і вросли в землю замки Вітовта, а Львів називають малим Віднем. Справді, в нас є багатуща спадщина співжиття з іншими народами. Це все здобутки міжнаціонального співжиття. І всім

вистачало місця і хліба на нашій землі. А в нас — привітності і доброти, і хліба — для всіх.

Чому ж, коли читаєш жидівських істориків, знаходиш тільки відомості про погроми — «жидотрепанія», про ксенофобію і юдофобію, про якийсь антисемітизм та нібито паталогічну ненависть українців до жидів, яких нізащо вирізали зі звірячою жорстокістю українці. Сьогодні, за свідченням жовтої преси, настільною книгою кожного іудея в Україні є шизофренічні україножерські писання Тьолушкіна. Чи не тому єдиний культурний слід вікового поїдання українського хліба — жидівські кладовища. Їх, за підрахунками сіоністського лідера Й. Зісельса, в Україні 12000. В Україні, за сіоністами, навіть природа антисемітська: вона чинить на кладовищах акти антисемітського вандалізму — валяє пам'ятники на могилах, до яких правовірні іудеї не з'являються по півстоліття. Адже криками про антисемітизм можна змусити українців доглядати могили тих, що від'їли один хліб і відійшли, залишивши надгробні знаки, правонаступником яких Зісельс уже оголосив державу Ізраїль.

Найманівська методологія вибірковості, за принципом політичної вигоди, віддає бажанням цензурувати, препарувати, каструвати історичні українські тексти і менжувати цитатами з позицій доцільності чи вигоди. Найман творить «факти» і нагромаджує їх, щоб стверджувати, що жиди в Україні — корінний етнос, який живе на українській землі... давніше ніж українці. А корінний

етнос, за міжнародним правом, має право власності на надра. Ось де собака зарита.

У статті «Нас хліб живив один» (Видатні українці про євреїв) О. Найман торкнувся питання полеміки 1861 року між журналами «Основа» і «органом русских евреев» — одеським «Сіоном». Полемістами «Основи» були Пантелеймон Куліш і Микола Костомаров. Їхні статті читач далі знайде у цьому виданні, аналіз же, зроблений Найманом, я дозволю собі подати тут, бодай фрагментарно: «У протесті проти антисемітських публікацій петербурзького журналу «Иллюстрация» М. Костомаров, Марко Вовчок, Т. Шевченко і П. Куліш перш за все звернули увагу на умови існування юдеїв та безліч трагедій, що спіткали цю людність протягом віків». Це так, але ж П. Куліш говорить і про злочини жидів в Україні, що спонукали українців до силового встановлення справедливості. То чому треба замовчувати претензії, які висловив П. Куліш як автор протесту, до жидів (не до всіх, а до «передових жидів»). І важливе те, як вони відповіли чільним представникам українського народу, серед якого жили. Подальший аналіз Найманом заяви П. Куліша не витримує жодної критики: «Рівноправ'я пропонувалось як соціальні ліки, що можуть позбавити юдеїв їх недоліків, але, на жаль, нічого не було запропоновано щодо тих, хто переслідував їх та поширював юдофобські заборони. Останні, на жаль, і зараз мають місце в Україні, юдофоби намагаються

представити свій антисемітизм як загальноукраїнське явище». Хто, де, в яких формах? Антисемітизму в Україні, ні як регіонального, а тим більше як загальноукраїнського явища немає. Це наклеп україножера. Отож, звертання до історичного факту і документа кандидата в політичні науки спонукало сьогоденне бажання засудити всіх «юдофобів», які примарюються йому і в минулому, і нині. Можна було б зрозуміти автора, коли б він сказав, чи зникли сьогодні претензії до юдеїв, які висловлював П. Куліш. Але його цікавить інше: чому Куліш та інші не осудили юдофобію, яка, на його думку, проявляється в Україні і днесь. Та ж осудив! Інакше не було б заяви. Мене ж, як представника української інтелігенції, цікавить інше: чому претензій до іудеїв в Україні за півтора століття так і не стало менше, чому вони, іудеї, не засвоюють уроків історії і не прислухаються до порад великих українців працювати спільно на користь держави проживання, обговорювати спільні питання разом на наукових зібраннях і в пресі? Чуємо у відповідь претензії, нарікання, вимоги, осуд. Це шлях в нікуди. Методика О. Наймана дуже примітивна: він елементарно ігнорує контекст полеміки між «Основою» і «Сионом» із контекстом історії початку 60-х років XIX ст. і ухиляється від речей для нього невігідних, неприємних. Гордо заявляти про себе як про представника історичної науки і одночасно через суд вимагати експертизи статей І. Франка (збірка «Zur

judenfrage») на предмет наявності в них антисемітизму найманівського зразка і трактування: він бачить антисемітизм у будь-якій критиці будь-якого жида, навіть найогиднішого негідника, котрий взагалі не усвідомлює, що він — жид. Про це знають інші. І знову ділити історичні факти і документи за принципом діжка меду і ложка дьогтю, претендуючи тільки на мед, ніяким найманам уже не вдасться.

Беззаперечно, статті П. Куліша і М. Костомарова будять і загострюють історичне чуття українця, зміцнюють його переконання історичної правди і, зрозуміло, приреченості розв'язувати проблему міжнаціональних стосунків критеріями справедливості і взаємності. Інакше не вдається. І ніколи не вдасться.

3. Сучасність запрошує у свідки історію: зніміть капелюх перед паном Документом!

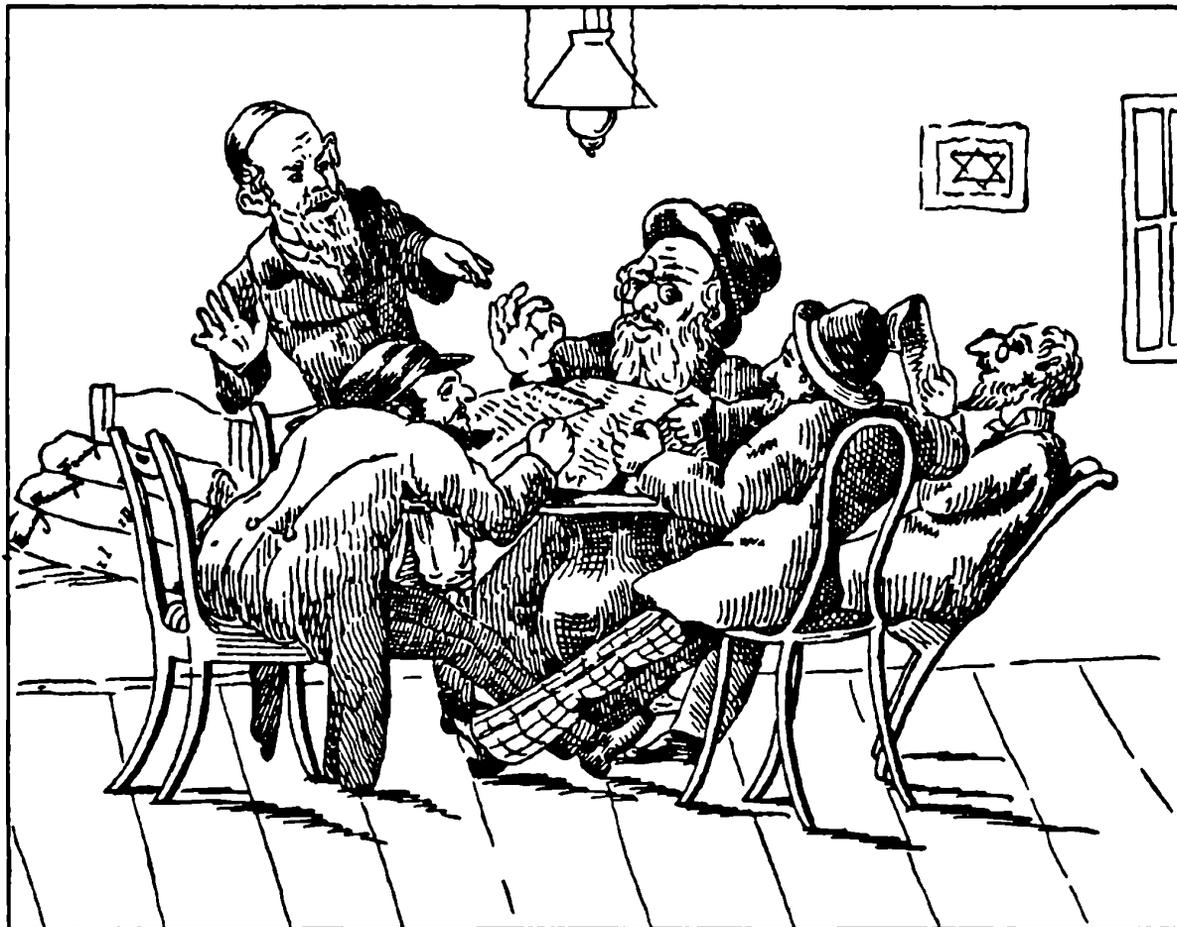
Сіоністичні псевдонауковці на загал — цинічні брехуни і дешеві актори, але їхня «гра» ще інколи знаходить свого глядача і слухача, готових уже вкотре брати на віру їхнє слово, облудне слово, не підтверджене документами. Нам намагаються створити враження, що жид всіма гнаний, всіма переслідований, живе в оточенні зоологічних антисемітів, юдофобів, ксенофобів, яким місце тільки за ґратами, а оскільки всіляких фобій багато, то краще засилати українців

у різні гулаги і там поступово знищувати. Бажання саджати гоїв у буцегарні у сіоністів ненаситне і якесь патологічне і спадкове, очевидно, від Торквемади і Малюти Скуратова, які були жидами-вихрестами.

Сьогодні українській громадськості нав'язується думка, що в неї окрім боротьби з антисемітизмом, якого до речі в Україні немає, але для чогось сіоністами настирно розпалюється, — інших ідеологічних завдань і цілей не існує. Всі повинні почуватися винними перед жидами, постійно в чомусь каятися, виправдовуватися та за невідь-що вибачатися, а головне — постійно перебувати у страху, який паралізує волю. Розрахунок саме на це. На жаль, їх у цьому чомусь завжди підтримувала влада — на шкоду своєму народові. Страх уже давно перетворено на засіб упокорення, мовляв, жидів закликати до порядку неможливо.

Українська інтелігенція все це засвоїла за тоталітарного комуністичного режиму, коли своєрідним критерієм оцінки діячів минулого було їхнє ставлення до Росії. Позитивно ставився той чи інший до Росії — такий діяч вважався прогресивним, передовим, демократичним, йому дозволено відкривалися навіть якісь «перспективи», а коли негативно — оголошувався реакціонером, буржуазним націоналістом, найлютішим ворогом і українського, і російського народів. Так, для прикладу, видатного українського вченого Л. Є. Махновця було звільнено з роботи в Ін-

Составъ редакціи одной русской либеральной Киевской газеты.

Доволено Цензурою. Киевъ, 29 Марта, 1884 г.

Чѣмъ больше крадутъ и чѣмъ чаще оправдываютъ воровъ и мошенниковъ, тѣмъ для насъ лучше; но все-же совсѣмъ оправдывать уличеннаго и сознавшагося вора въ газетѣ нельзя, а нужно такъ деликатно..... назвать его «растрату» «усиленной тратой» и тому подобное. При прежнихъ судахъ негласно, за взятки, втихомолку оправдывали воровъ, такъ что никто объ этомъ не зналъ—это была несправедливость, нарушеніе законовъ и мы громко объ этомъ кричали; при теперешнихъ же открыто, гласно оправдываютъ воровъ и мошенниковъ—это прогрессъ, либерализмъ! и мы еще громче будемъ кричать объ этомъ.

Склад редакціи якоїсь російської ліберальної київської газети XIX ст., або Такие старые слова.

ституті літератури за те, що в монографії «Григорій Сковорода» назвав Катерину II «вінценосною розпутницею», що, на думку ідеологів, «послаблює братські почуття любові до великого російського народу». Це все було.

Нині, схоже, вектор змінився. Нас, українських вчених, громадських діячів намагаються оцінювати за ставленням до сіонізму, до іудаїзму, до так званого антисемітизму. Якщо хвалиш Рабиновича, Кацмана, Зісельса, не засуджуєш винищення палестинської дітвори урядом Ізраїлю, хвалиш жидівських олігархів, — ти майже «праведник світу», а скажи, що Шарон не відрізняється від Шаміля Басаєва, а Беслан від Гази, — і ти закінчений антисеміт, людиноненависник, тобі, за бажанням чи вимогою якогось пройди-світа, не можна з'являтися в Європі і США, тебе обіллють потоками бруду із телеканалізації, яка повністю в руках сіоністів, жидівських олігархів, вчорашніх злочинців. Що розповідає і чому навчає історія?

У 1861 р. у Санкт-Петербурзі виходив український журнал «Основа», в якому почалася полеміка із часописом російських євреїв «Сион» (Одеса).

Доцільно було б опублікувати всі статті і з «Основи», і з «Сиону», але на жаль, принаймні в цьому виданні не маємо змоги. Українсько-жидівській полеміці передував протест української і російської інтелігенції проти упередженого випадку Санкт-Петербурзького журналу

«Иллюстрация» (1858 рік, № 18). Протест написав Пантелеймон Куліш, а підписали його понад сто діячів науки і культури, серед них Т. Шевченко, М. Костомаров, Марко Вовчок, М. Номис, І. Тургенєв, І. Аксаков та ін. Його було опубліковано в журналі «Русский вестник» (1858, ноябрь, кн. первая).

П. Куліш висловив і низку претензій до жидівської інтелігенції, сподіваючись на діалог і співпрацю. Ні того, ні іншого не сталося.

І суть справи полягала, на думку українських діячів, не в тому, яким словом користуватися для означення єврейського етносу — жид, єврей, іудей чи старозаконник. Йшлося про те, що жиди ніколи не виступали на боці українського народу, а були завжди з тими, хто панував над ним і нищив його. Аж до сьогодні: всі лідери сіонізму працювали на режим Президента Кучми — «честь имели» бути з ним на одній нозі.

Коли в передмові до книги М. Шестопаля я написав, що жидівство на Україні завжди злигувалося із владою або й само було владою, то ці мої слова Рабинович і Шлаєн виокремили як такі, що розпалюють міжнаціональну ворожнечу між жидами та українцями. Але мої слова стосувалися конкретних документів, до речі, більш-менш повно поданих у книзі Матвія Шестопаля.

Перший документ — це «лист орендовний», за яким «славетний пан» Абрам Шмойлович одержує всі права на добро князя Григорія Сангушка

і навіть право «горлом карати», себто страчувати українських селян за певні провини. Так все-таки злигувалося чи ні?

Цей документ, а схожих було безліч, має знати кожен національно свідомий українець (див. додаток № 1).

Пантелеймон Куліш записав із кобзарських вуст і вперше опублікував у першому томі «Записок о Южной Руси» (1856) дві думи, що оповідають про українсько-жидівські взаємини перед Хмельниччиною. У одній із дум поляк стверджує, що винуватцями Хмельниччини були саме жиди, що чинили неймовірні утиски українцям. Твори народної поезії є також своєрідними історичними документами, у яких народ дає свідчення про себе і про свої взаємини з іншими народами. У тому числі й із жидами (див. додаток № 2, № 3).

І, нарешті, до уваги читачів стаття із газети «Новороссийский телеграф» від 21 квітня (№ 2167) 1882 р. У ній мова йде про українсько-жидівські взаємини через двісті років після Хмельниччини, у ХІХ ст. (див. додаток № 4).

Таких документів із історичних архівів, народної пам'яті, тогочасних газет і журналів просто безліч. Всі вони здійсмають гвалт про жидівську сваволю в Україні ХІІІ–ХІХ століть. До сьогодні суть сіонізму залишається та сама, змінилися форма і характер сваволі.

П. Куліш і М. Костомаров у 60-х рр. ще вірили у можливість співпраці з «передовими жи-

дами», але через двадцять років цілковито зневірилися і в час погромів 1881 року уже голосу протесту не подали. Навпаки, П. Куліш виступив у газеті «Биржевые ведомости» із викриттям жидівських махінацій, а М. Костомаров у 1883 р. опублікував у «Киевской старине» своє резонансне «Жидотрепание».

4. Хто в домі хазяїн?

У 60-ті рр. ХІХ ст. домагання євреїв було висловлене з граничною чіткістю «Сионом», «органом русских евреев»: «Евреи, извольте видеть, пришли, как горсть гостей и еще незванных гостей в христианские страны, и потому не подобает им занимать хозяйского места»... І далі, бо такі думки висловлювали нещодавно (у 2004 р.) Шлаєн і Найман: «...Но сверх того, как различить тут, кто гости, кто хозяева? Признать хозяевами тех, кто многочисленнее и сильнее, значило бы безусловно признать право сильного; а если принять во внимание только давность поселения, то окажется, пожалуй, такая несообразность, какой по-видимому не ожидается; в пределах нынешней России (а тепер — України. — В. Я.), как доказывают надписи (см. № 6 и № 7 «Сиона»), евреи жили еще в то время, когда о славянах не было здесь и помину и когда христианская религия здесь вовсе не была известна» (оце звідси черпав відомості О. Найман). І далі: «...наполнение законодательных учрежд-

дений євреями дійсно несбыточно (у незалежній Україні — збулося. — В. Я.), но весьма желательно и сбыточно, что со временем в этих учреждениях будет заседать соответственное (сьогодні засідає у ВР «несоответственное» число жидів, а національний склад ВР є чи не найбільшою державною таємницею. — В. Я.) число евреев, и что от того, что эти евреи будут действовать в пользу общего дела, хотя бы и в духе и в интересах своих единоверцев, ничего кроме добра быть не может...»

Це ми чуємо й сьогодні. Через 145 років. Тоді, у 1862 р., аксаківський «День» так з'ясував жидівські претензії: «...тысячелетняя история дала христианским началам превозмогающее значение во всей всемирной жизни, а нам, русским, определила господственное положение в той земле, которую мы населяем. Вы должны признать этот факт, и покориться всем его последствиям. А последствия эти таковы: вы живете в нашей земле, следовательно, должны подчиняться нашим законам и следовать нашим порядкам, которые мы устанавливаем. Не хотите: ищите другого отечества; мы в этом не виноваты, а отсюда опять следствие тоже — живите, как мы устанавливаем, а не как вам заблагорассудится» (День, 1862, № 33. Стаття підписана Р. С. Т. 24 мая).

Що змінилося за минулі майже півтора століття? Жидівський і український народи стали

державними. Це велике досягнення змагань двох народів. У це мало вірили ще наприкінці ХІХ ст. навіть такі провидці двох народів, як Теодор Герцль та Іван Франко.

Україна у 1947 р. голосувала за створення держави Ізраїль, але сіоністи хочуть мати за своє «отечество» і «землю обітовану» і всі держави, в яких проживають бодай у мізерній кількості жиди, себто весь світ.

Від початку 1860-х років у всіх відомствах: військовому, освіти, внутрішніх справ — з'явилися жиди — лікарі, техніки, технологи, викладачі. Для жидів розширили доступ у російські школи. Кілька цифр для ілюстрації так званої антисемітської політики царизму в Росії. Жидів у царській Росії було 6 млн. Колонізація Росії жидами незмінно йшла по висхідній. За приклад візьмемо освіту:

1805 р. — жидів у гімназіях Росії навчалось 1000 осіб або 3,5 % від всіх учнів гімназій;

1875 р. — 5000 або 9,5 % всіх учнів гімназій;

1885 р. — 7500 або 11 %, в окремих гімназіях до 19 %.

Кількість жидів у російських університетах за 20 років зросла в 14 разів.

Міністерство освіти Росії уже в 1881 р. забило на сполох: «Христианское юношество вскоре стало испытывать на себе все гибельные последствия совместного обучения с переполнившими названные учебные заведения евреями,

которые вносили в его сферу растлевающие как в политическом, так и в нравственном отношении влияние».

На початку 1880–1881 навчального року в гімназіях Одеського округу спалахнули безчинства, в яких головну участь брали гімназисти-жиди. Це передувало погромам («жидотрепаніям») 1881 р., спричинених царевбивством.

Ідея асиміляції жидів виявилася в Росії мильною булькою. Великодержавний шовініст М. О. Меньшиков у «Письмах к русской нации» писав: «Четырехтысячелетняя практика по еврейскому вопросу убеждает, что равноправие евреев всегда равносильно захвату ими всех преимуществ, причем буквально все народы оказываются при этом условия в кабале еврейской. Все правительства начинают с того, что пробуют путем равноправия слить евреев с местным населением, и ни одному это не удавалось». Це твердження М. О. Меньшиков детально документує.

Уже у середині 80-х рр. ХІХ ст. російська інтелігенція, як носій державної ідеології, розуміла і писала, коли уряд дає чужоземцю рівні права (право натуралізації), то тільки з переконання, що чужоземець уже прийняв або швидко прийме нову національність і асимілює себе з корінним етносом, зіллється з ним у державних симпатіях, мові, культурі, нарешті спорідниться через кілька поколінь кровно. Себто, стане ро-

сіянином єврейського, французького чи польського походження.

В Україні, скажімо, жиди «натуралізуються» із XI століття, але асиміляції ніякої не тільки не відбулося, а навпаки жиди-сіоністи сьогодні русифікують, денационалізують і деморалізують корінний етнос. У «Письмах к русской нации» читаємо: «Всякий народ есть живое тело. Что бы живое не принимало в себя, оно принимает под двумя строгими условиями: принятое должно быть или усвоено или выброшено вон. Неусвояемые инородные предметы, которые нельзя выбросить, облакаются в теле нагноением, как занозы, чтобы путем хотя бы жгучих страданий освободиться от них, или замуровываются в известковой капсуле, т. е. в строго непереходимой черте оседлости» (с. 19).

Вся боротьба організованого в Росії жидівства була боротьбою за розрив смуги осілості, щоб вчинити експансію на широкі простори Росії, добратися до мільйонів російських селян, у яких зизе око зажерливого лихваря, шинкаря, торгаша вбачало своєрідний Клондайк.

Тривідсоткова норма представництва жидів у навчальних закладах царської Росії, а отже і в Україні, ніколи не витримувалася. Міністр народної освіти Делянов, який обіймав цю посаду із 1882 по 1897 рр. пропонував норму в 3 % зберегти тільки у столицях, зокрема і в Києві, але збільшити

поза смугою осілості до 5 %, а в смузі осілості до 10 %.

Насправді ці відсотки уже в 1905 і 1906 рр. за даними Міністерства народної освіти були такі:

Університети	1905 р.	1906 р.
Петербурзький	5,6 %	18 %
Харківський	12,1	23
Київський	17,2	23
Варшавський	38,7	46
Новоросійський (Одеський)	17,6	33

«Гонимое племя» жидів серед вільних слухачів університетів імперії на початок ХХ ст. становило 33 %, тоді як жидівське населення тодішньої Росії становило неповних 4 %.

Так виглядів «державний антисемітизм» за часів Російської імперії.

А який вигляд мав «державний антисемітизм» за комуністичного режиму, нав'язаного Росії міжнародним сіонізмом? Для повноти уявлення, зауважимо, що під час розколу партії Леніна на більшовиків і меншовиків, їхній національний склад був такий: більшовиків — 12, з них жидів — 9, а 3 — інших національностей; меншовиків — 11, усі 11 — жиди.

Для цього подаємо документ, що, як свідчать цифри, цілковито розвіює міф про державний антисемітизм у СРСР.

ВИПИСКА

из книг: Народное хозяйство СССР в 1970 г. — М.: Статистика, 1971 и Народное образование, наука и культура в СССР. — М.: Статистика, 1971

	Численность населения на 15 января 1970 г. (млн чел.)	Научных сотрудников на конец 1970 года (тыс. чел.)		Специалисты народного хозяйства на 16 ноября 1970 года (тыс. чел.)						Студентов в 1970/1971 учебном году (тыс. чел.)			
				Всего	В т. ч. на 1000 чел.	В т. ч. с образованием				В институтах		В техникумах	
		Высшим				Средним		Всего	В т. ч. на 1000 чел.	Всего	В т. ч. на 1000 чел.		
		Всего	В т. ч. на 1000 чел.			Всего	В т. ч. на 1000 чел.						
Всего по СССР в том числе	241,7	927,7	3,8	16840,7	69,6	6852,6	28,3	9988,1	41,3	4580,6	18,8	4388,0	18,1
Русские	129,1	611,9	4,7	10459,5	81	4033,6	31	6425,9	50	2729,0	21,1	2702,9	20,9
Украинцы	40,7	100,2	2,4	2644,9	64	1031,2	24	1613,7	40	621,2	15,2	674,0	16,5
Белорусы	9,1	19,0	2,1	541,8	60	204,1	23	337,7	37	130,2	14,3	149,5	16,4
Евреи	2,15	64,4	30,0	538,6	250	356,8	166	181,8	84	105,8	49,2	40,0	18,6
Молдаване	2,7	2,5	0,9	78,1	29	32,7	12	45,4	17	30,8	11,4	31,1	11,5
Грузины	3,25	18,4	5,8	259,7	81	149,3	47	110,4	34	87,8	27,4	46,9	14,7
Армяне	3,56	20,2	5,6	230,2	64	128,1	36	102,1	28	81,5	22,6	61,1	17,0
Азербайджанцы	4,38	13,0	3,0	205,6	47	98,2	23	107,4	24	86,0	19,6	57,5	13,0
Литовцы	2,66	8,2	3,0	170,1	63	66,8	25	103,3	38	49,8	18,4	56,4	20,8
Латыши	1,43	6,0	4,2	105,8	76	43,2	31	62,6	45	21,8	15,5	19,7	14,0
Эстонцы	1,0	4,7	4,7	85,2	85	35,7	36	49,5	49	17,9	17,9	15,5	15,5
Узбеки	9,2	12,1	1,3	271,1	30	139,6	16	131,5	14	150,7	16,3	96,7	10,5
Казахи	5,3	7,9	1,5	201,7	38	96,8	18	104,9	20	100,3	18,9	71,4	13,5
Таджики	2,14	2,4	1,1	56,4	27	29,6	14	26,8	13	28,1	13,4	17,7	8,4
Туркмены	1,53	1,8	1,2	47,8	32	26,0	17	21,8	15	22,0	14,9	14,6	9,7
Киргизы	1,5	1,9	1,2	46,2	31	24,0	17	22,2	14	26,4	17,6	15,6	10,4

Через 20 років, на час розпаду СРСР у 1991 р. ці показники на користь жидівського етносу значно зросли. Та й без цих показників старші покоління, котрі жили за комуністичного режиму, знають, що вся медицина була в руках жидів (іудей за Талмудом не повинен лікуватися у гою), сотні храмів було висаджено в повітря за наказом жидівських функціонерів (для іудея великий гріх навіть дивитися на християнські храми). Фінанси, торгівля, освіта, культура цілковито були і залишилися в жидівських руках. Єдина дискримінація полягала у позбавленні права на виїзд за кордон. Але це стосувалося всіх народів. І все-таки жиди за протекцією міжнародного сіонізму виїздили.

Знову ж таки, виїздили жиди за кордон не тому, що їм погано жилося в СРСР, а тому що за кордоном було краще. Та й виїздили переважно не на свою історичну батьківщину, «землю обетованную», а в США і Німеччину.

Нагнітаючи тему антисемітизму сьогодні, жиди Україну вже давно не залишають, навіть спостерігається тенденція до повернення назад в Україну. Шарон кличе в Ізраїль, а вони шельмують перед усім світом Україну і в Ізраїль не поспішають, оголошують його правонаступником жидівської власності в Україні і так розбудовують Ізраїль на українській землі? Саме Ізраїль, а не Україну, як мало б бути насправді.

5. Жидотрепанія — відповідь на жидівський терор

Терор — найголовніший засіб організованого жидівства для досягнення своїх політичних і економічних цілей. Не будемо заглиблюватися в біблійні часи, коли випробовувалися і обґрунтовувалися як ефективний засіб поневолення і управління голодомори і терор. Це окрема тема жидівської політичної історії. Відомі факти й ближчих до нас часів. Так, для прикладу, саме жид Майре отрутою знищив Генріха III Кастилійського, жид Самончині з братами робив спробу отруїти Магомета II, жид Лопец, підкуплений Філіппом II (замовник), як лікар англійської королеви Єлизавети намагався її вбити.

У період 1861–1881 рр. після полеміки між «Основою» і «Сионом», а точніше 7 травня 1866 року жид Коген-Блінд стріляв у Бісмарка, але самим же Бісмарком був схоплений. Злочинець у в'язниці покінчив життя самогубством. Цього ж 1866 року в Росії жиди Ліберман, Цукерман і Гольденберг вчинили невдалий атентат на Каракозова. У 1879 р. була спроба жида Гартмана Мейєра підірвати царський поїзд. Нарешті, 1 березня 1881 року було вбито ненависного жидам царя Олександра II. Душогубом Олександра III став також лікар-жид Захарін. Забігаючи наперед, скажемо, що й розстріл Миколи II без суду і слідства разом із дітьми було вчинено винятково жидами — Свердловим, Юровським та

іншими. Цей перелік безкінечний: у 1901 р. польський жид Лев-Чолгош застрелив президента США Мак Кінлея, співучасницею Лев-Чолгоша була жидівка Емма Голдман; вбивцю стратили на електричному стільці. На угорського голову ради міністрів графа Тіссо у 1912 р. вчинив атентат жидівський депутат парламенту Юлій Ковач. У 1918 р. угорські соціал-демократи Павло Леві, Отто Корвін-Кляйн, Євген Лясльо (Леві), Ляйтнер (всі жиди) постановили таки вбити графа Тіссо. 16 жовтня 1918 року в нього стріляв жид Йоан Лекий-Ляйтнер, але йому вибили з рук револьвер, а 31 жовтня 1918 року жиди Кері (журналіст) і Марцель Гертнер (37-літній хімік) скоїли вбивство Тіссо прямо в нього на віллі у присутності дружини.

21 жовтня 1916 року жид Фрідріх Адлер чотирма пострілами вбив керівника ради міністрів Австрії графа Штіркга.

Усім відомо, що у Києві жид Багров убив російського главу уряду Столипін, жид Блюмкін з провокаційною метою убив у Москві німецького посла Мірбаха. З наказу сіоністичного московського уряду 25 травня 1925 року жид-бандит Шварцбард у Парижі розстріляв вождя українських визвольних змагань Симона Петлюру. У 1935 р. жид Вайс вчинив атентат на американського губернатора Генріха Лонга. Це не спеціальне дослідження, це принагідні виписки з наукової літератури про організоване жидівство.

Гадаю, що дослідникам давно треба було б зайнятися проблемою жидівського терору в Україні.

Можна здогадуватися, на кого розраховані публікації в жидівській «Эйникайт» О. Наймана чи, скажімо, Олександра Когана, який у статті «День рождження сионизма» («Эйникайт», сентябрь 2003 г., с. 6.) пише: «В 1882 году началась так называемая первая алия. До 1903 г. в Эрец-Исраель приехали около 30 тысяч евреев. С насиженных мест их сдвинула волна погромов на юге России, грянувшие после убийства Александра II народолюбцами, среди которых была одна «еврейка» («Экая невинность!» Очевидно має на увазі Есю Гельфман. — В. Я.). Тут зрозуміло, на кого розрахована ця інформація? «Народна воля» була утворена 1881 року як терористична партія, що взяла на себе право засуджувати до страти кожного, кого вона вважатиме за потрібне. У статті 13 (кабалістичне жидівське число) статуту «Народної волі» сказано: «Центральна група має право приговорювати до смертної кари всіх приватних осіб, своїх шпигунів і посадових осіб рангом до губернатора, на знищення якого належить запитати дозволу виконавчого комітету». На Липецькому з'їзді «Народної волі» було прийнято рішення засудити до смерті Олександра II, що і було виконано 1 березня 1881 року.

Іудей Гольденберг, після вбивства князя Кропоткіна, виїхав до Петербурга і, як сам свідчив,

«поставив за мету підняти питання про царевбивство». До його спільників належав, окрім інших, жид Зунделевич, поляки Кобилянський, Квятковський і росіянин Михайлов. Вони утворили комітет, який зобов'язав народовольця Соловйова убити царя пострілом.

2 квітня 1880 року за два дні перед замахом, який не вдався, Гольденберг і Зунделевич дали терористам необхідні вказівки і виїхали до Харкова. Для алібі, про всяк випадок.

Через 11 місяців замах було повторено. Його готували, окрім двох названих, жиди Натансон, Дейч, Войнарамський, Айзик, Аптекман, Девель, Хотинський, Бух, Колотневич, Гельфман, Люстич, Фріденсон, Цукерман, Лубкін, Гартман та інші — всі жиди. А Олександр Коган чомусь пише: «Среди которых была одна еврейка». Не Еся Гельфман, а марксистсько-жидівський терористичний центр, про який писав ще 1880 р. Карл Маркс у листі до Зорге, спрацював 1 березня 1881 року в Росії.

І чим відповіла «антисемітська» державна Росія? Державна дума, заводнена прожидівськи налаштованими депутатами, вносить дві пропозиції: про зняття смуги осілості і про повну рівноправність жидів із російським народом. Це право давало жидам можливість розлитися серед народу російського і паразитувати на ньому, як досі лише на українському. Отож, полювання на імператора Росії іудеїв — Гольденберга і Зунделевича було для жидів Росії таки успішним.

Забігаючи дещо наперед, щоб зрозуміти про що попереджав Ф. Достоевський у «Бесах» і хто були ті «біси», а М. Костомаров у «Скотском бунте», — погляньмо на склад чільних керівників революції 1905 року в Росії: Гершуні, Рубанович, Гоц, Швейцер, Рутенберг, Азеф, Чернов, Бакай, Роза Брілліант, Роза Люксембург — всі жиди. Групою есерів-терористів керувала Фейга Елькіна, а петербурзький «совет робочих депутатів», що якийсь час був своєрідним урядом, очолювали Бронштейн, Гревер, Едількен, Гольдберг, Фейт, Мацельов, Бруссер і навіть голова «совета» Хрустальов виявився жидом Носарем. Ще в період полеміки між «Основою» і одеським «Сионом» учитель-вихрест А. Александров із Бугульми опублікував у газеті «День» розлогу статтю «Несколько слов о Талмуде» («День», 1862, № 325 від 31.03), яка викликала широке обговорення. Автор статті стверджував, що все зло взаємин випливає із Талмуда, «что его дух, а не Библии, царствует ныне в синагоге и что все евреи от мала до велика знают весь Талмуд и всю Библию, толкованную по Талмуду, наизусть». Він ставить завдання «доказать ложность учения Талмуда», а для цього необхідне одне — переклад Талмуда на русский язык».

Минуло майже 150 років з часу публікації статті, але й досі повного перекладу Талмуда ні російською, ні українською мовою так і не зроблено. Чому? Та тому, що іудеям треба приховувати його людиноненависницьку сутність і антихристиянську нетерпимість.

Підняти завісу «таємничості» над Талмудом — це зняти низку питань у взаєминах між жидами і українцями, ширше — між іудеями і християнами. Інакше постає питання, що це за віровчення, проникнути в суть якого можна лише через вивчення старогєбрейської мови, або, якщо пощастить, заповлучити примірники Талмуда на івриті.

За роки незалежності України ми переконалися, що на пострадянському просторі відроджується не жидівська культура, іврит, ідиш, а іудаїзм, зокрема в його найагресивнішій формі — хабаду. Утвердження жидівського фанатизму на теренах християнської осілості становить велику небезпеку. Російська інтелігенція це зрозуміла давно. Ще 30 грудня 1990 року газета «На страже Родины» (№ 300) опублікувала статтю Є. Щекотихіна «Безобидный» сионизм». За епіграф до статті автор взяв слова із інтерв'ю відомого російського письменника В. Солоухіна: «Как меня сделали антисемитом? Пока я писал об уничтожении казачества и русского крестьянства, я был русским писателем. Как только я начал писать о том, КТО это сделал, — я сразу же стал антисемитом». Подібне можу сказати і про себе: доки писав про репресованих і розстріляних українських письменників, я був українським літературознавцем, а коли почав говорити про те, хто їх знищив, — мене не тільки жиди, а й оживілі, стали називати антисемітом. Хоча жодного наведеного мною факту їм спростувати не вдалося. І не вдасться.

Отже, чи ви письменник, чи ви науковець, чи ви просто людина, що цікавиться всім, зокрема і питанням ХТО здійснив голодомори в Україні у 1921–1923, 1932–1933 рр., ХТО провів репресії 1937–1938 рр., ХТО привласнив багатства України після розпаду СРСР, — і ви закінчений антисеміт, якому, на думку сіоністів, не місце в «Україні єврейській». Навколо вас здіймуть такий облудний галас, що відлуння йтиме по всьому світу. А під цей рейвах проводитимуть різні «з'їзди», «конференції», «круглі столи» і на-в'язуватимуть нашій державі талмудичні догми — ідеологію сіонізму, звісно ж, «безобидного», такого, що всього лиш домагається створення жидівської держави в Палестині. Та ж держава Ізраїль вже існує 60 років! Але звідусюди лунають нарікання, плачі, ниття про дискримінацію жидів, про ксенофобію, юдофобію, антисемітизм корінних народів — завжди (себто впродовж усієї історії) і всюди, а поміж тим — загрозливо металеві нотки в заявах, бодай на явочному збіговиську сіоністів у Москві на початку грудня 1990 р., яке описує Є. Щекотихін: понад 150 делегатів від 110 сіоністських організацій із 60 міст СРСР! А як же стосовно державного антисемітизму в СРСР? Блеф? Безумовно, але навіщо?

Один із лідерів світового сіонізму Ізя Лейблер на тому з'їзді відмітив все-таки, що в тодішньому СРСР залишилося кілька «восхитительных искр» і вигукнув: «Но эти искры способны возродить

иудаизм в этой стране!» Отож нині і триває відродження іудаїзму на всьому просторі так званого СНД. І нема чого поширюватися про відродження жидівської культури: на мою думку, іудаїзм і жидівська культура — одне й те ж. Я не зустрічав, щоб хтось із жидів це заперечував.

Якщо справа саме така, тоді в ім'я розвитку самосвідомості, тобто усвідомлення своєї національної ідентичності, маємо звертатися до історії, до документів, до перебігу подій і їх висвітлення, хоча б за кілька попередніх століть, аби ХХІ століття було вільне від голодоморів, репресій, національного і соціального гноблення, від таких каральних органів, як ЧК, ГПУ, НКВД — цих видів і засобів сіоністського панування над народами, в першу чергу — українським і російським. У грудні 1990 р. Ізя Лейблер заявив: «Я представляю себе советских евреев, играющих все более и более возрастающую, важную и конструктивную роль — использующих свои таланты для поддержки перестройки и для модернизации этой великой страны». Минуло 15 років. Ми всі виразно бачимо, до яких саме меж і якого безмежжя дійшла «важлива і конструктивна роль», як саме сіоністи «використали свої таланти» для «модернізації» України. Подальшої такої модернізації вона може й не витримати. На що й сподіваються «модернізатори», через тарганячі шпарини пролізаючи у владу.

Але повернімося до обговорення так званого жидівського питання конкретно в 60–80 рр.

XIX ст., коли чільні представники української інтелігенції вказали жидам на можливі пункти співпраці. У відповідь — «курйози». Розповім лише про один із них.

Данило Мордовець у жидівській газеті «Рассвет» (1882, № 3, с.17) зробив спробу осмислити погроми на українських землях. Він писав: «...мне многое хотелось бы высказать по еврейскому вопросу вообще, особенно же после того как летом 1881 года, тотчас после еврейских погромов на юге России, я посетил бывшую некогда обетованную землю еврейского народа — Палестину с бывшею столицею Израиля — Иерусалимом, и там, на месте, где некогда Иаков боролся с самим Иеговою, и где Рахиль плакала о чадах своих, мы много думали о судьбах великого и бессмертного народа и пришли к тому заключению, что Палестина, или скорее все поморие, где некогда владычествовали филистимляне, а ровно Иудея, Самария и Галилея, **исключая** Иерусалим с окрестностями и другие христианские священные места, снова должны бы принадлежать еврейскому народу, конечно посредством купли тамошних земель вдоль берега Средиземного моря. Там должна быть и колония и митрополия еврейского народа, где он мог бы безопасно укрываться на случай могущих возобновляться в будущем (ведь заблуждения человеческие, особенно в неразвитых массах, очень, к сожалению, живучи) гонений на еврейство в той или другой части света, в той или другой стране».

Стаття, скажемо відверто, стовідсотково про-жидівська. Але в ній є одне місце, яке викликало нову статтю Мордовця. «Я люблю русский народ не менее своих соотечественников, но я всегда любил евреев и преклоняюсь перед **гонением** еврейского народа». Насправді у Д. Мордовця було «перед гением». «Гением» — «гонением». З'явилася вставочка «он», яка відбивала точку зору Д. Мордовця із точністю до навпаки. До слова, «помилку» автор помітив у верстці і попередив редактора, але останньому було вигідно скомпрометувати відомого малороса, який щиро виступав з позицій «передових жидов», але волею редактора жидівського «Рассвета» (прийшов на зміну «Сиона») — «преклонялся перед **гонением** еврейского народа».

П. Куліш першим відчув ворожу налаштованість впливових жидівських діячів і їхніх періодичних видань супроти українства і радикально змінив свою позицію, обґрунтовану у протесті проти антижидівських випадів журналу «Иллюстрация».

Курйоз другий трапився у журналі, як результат «єврейських штук»: лікар Леон Зеленський із Полтави і Веніамін Португало із Пирятина у 1862 р. переконували російську громадськість ось у чому: «...Зная хорошо свою нацию, мы убеждены, что единственный путь к слитию евреев с коренным народом, это — рассеять, разметать их по всему пространству нашей обширной родины. Чем больше они исчезнут в массе

других племен, тем скорее проникнет к ним цивилизация, тем легче и теснее будет сближение с христианами. Там, где евреи наиболее стиснуты и скучены в одну сплошную массу, там замкнутость, мракобесие и фанатизм представляют самое печальное, но социально законное и неизбежное зрелище. Расторжение тесного круга даст им возможность двинуться вперед, и они двинуться» (газета «День», 28 апреля 1862 г.). Це була вимога розірвати межі осілості і здійснити колонізацію Росії, але вимога фарисейська: хочете нас цивілізувати — розселіть на території всієї імперії, бо їм уже, бачте, в Україні тісно.

Курйоз третій: жидівська фальшивка під титулом: Николай Лесков «Еврей в России». Звичайно, Лесков цього твору не писав, сьогодні відомо, що «Еврей в России» постав у жидівському середовищі. Лєскову, автору відомих трьох «антисемітських» творів, приписується думка, що українські селяни живуть краще за російських, бо серед українського селянства живуть жиди. Отже, пустіть жидів у Росію і російське селянство буде «благоденствовать».

Таких «курйозів» можна побільшити многократно. Всі вони спрямовані до єдиної мети — зліквідувати смугу осілості і пересісти на шию і російського мужичка. Що з цього вийшло — прочитайте, бодай книгу колишнього міністра преси РФ кандидата філологічних наук Бориса Миронова «Иго иудейское». І матимете відповідь.

6. Для сїонїзму всі засоби годяться

«Жидотрепание...» М. І. Костомарова — документально-судова історія, що трапилася на Чернігівщині десь року 1703. На час написання її (1882) преса Росії була наповнена матеріалами про ритуальні вбивства християнських дітей членами бузувірської іудейської секти хасидів. На прохання міністра внутрішніх справ царської Росії відомий всім нам Володимир Даль (козак Луганський) написав «Записку о ритуальных убийствах» ще 1844 року, стверджуючи, що такі убивства таки були.

Середньовічне бузувірство іудейських фанатиків заперечувалося іудеями категорично, а більшість судів закінчувалося нічим: «а случай сей за неоткрытием виновных предать воле Божьей, дело же, почислив решенным, — сдать в архив». Відповідь на питання «кто виноват?» непотрібна. Костомаров знайшов архівну судову справу, яка доказово давала відповідь і на запитання «кто виноват» і на причини «жидотрепаний», сиріч погромів в Україні: вони були відповіддю на злодіяння іудейських бузувірів-фанатиків із секти хасидів, яка 2004 року вчинила в Умані антиукраїнський погром. Замовчаний владою.

М. І. Костомаров підводить читача до розуміння причин хвилі «жидотрепаний» в Росії 1881 р. Їх зумовив нечуваний злочин — убивство православного царя іудеями. Як вчений-іс-

торик, Костомаров не сприймав газетних публікацій про ритуальні вбивства, він шукав стверджених судом фактів. І знайшов. І проти жидотрепаній 1881 року не виступив.

Передісторія «справи Бейліса» в Україні, починається ще з 1860 р., коли жид-орендар, іудейський фанатик-бузувір вчинив ритуальне вбивство у Білому Стоку (тепер м. Білосток). Шестирічний хлопчик Гавриїл (22 березня 1684 року — 20 квітня 1690 року) був розіп'ятий на хресті, кров видіжена до краплі, а тіло було викинуте в полі під лісом. Всіх бузувірів було знайдено і покарано. Судові документи збереглися у Слуцькому архіві. 1820 року російська православна церква канонізувала хлопчика Гавриїла як святого мученика, покровителя малих дітей.

Костомаров як вчений-історик, виявив інший факт, засвідчений документально — вбивство з наказу львівського (на той час закордонного) цадика студента Києво-Могилянської академії. Він підняв з архівів справу про це вбивство та белетризував її для широкого читача. Як історик М. І. Костомаров не міг користуватися чутками чи недоведеними фактами. Він після вбивства жидами 1 березня 1881 року царя Олександра II шукав підтвердження схожих у російській історії фактів, за сучасною термінологією, — вбивства на замовлення чи з ритуального бузувірства, що також, за ідеєю, мало бути замовним.

Для поінформованості читачів подаємо публікацію 1875 р. із «Газети М. Гатцука», яка аку-

мулювала численні відомості про ритуальні вбивства в Росії (див. додаток № 5). Жоден суд до кінця не був доведений.

Безперечно, царський уряд Російської імперії провадив політику денаціоналізації і асиміляції. Росія прагнула до одномовності, що для неї самої створювало і створює до сьогодні багато проблем, збурює неприязнь, а то й ворожість. Але то проблема їхня, хоча дотична й до нас. За царату політика денаціоналізації і асиміляції проводилася щодо всіх народів імперії, а не до самих жидів. Якщо послуговуватися винятково фактами і документами, то жиди і в царській Росії були фактично привілейованою нацменшиною, яка протестувала не проти гонінь чи асиміляції, а проти заборони розселятися серед мільйонних мас російського народу — і збагачуватися, збагачуватися, збагачуватися. Сльози про тяжке життя «бідного єврея» — це були крокодилячі сльози. Такі традиційні і традиційно не щирі.

Денаціоналізація жидів не торкнулася. Вона, як писав Потєбня ще в 1879 р., «Зводиться до поганого виховання, до моральної хвороби». Вона звужує засоби і можливості сприйняття, обмежує засвоєння вчинків і діяльності (чого в жидівському середовищі не спостерігається), втрачається моральний критерій їх оцінки, веде до знесилення «енергії думки» (у жидів другої половини ХІХ ст. ця «енергія» пружинила і фонтанувала, бо несприятливі умови спонукали до ак-

тивного пошуку виходу, i жиди його знаходили). Дискримiнацiя i асимiляцiя зумовлюють витiснення питомих форм нацiональної свiдомостi (знову ж, iз жидами цього не сталося, якраз навпаки). Якщо форми нацiональної свiдомостi витiсненi нацiональним гнiтом та iдеологiчними постулатами царизму — самодержавством, православ'ям, офiцiйною народнiстю — i не знаходять адекватної заміни, тодi настає моральне звироднiння, слабнуть зв'язки мiж поколiннями, загострюється проблема «батькiв i дiтей»: потяг батькiв до єднання з чужими, абсолютно не ворожими для батькiв осередками (як у наш час рiзні ветеранські органiзацiї, iнвалiдські, пов'язанi iдеєю «общности» — совєтського народу), ворожими фактично народу iдеями, традицiями (у наш час — комуністична iдеологiя, першотравневі, жовтневі демонстрацiї, 8 березня, День Радянської армii тощо). Для українцiв — це дезорганiзує громаду, суспiльство, часом вiдгонить аморальнiстю i спiдленням.

Сiоністська iдеологiя та iудаїзм, навпаки, згуртували жидiвство, вони зуміли, як i завжди, виокремити себе в рiзні асоцiацiї й органiзацiї жидiв — учасникiв вiйни, жидiв — iнвалiдiв вiйни, жидiв — антифашистiв, жидiв — ветеранiв тощо. Це уберегло жидiвську нацiю вiд деградацiї i виродження в нацiональному, швидше — релігійному й полiтичному сенсi, хоча аж нiяк не вберегло вiд морального виродження, бо провiдна сiоністична верства, деморалiзуючи iнші народи,

хоче вона цього чи не хоче, деградує і сама якраз у моральному сенсі.

«Бідний єврей» ХІХ ст. і «бідний єврей» сьогодні, хоча й відрізняються своєю удаваною бідністю, а в суті залишаються непідвладними денационалізації і асиміляції. Так кредо, для прикладу, хасидів — «любов до Бога, любов до Ізраїлю, любов до Тори». А де ж коли не любов, то хоч повага до країни проживання, до народу, що дає хліб, не ними вирощений?

Добрий приклад подала жидівська молодь 1882 року після «жидотрепаний» 1881 року: майже 30 тисяч, переважно студентів, виїхали до Палестини під гаслом: «Мы будем есть хлеб, выращенный нашими руками. Мы больше не будем здесь чужими» (див.: *Кабанчик І. Б. Євреї в Україні. Навчально-методичні матеріали по курсу «Історія України». — Львів, 1997. — С. 50*). Значить, було у жидів розуміння тези «нас хліб живив один» і «будемо їсти хліб, вирощений нашими руками» і що це — речі не однакові.

Нам зрозуміло, чому в 1881–1882 рр. уже ні П. Куліш, ні М. Костомаров не подали голосу із осудженням погромів, взагалі на захист жидів, тоді як рішуче підтримували їх у 1858–1861 рр. Очевидно, далися взнаки уроки полеміки із «Сіоном» (далі часопис був перейменований на «Рассвет») у 1861 р. Понад те, Костомаров написав знамените «Жидотрепание...», в якому заглибився в першопричини цього явища. На початку 60-х рр. ХІХ ст. жест доброї волі української

і російської інтелігенції на співпрацю і порозуміння не був підхоплений і прийнятий «передовими жидами».

Спроба сьогоденних сiонiстських «iсторикiв» представити жидiвську молодь 80-х рокiв XIX ст. як героїчну революційну силу — елементарно не в'яжеться із фактами і документами. Жидiвська молодь була втягнута не в революційний рух, а в тероризм, який вони і започаткували і в Росії, і в Україні. Документом для цього твердження є лист Карла Маркса (Леві Мордехая) до Ф. А. Зорге від 5 листопада 1880 року, в якому він переконує свого адресата, що терор — найбільше і найпотрібніше досягнення революціонерів: «У Росії... наш успіх ще значніший. Ми там маємо... Центральний комітет терористів».

Події 1881–1883 рр. на Східній Україні мають відгук і в Західній Україні. Погроми не драматизувалися, а масова втеча жидів до Палестини і Америки (США) навіть висміювалася.

Характерною в цьому плані є віршована сатира Івана Франка «Швинделес Пархенблит», надрукована в галицькому журналі «Нове дзеркало» за 1884 р. із карикатурами Корнила Устиновича. Треба досліджувати, чому публікація твору обірвалася і він, здається, так і не був закінчений Франком. Із зрозумілих причин, «Швинделес Пархенблит» більше не передруковувався і до 50-томного зібрання не ввійшов, як і «Пір'я» та деякі інші твори І. Франка на жидiвську те-

матику (див. додаток № 6). Кінець 70-х — початок 80-х рр. ХІХ ст. — час коли Франко найактивніше розробляв жидівську тему і в художніх творах, згадати хоча б «Воа constriktor» (Змій-полоз), «Борислав сміється» (1881–1882). У повісті «Борислав сміється» подано таку картину жидівської сваволі, паразитування, відвертого грабунку: «Жидівня крутилася та гомоніла коло кожної хати, лестилася, як ті пси, до кожного господаря, на силу тягла до коршмів або й таки в хатах поїла людей, видурюючи по кусникові ґрунту під закоп. А скоро, собачі діти, обдурили чоловіка, виссали з него все, що можна було виссати, тоді гей же на него! Тоді він і пияк, і лайдак, і псяпара, тоді його і з коршми витручують, і з власної хати виганяють. Страшно збиткувалися над людьми!»

У мандрівці «Швинделеса Пархенблита» — героєм сам розповідає про свої злочинства, автор же підкреслює причини міграції і еміграції до Америки — найчастіше жидів гнав страх за вчинені злочинства. Рабин, «три жиди з востока» і сам Швинделес Пархенблит — це єдина злочинська організація. Такі ж наводнювали Броди і втікачі з Росії.

Дужі таланти як із Східної, так і із Західної України в ХІХ ст. чинили могутній спротив паразитуванню жидів. На жаль, цього спротиву не чинять письменники ні Західної, ні Східної України сьогодні. За винятком хіба що покійного вже Пав-

ла Глазового. Ніхто не хоче зв'язуватися і бруднитися смердючим болотом визиску, наживи, злодійства.

7. «Скотский бунт»

Мій колишній колега з кафедри історії української літератури Київського університету доцент Федір Кислий, працюючи над дисертацією про М. І. Костомарова, у відділі рукописів бібліотеки ім. М. Є. Салтикова-Щедріна в Санкт-Петербурзі натрапив на невідомий твір ученого під назвою «Скотский бунт». Костомаров помер 1885 року. Отже, твір був написаний в одночасі із «Жидотрепанием...» (1882 р.) і був навіяний одними й тими ж подіями «жидотрепаніями» 1881 р. після відомого царевбивства 1 березня.

Як встановив дослідник, «Скотский бунт» пролежав понад 30 років і тільки в 1917 р. був кимось надрукований в журналі «Нива», виданні, що комуністичних ідей не сповідувало. Федора Кислого цікавило, «чому це радянська наука не взяла його (твір. — В. Я.) на озброєння проти самого ж Костомарова. Адже це було, так би мовити, яскраве документальне свідчення, мовляв, аполітичності ученого, його «антинародного розуміння розвитку суспільства». Насправді, це був пасквіль на майбутню «соціалістичну революцію», яку в жовтні 1917 р. здійснили більшовики» (цитую за набірним примірником статті для журналу «Дніпро», стат-

тя надрукована не була. — В. Я). Ф. Кислий здійснив і переклад памфлету М. І. Костомарова, який також не був надрукований. Тільки тепер, вдруге після 1917 р., друкуємо цей, без перебільшення, епохальний твір М. І. Костомарова вперше в Україні. Є неперевірені відомості, що памфлет передруковувала московська «Неделя» у часи горбачовської «перебудови».

«Скотський бунт» не тільки «проливає світло на ставлення Костомарова до ідеї насильницької перебудови світу» через марксо-ленінську всесвітню революцію, а й, на нашу думку, в алегоричній формі, представляє силу майбутньої революції, для якої нема нічого святого, для якої мета виправдовує засоби, а це була парадигма сіонізму. Ф. Кислий трактував у часи горбачовської «перестройки», пояснював памфлет Костомарова як своєрідний відрух на вчення марксистів, точніше тодішніх соціалістів, їхнього ставлення не лише до «реакційних» класів, а й до «реакційних» націй. На підтвердження він наводив цитату з Енгельса ще з 1849 р.: «В Європі немає країни, яка б не мала... недобитків одного або й більше народів, відсунутих на задній план і підкорених націями, що згодом стали носіями історичного розвитку. Це національні залишки, яких колесо історії безжально толочило, це етнічне «барахло», яке було, є і буде найфанатичнішим носієм контрреволюції, бо його існування не що інше, як протест проти великої історичної революції» (Маркс К., Енгельс Ф. Сочинения. — М., 1957. — Т. 6 — С. 176).

Сьогодні вчені не подають пояснень, як сталося, що такі собі, за Енгельсом, недобитки жидівського народу, відсунуті історично на задній план, але, щоправда, не підкорені жодною із націй, «носії історичного розвитку», себто державними націями, стало носієм ідеї світової революції, а нині й ідеї глобалізації і нищителем як державних, так і недержавних націй. На якийсь час жидівство фактично побудувало свою державність на одній шостій планети, а в Україні ціле двадцятиріччя — 1918–1938 рр. — чинило винищення українського народу за національною ознакою, себто здійснювало геноцид.

Федір Достоєвський і Микола Костомаров, а згодом й Іван Франко пророчо дивилися в майбутнє і подали картини сіоністичної деспотії як результат здійсненої програми Комуністичного маніфесту і зокрема програми РСДРП(б).

У «Скотском бунте» наглядач за худобою Омелько впевнений, що люди помиляються, гадаючи, що тварини — нерозумні істоти. Він, хоча ніколи книжок не читав і був неписьменний, навчився розуміти мову тварин, навіть їхні діалекти, хоча «ні в нас і ніде немає граматик і словників скотинячих говірок». Тепер давайте прочитаємо, як орган російських євреїв, одеський часопис «Сион» відповідає «Основі» на питання, чому він не єднається з українською інтелігенцією і з українським народом. У статті «Сион» и «Основа» перед судом русской журналистики» (1862, № 37, с. 585) читаємо: «Спрашивается: где, в каких школах, по

каким руководством, с помощью каких словарей могли бы мы научиться правильному употреблению малорусской речи? Да и существуют ли еще эти правила, т. е. установился ли этот язык как в лексическом, так и в грамматическом отношении, размежевался ли он с другими родственными и соседними языками и наречиями, правилен ли язык самого г. Кулиша...»

Тож можемо стверджувати, що від 1861 р., коли Костомаров виступив із полемічною статтею «Іудеям», він пильно аналізував так зване жидівське питання в Україні і в Росії, його застереження виявилися правдивими і в 1905 р., і під час перевороту більшовиків у жовтні 1917 р., і в часи національно-визвольної війни 1917—1921 р., яку чомусь називають громадянською. На Україні громадянської війни не було. Була національно-визвольна війна.

Сьогодні Україна має і словники, і граматики, але жодна жидівська газета не виходить українською мовою, ще більше, кожна оголошує себе наступницею «великодержавных» «Киевскихъ ведомостей», «Киевлянина», «Киевского телеграфа» тощо. І щоб це означало, як не послідовну україножерську, русифікаторську політику на Україні за останні 150 років.

8. «История о повешенном»

У читачів може постати питання, чому «История о повешенном» потрапила в книгу статей П. Куліша, М. Костомарова, І. Франка та історич-

них документів, що відтворюють реальну картину історичного співжиття українців із жидами. По-перше, тому, що це проблема ширша і ґрунтується на проблемі християнства та іудаїзму. Расова нетерпимість ідеологів сіонізму до українців та інших християнських народів, породжена іудаїзмом і має дуже глибоке коріння, про що й свідчить «История о повешенном».

По-друге, приховування таких документів за-свідчує потаємну, латентну, але постійну і послідовну розкладницьку роботу з обездуховлення українців як носіїв і хранителів християнських цінностей. Це робота сіоністів. Я не знаходив у літературі свідчень, щоб хтось із іудейських рабинів засудив цей ідеологічний твір сіонізму і вибачився за нього перед християнами. Отже, він на озброєнні і сьогодні.

Пасквіль на Ісуса Христа і християнство в цілому є апологетичною книгою іудаїзму щодо християнства.

«История о повешенном» старанно приховувалася, але постійно використовувалася в боротьбі іудеїв із християнами. До 1985 р. вона на інші мови із івриту не перекладалася, але її знали ще в Україні-Русі XI століття.

Так наш перший із русичів митрополит Іларіон у слові «Про Закон, Мойсеєм даний, і про Благодать, і Істину» фактично цитує її: «Вони ж (іудеї. — В. Я.) назвали його облудником, народженим із перелюбу, і впевняли, що Він вижене бісів не інакше, як Вельзевулом, який має проти

них силу» (див. ще Матвія 12:24, Луки 11:18). За такі клеми і зловорожість до християн, звідси Іларіон, і покарав Бог іудеїв: «Так і сталося: прийшли-бо римляни, полонили Єрусалим і зруйнували його вщент. Іудейство після того загинуло, і Закон після цього, як вечірня зоря, погас, і розсіяні були іудеї по різних країнах, щоб зло вкупі не перебувало». Як бачимо, митрополит Іларіон зробив дещо поспішні висновки.

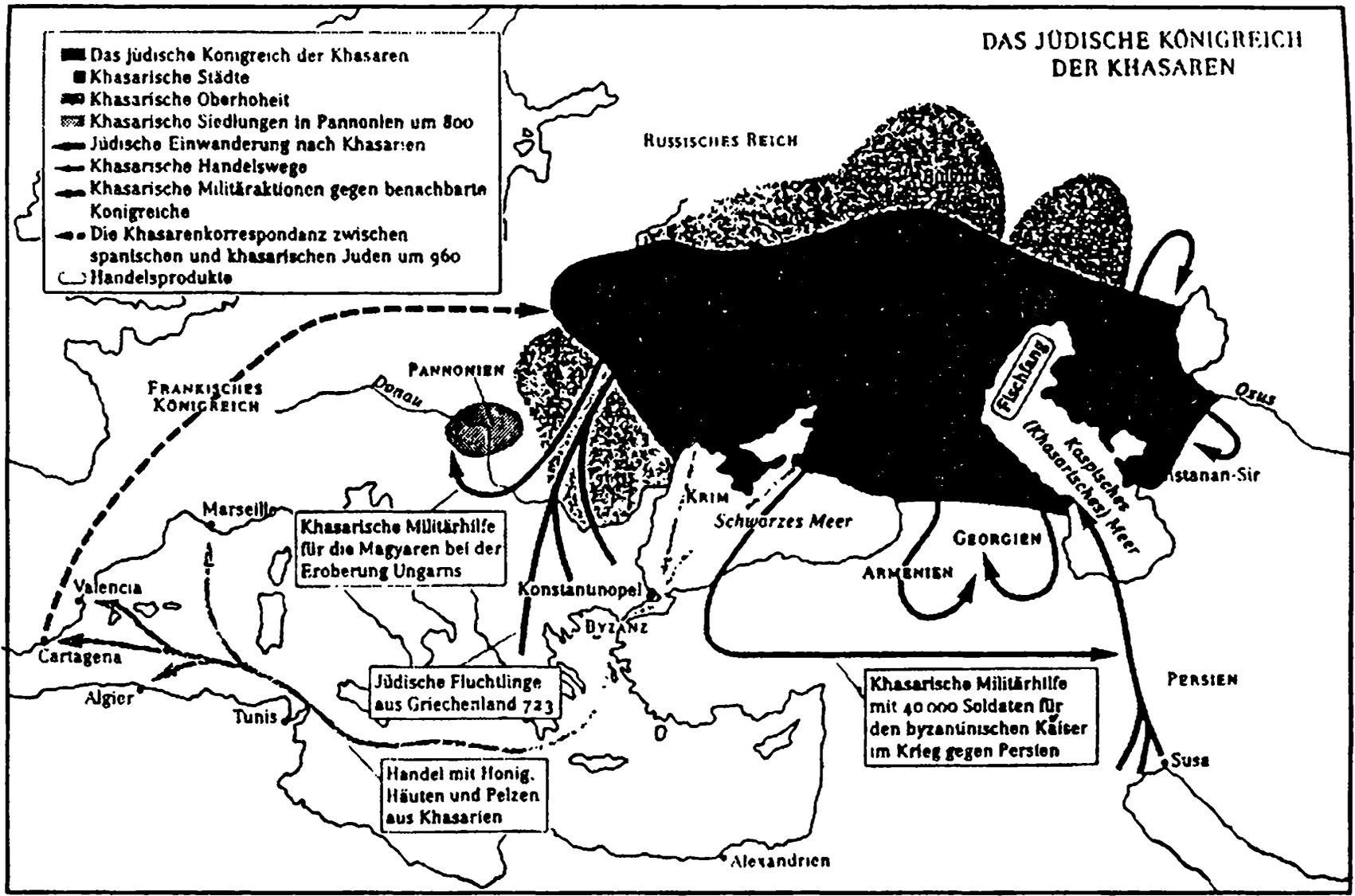
Поява російського перекладу «Истории о повешенном» у 1985 р. в Ізраїлі, а в 1998 р. другим виданням — стає документальним підтвердженням історичної нетерпимості іудеїв до християнства і християн. Вона вкарбована в різних книгах Талмуда, який є апологетичною книгою іудаїзму, що втовкмачується в голови всіх нових і нових поколінь жидівського народу.

Саме за те 25-ліття — від 1861 р. по 1885 р. — російська преса звертає пильну увагу на Талмуд і не стільки піддає його критиці, скільки вимагає від іудеїв пояснень, чи можлива моральна солідарність між іудеями і християнами на основі сентенцій з Вавилонського Талмуда?

І просто не зрозуміти нормальному чоловікові те, що читаємо в українському молитовнику (Львів, 1994): «Ущасливи, Господи, благословінням Своїм Сіон, і здвигни стіни Єрусалимські» (с. 11, 286); «Ізбав, Боже, Ізраїля від всіх скорбот його» (с. 265); «Дивний Бог у святих Своїх, Бог Ізраїлів (с. 287, 321, 333, 373); «Бо клявся він Господові, обіцявся Богові Якова» (с. 333); «Пом'яни, Господи, Давида і всю кротость його» (с. 333).

DAS JÜDISCHE KÖNIGREICH DER KHASAREN

- Das jüdische Königreich der Khasaren
- Khasarische Städte
- ▨ Khasarische Oberhoheit
- ▩ Khasarische Siedlungen in Pannonien um 800
- Jüdische Einwanderung nach Khasarien
- Khasarische Handelswege
- Khasarische Militäraktionen gegen benachbarte Königreiche
- ↔ Die Khasarenkorrespondanz zwischen spanischen und khasarischen Juden um 960
- Handelsprodukte

Прочитайте іудейський антихристиянський антилюдський пасквіль «История о повешенном» і тоді можете воздавати молитву Богові, якщо рука підійметься: «Ізбав, Боже, Ізраїля від всіх скорбот його». Його «скорботи» нам уже відомі.

Сьогодні брехливі і цинічні адвокати сіонізму із доморощених очідовілих і самих жидів наводять дефініції із «Британіки», що таке сіонізм і переконують, що це всього лиш жидівський патріотизм і боротьба за свою державу. Ми це вітаємо і всіяко підтримуємо. Але поняття «сіонізм» у другій половині ХХ ст. розширилося, сам сіонізм переродився в расову ідеологію із претензією на світове панування.

Харківський ребе Едуард Ходос застерігає нас від пустельної ідеології третьої Хазарії. Мій колега із Відня надіслав мені мапу (див. с. 57) із німецькомовного журналу, на якій означено кордони «жидівського королівства Хазарія», йдеться про Хазарію третього тисячоліття. Україну, Росію, частину Литви і Білорусії покрила Хазарія. Це маячня, але не така безневинна, як декому здається. Від Ізраїлю до світової Хазарії! Оцьому сіонізму — наш опір!

Думаймо про свій народ і його завтрашній день! І будьмо пильні.

*Василь Драченко, професор
20 травня 2005 р. В.Ф.Ф.*

П. Кулиш

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ

“Пане! — сказал жид Янкель. —
Знаете ли, что делается?”

“Тарас Бульба”, Н. Гоголь

“**О**снова” (VI-я книжка) по поводу резко высказанного ей неудовольствия одного из ее читателей за слово *жид*, употребляемое ее сотрудниками, выразила, между прочим, свое участие к живущим на украинской почве жидам как к людям, которые, вместо любви и уважения к себе, внушали и внушают всему нееврейскому населению Украины чувства противоположные. В статье “Основы” с сожалением говорилось, что еврейское племя живет особняком среди южнорусского населения; до сих пор оно не имеет ничего общего с нашим народом и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а, напротив, нередко действует противно духу и пользам нашего народа.

Говоря таким образом, “Основа” надеялась, что передовые люди еврейского племени в Украине,

непрестанно доводящие до сведения публики о своей образованности, поймут нас как люди, в самом деле образованные, и употребляют зависящие от них средства к распространению между украинскими жидами новых гражданских идей, на обоюдную пользу пришельцев и туземцев. Не тут-то было! Не в ту сторону направлены умы передовых жидов. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть их этим именем; но вместе с тем, с известного рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (в № 10 своего журнала “Сион”) заключение, что “стремления” “Основы” очевидно — исключительно национальные; что “Основа” никак не допускает, чтобы в Малороссии могли жить другие люди, кроме малороссов; что “Основа” не дозволяет никому быть равнодушным к особым судьбам украинской нации; что эта нация готова приняться за *истребление* или *изгнание* жидов; что “Основа” требует от жидов сочувствия не к судьбам целого отечества, а к судьбам одной из частей его, и т. д.

Каждому, надеемся, из этого ясно, к каким мерам прибегают передовые жиды для достижения своей цели; каждый, кто читал “Основу”

вообще и VI-ю книжку в особенности, знает, есть ли во всем сказанном сионским публицистом хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся делами предков их на украинской почве и не видим благословения небесного в том, что делают вообще жи́ды в наше время везде, где им дозволено и не дозволено жить, передовые жи́ды, не обинуясь объявляют нас проповедниками инквизиции и обновителями варварских и феодальных времен. Тут же рядом они отпускают такого рода фразы: “Все равнодушны к общим судьбам нашего отечества России... в противодействии его пользам — “Основа” не упрекает нас и, при всем желании, не могла бы упрекнуть: бесчисленное множество фактов могли бы мы привести в таком случае в свою защиту”. Каково! Невольно вспоминается гоголевская сцена, в которой жи́ды уверяют запорожцев, что они с ними, как братья родные... В статье, занимающей пять столбцов “Сиона”, не менее пяти раз упомянуты слова: *отечество, отечественные интересы, все наше отечество*, — словом, передовые жи́ды относительно “собрания земли Русской” опережают и самих Иоаннов московских. С такими литераторами не нам иметь дело.

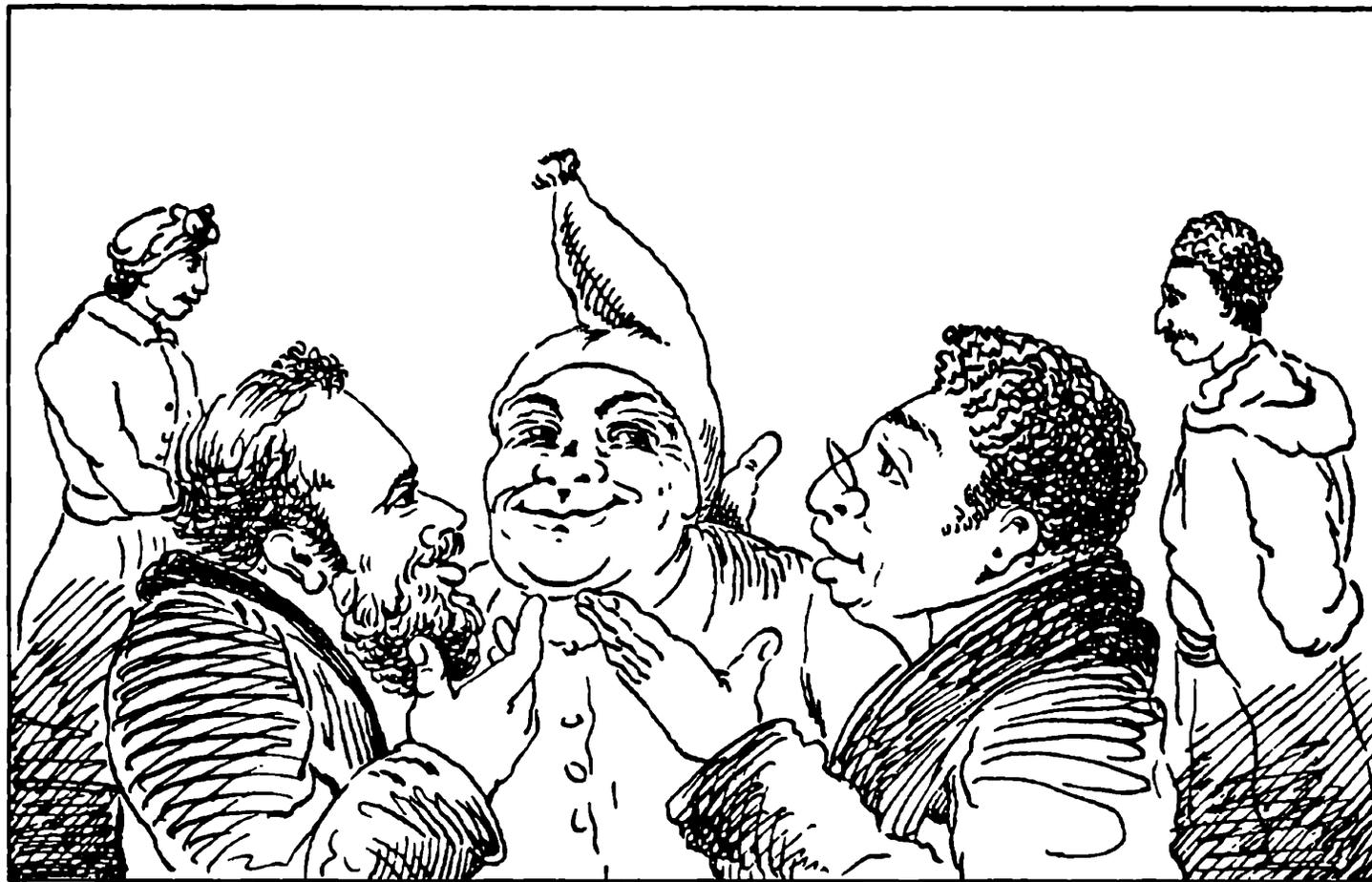
Мы готовы отстаивать свои убеждения со всею искренностью любви к правде, насколько она нам ясна, но странно было бы сражаться неравным оружием. Предоставим передовым жидам идти к своей цели избранною ими дорогою. Не впервые слова: *прогресс, цивилизация, гуманность, просвещение* подвергаются подобному злоупотреблению.

Выражая таким образом личное мое мнение о недостойном способе полемики, к которому, в слепом увлечении национальным эгоизмом, прибегнули передовые жиды, я руководюсь чувством, пробужденным оскорблением достоинства печатного слова, тем самым чувством, которое около трех лет тому назад заставило меня взяться за перо в пользу евреев, обиженных “*Иллюстрацией*”. Статью, помещенную в “*Русском вестнике*” (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вместе со мною, Костомаровым, Марком Вовчком, Номисом и Шевченком, писал я. В ней было сказано следующее:

“Много веков уже христианские нации, составляющие ныне русскую империю, клеймят скитающееся по всему миру племя евреев именами злодеев, предателей, обманщиков, врагов

Божиих и человеческих. И не на словах только высказывалось против евреев негодование обществ и правительств, которые не умели увлечь их человеческими средствами на путь истины и добра. Их изгоняли, топили, жгли и резали, как хищных зверей. Было бы неестественно этим жертвам слепого озлобления фанатиков оставить обычаи, за которые их ненавидели, и усвоить себе характер своих гонителей. Не говорю уже о самом вероисповедании, которое, чем ожесточеннее было поносимо христианами, тем казалось выше и святее в глазах евреев, тем теснее связывало их в один корпоративный союз, во имя не до конца прогневанного ими Еговы. Таким образом, христиане, ревнуя по вере и от всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по всему свету потомков Израиля, этим самым отдаляли их от пути истины и делали глухими к евангельскому слову. Евреи видели и должны были видеть врагов своих в проповедниках человеколюбивого учения, прибегавших к брани, угрозам, гонениям и убийствам. Евреи сделались и должны были сделаться заклятыми врагами иноверцев, возвергающих хулы на их веру, на их учителей, на их храмы-школы и на

Евреи цивилизаторы простого народа.

Гершко и Шлѣкя: А видишь, какимъ мы сдѣлали тебя молодцомъ! Совсѣмъ на мужика непохожѣ, только трошки дуже жирный; ты отдайся смѣло въ наши руки, то мы скоро сбавимъ съ тебя того жиру, и ты станешь совсѣмъ цивилизованнымъ.

Параскя: Пѣтро, а Пѣтро! то-жѣ нашъ Иванъ! видишь, какую чучелу съ него сдѣлали жида! а онъ еще и смѣется!

Пѣтро: Диво, что жида съ мужика чучелу сдѣлали! Да кого они и не передѣлаютъ на чучелу! Былъ у насъ головой богатый панъ, миллионеръ, хотѣлъ выгнать жидовъ изъ города, соглашался даже платить подати за выгнанныхъ жидовъ, а потомъ проигрался въ карты, одолжилъ денегъ у жидовъ, и теперь дѣлаетъ, что жида ему прикажутъ, совсѣмъ якъ жидовскій наймитъ: жида напишутъ книжку, что ихъ Правительство стѣсняетъ, не даетъ свободы, а винъ подписываетъ подъ книжкой свое имя и выдаетъ за свою; совсѣмъ какъ пьянчужка Иванъ, на имя котораго жида берутъ шинки по деревнямъ.

Чи завжди буде так, як вирішать вони?

священные для них обычаи. Евреи, стесняемые повсеместно даже самими законами, поневоле обратились к хитрости и плутовству, поневоле освятили вероучением своим всякий вред, который они могут сделать безнаказанно христианину (но извинительно ли прибегать к подобным мерам передовым жидам *нашего времени?*). Евреи дошли до изуверства в ненависти к христианам. Как ни возмутительно для нас многое из того, что мы знаем о евреях по достоверным, письменным и печатным, свидетельствам, но это должно служить для нас только мерою зол, которым так долго и так повсеместно подвергались несчастные потомки Израиля. С другой стороны, современный практический разум доказывает нам очень убедительно, что ни к чему доброму не привела евреев всеобщая вражда к ним христианских народов, и что одно свободное просвещение да равенство гражданских прав способны очистить еврейскую национальность от всего, что в ней есть неприязненного к иноверцам. Русские литераторы, стоящие во главе нового русского движения к человечности, глубоко осознали эту истину. *“Русский вестник”* первый сделался органом просвещенных представителей еврей-

ского племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представил торжественную манифестацию русских и польских писателей против “Иллюстрации”, которая, нося европейское имя, дышит временем Иоанна IV Грозного в своих суждениях о евреях. В сорока восьми именах, подписавших протест, напечатанный в № 21 “Русского вестника”, я уверен, есть и имена малороссиян, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссии, во всяком истинно человеческом движении. Но между этими именами я не вижу ни одного, с которым связана идея собственно малороссийской, украинской или южнорусской народности, проявившаяся в последнее время в литературных произведениях разного рода. Много или мало известно пока таких имен, но голоса их имеют в этом деле особенно важное значение, выражая мнение о еврейском вопросе того народа, который больше великороссиян и поляков терпел от евреев и выразил свою ненависть к евреям, во времена оны, многими тысячами кровавых жертв. Этот народ не мог входить в причину зла, заключающуюся не в евреях, а в религиозно-гражданском устройстве Польши.

Он мстил евреям с таким простодушным сознанием праведности кровопролитий, что даже воспел свои страшные подвиги в своих истинно поэтических песнях. И несмотря на то, современные литературные представители этого народа, дыша иным духом, сочувствуя иным стремлениям, прикладывают свои руки к протесту *“Русского вестника”* против статей *“Иллюстрации”*.

То, что написал я три года назад, я повторяю и теперь как доказательство, что мой взгляд на вопрос о евреях не изменился; но ни прежде, ни после я не допускал и не допускаю за евреями права — действовать без разбора всяким оружием, — в роде сионского, или в роде неуместного притязания г-на П-ва, — для достижения хотя бы самых естественных и справедливых целей. *“Основа”*, без сомнения, вполне со мной согласна.

П. Кулиш

НЕДОРАЗУМЕНИЕ
ПО ПОВОДУ СЛОВА “ЖИД”

Мы получили письмо, в котором делают нам незаслуженный упрек. Вот что, между прочим, пишет г. П-в:

“Я был уверен, что в программу “Основы” не входило намерение оскорблять кого-нибудь. На деле вышло иначе...

Позвольте мне объясниться. Всего год, как я кончил университетское образование, и в продолжении шести лет имел счастье, вместе с лучшими своими товарищами, посетить русские университеты (Харьковский, Киевский и Казанский). Я вступил в университет в прежнее время. Тогда еще в университетах раздавалась гнусная кличка “жид”, и этой кличкой часто называли студента еврейского вероисповедания. Но, с обновлением России, эта кличка исчезла из университетов. Многочисленные мои

товарищи подчас уже обозначали этим нарицательным словом вообще всякого плута и мошенника, — все равно, был ли он еврейского, католического или православного исповедания. Значит, молодое поколение дальше вас шагнуло. Оно отрешилось от национальных узких предрассудков и отличает человека по его личным достоинствам, а не по вере. Признаюсь, я радовался этому совершенному примирению молодого поколения и был счастлив, что это совершилось на моих глазах. Радостная весть эта разносилась нами во все концы России. Русская литература заявила себя в том же духе и давно отрешилась от слова “жид”. Вдруг являетесь вы с журналом, где хотите пробудить средневековую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратить свой народ (по крайней мере, в этом отношении) ко временам Богдана. Скажите на милость, неужели вам это доставит душевное удовольствие, когда разъяренная чернь проведет свой неумолимый нож по тысячам несчастных жертв и кровь почти полумиллиона евреев безвинно прольется на Украине?.. Или вы хотите иметь побольше подписчиков, обязавшись льстить грубым и черствым натурам разных Иванов Ивановичи-

чей и Иванов Никифоровичей? Если — да, то я вас поспешу уверить в следующем. Вы учились давным-давно, а я только что оставил университет. Молодое поколение малороссов, сочувствуя вашей “Основе” во всем другом, нисколько не разделяет отсталых понятий относительно евреев. В последние годы студенты русских университетов научились отличать евреев и не клеймить их более позорным словом “жид”. Следовательно выражения: “жид”, “жидова” и тому подобные уже не производят теперь того эффекта, какой производили они во времена Фаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный труд, ложный путь!..

Далее. Я имел счастье вместе со своими товарищами православного исповедания посетить и тюрьмы. Странно, что наш слух нигде не был оскорбляем никем из смотрителей, вахтеров, унтеров, ефрейторов и других бывших при нас в крепостях, тюрьмах и острогах. А тут пришлось встретиться с этим милым эпитетом, после долговременной разлуки, в вашем журнале. От души жаль!

Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тон моего письма порожден чувством глубоко оскорбленного самолюбия. Нельзя же

иначе. И я умоляю вас — не оскорблять нас больше. Неужели вам это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди из евреев оскорбляются этим прозвищем, то вам как редактору следует избегать его. Кто же из евреев этим не оскорбляется, тот ничем не оскорбится.

Во имя успеха вашего журнала, во имя благоденствия Украины, от имени евреев, оскорбленных гнусными выражениями вашего журнала, умоляю вас заменять их вперед нашим национальным именем. И только вера в благородство ваших целей и стремлений побуждает меня просить вас об этом письменно, а не печатно, не гласно¹. В подтверждение своей правоты ссылаюсь на суд университетов и в особенности на голос нашего великого учителя, которого вы, вероятно, знаете. Можете передать ему мои претензии. Знакомый со студентами евреями, он вас уверит, насколько ваш журнал несовременен в этом отношении.

¹ Только ложь и зло любят скрываться, а мы не мыслим ни того, ни другого и пользуемся этим случаем, чтоб ответить всем, кто удостоит наше откровенное мнение своим вниманием.

Я надеюсь, что вы удовлетворите нашей просьбе и тем обяжете всю сочувствующую вам еврейскую молодежь, а в особенности меня, еврея”.

Мы почли своею обязанностью отвечать на это письмо печатно, в том предположении, что мнение, высказанное г. П-вым, (человечности и любви которого к своим соплеменникам мы искренне сочувствуем), вероятно, разделяют и другие евреи.

Положа руку на сердце, мы можем смело сказать, что нас меньше тронуло обидное положение о служении своим интересам посредством угождения средневековым понятиям, нежели то, что кто-либо оскорблен выражением, употребленным в “Основе”, будто бы умышленно, из вражды и презрения к какому бы то ни было племени на земле. Смею уверить почтенного моего обвинителя и вообще всех евреев, сочувствующих нам и не сочувствующих, — просвещенных и непросвещенных сознанием братства всех без исключения людей, — что никогда враждебное отношение к еврейскому племени не входило в “Основу”, что мы не считаем себя в праве оскорблять кого бы то ни было; что явление, в роде избиения

евреев во времена *Богдана* и *Максима*, представляются нам печальнейшими симптомами расстроенного общественного организма; что, по нашему глубокому убеждению, никакие, во видимому, добрые последствия подобных болезненных содроганий не искупают того зла, которое наносится другими и самим себе мезтью для мести, жестокостью и убийством; что уважение и справедливость к человеку, а тем более к племени, народу и народности, легло в основание нашей “*Основы*”, и что только одно это начало оправдывает ее появление и существование; что мы веруем только в силу и плодотворность только одной *правды*, без которой, пока она не станет главным двигателем человеческих отношений, не может осуществиться идеал человеческого общества, — а правда не мирится с враждой и неуважением к человеческой личности; — что, если мы надеемся на успех, то единственно в силу этого начала, которому никогда и ни для чего не изменим; и что, наконец, если мы (естественно) желаем для “*Основы*” больше подписчиков, то в имя того, что она служит на пользу самопознанию, просвещению, справедливости и любви, а уж никак не вражды, избыток которой долго еще будет и без нас ощущаться в нашем обще-

стве, на каждом шагу и каждый час². Но, признавая общее начало, искренне и горячо желая осуществления их в жизни мы не должны забывать, что стоим на исторической, обусловленной известною минутою и обстоятельствами почвы, что эти начала, близкие, понятные и убедительные для нас, еще долго будут неубедительны для массы, которая живет настоящею действительностью, фактом и каждую минуту ощущает на собственной спине ее давление.

Держась исторической почвы, рассмотрим беспристрастно недоразумение относительно употребления слова *жид*.

² Быть может, кому-нибудь покажется смешно, что мы публично исповедуем руководящие нами начала по поводу письма, написанного в раздражении самолюбия из-за слова (никогда, впрочем, нами лично не употребленного) «жид» вместо «еврей». Нам, напротив, грустно, что так мало взаимного понимания между людьми, что пять книжек журнала было недостаточно для уяснения друг другу нашего взгляда; что г. П-ов со своим университетским образованием и знакомством текущей литературы нуждается, с нашей стороны, в разъяснении и чуть не с угрозой предъявляет свои требования к украинским писателям, у которых встретил слово «жид» и которые между тем, в числе первых, печатно протестовали в «Русском вестнике» против несправедливого поступка «Иллюстрации» с г. Горвицем.

Слово *жид* родственное латинскому *judaeus*, немецкому и французскому *jude* и *juif* и польскому *zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значению иудейского племени в ряду прочих племен нисколько не уступает названиям *еврей*³ и *израильтянин*⁴. Имя *жида*, т. е. иудея, только позднейшее (появилось не за тысячи — как другие два, — а за сотни лет до Р. Х.), но значение его одно и то же со значением израильтянина и еврея.

Автору письма, вероятно, неизвестно, что малороссы стали называть издавна и теперь называют евреев жидами не в презрительном, бранном, оскорбительном смысле, а точно так же, как великороссиян называли и называют москалями, поляков — ляхами; что другого слова, для названия еврейского племени, они почти и не знают. Слово это пришло в Южную Русь вместе с еврейским населением из Польши, где и до сих пор служит народным названием не только у поляков, но и у самих

³ От слова «гебер», которое означает «по ту сторону» (народ, обитающий по ту сторону Евфрата), или — как некоторые думают — имя одно из ветхозаветных патриархов.

⁴ Происходящий от Израиля.

евреев. Даже в ту эпоху, когда евреи, под покровительством польских панов, пользовались на Украине таким невероятными правами и привилегиями, каких не имел целый класс южнорусского народа, — название *жид* употреблялось не только в разговорном, но и в официальном языке самих панов-покровителей. Г. П-в может найти многочисленные подтверждения наших слов в актах старого и нового времени, в которых нередко встречаются следующие выражения: “Объявляем сим арендным листом нашим, что мы отдали в аренду славному пану *Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому* и потомкам его, наше наследственное имение” (Памятн. Изд. Киевской Комиссией, т. III., отд. II, стр. 68—70). Само значение этого акта и слова не намекает ни малейшей чертой на что-нибудь поносимое для еврея (это, конечно, хорошо известно и автору письма).

Наша южнорусская литература ведет свое начало и почерпает свои силы непосредственно от народа: основанием ей послужили народные памятники изустной словесности; украинские писатели вышли или прямо из среды народа, или, будучи оторваны от него сословным воспитанием, — с пробуждением сознания возвратились

к народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. От того-то язык и содержание нашей литературы вполне народны. Ясно поэтому, что украинский писатель, желая оставаться верным основному началу своей литературы, не должен, в противность своей народности, вносить в литературный язык, без нужды, новые слова. Всякий малоросс мог бы упрекнуть г. Кулиша в бесполезном нововведении, если б он в своей *Хмельниччине* стал употреблять вместо *жид* слово *еврей*. Ученый, занимающийся изучением старой украинской жизни, также не может избежать слова *жид*, потому что вся старая южнорусская письменность только и знала это слово для обозначения еврейского племени, и всякое, приведенное в подлиннике место акта, летописи, думы, песни, касающееся евреев, будет содержать это слово. Вот почему те писатели, которые протестовали против "Иллюстрации", употребляют между тем слово *жид*, отнюдь не соединяя с этим именем другого назначения, кроме прямого. Южнорусский поэт Шевченко, которого никто не может упрекнуть во вражде к какой бы то ни было народности, произведения которого проникнуты негодованием против всяких при-

теснений и несправедливостей, но не против народов, — также употребляет это слово. Если бы г. П-в сообразил эти факты, то, — мы думаем, — он не стал бы, в пылу раздраженного, Бог весть почему, самолюбия, упрекать нас в том, будто мы хотим пробудить средневековую вражду к еврейскому племени, — будто мы желаем возвратить свой народ ко временам *Богдана!*? Воображение так далеко увлекло г. П-ва, что ему чудится даже разъяренная чернь, которая “проведет свой неумолимый нож по тысячам несчастных жертв”, т. е. евреев, и все это потому только, что в “Основе” допущено слово жид, которое постоянно, в течение веков, произносилось и произносится 12-миллионным населением. Г. П-в домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались от своего народного слова... А почему бы г. П-ву не подумать, в это время, и о нашей народности, которая имеет же свои права, и прежде всего — право говорить тем языком, каким она всегда говорила?.. После этого поляк станет требовать, чтобы южнорусские писатели в своих народных произведениях называли его поляком, а не ляхом, как называл его народ, для которого они пишут. Подобные притязания, с гораздо большим

правом, мог бы предъявить и *немец* (так как это слово происходит, вероятно, от *немой*), а — чего доброго! — и татарин, на том основании, что этим именем малоросс называет иногда недоброго человека. Что касается нас лично, то мы согласились бы, в этом отношении, на самые широкие уступки... но что в том пользы? “Розу как ни назови — она все-таки будет розой”.

Мы знаем, что народ наш, отличающийся терпимостью вообще и веротерпимостью в особенности, смотрит на еврея не совсем дружелюбно, и что поэтому, а не по чему другому — слово *жид*, в устах его, означает и человека, о котором народ невысокого мнения, — известный нравственный образ которого не возбуждает к себе особенной расположенности. Винить ли в этом народ... Представьте же себе, что в нашей печати слово *жид* исчезло; и неужели вы думаете, что с изгнанием его из южнорусской литературы изменится и взгляд народа на еврейское племя? Разве перерождение понятий и убеждений можно совершить путем мелких теоретических уступок, не служащих ни к чему, кроме минутного удовлетворения щекотливому самолюбию и болезненной

раздражительности? Разве не смешно обольщать себя тем, что, с переменой названия, хоть на волос улучшатся отношения народностей? Дело так важно! Оно требует, чтобы люди, искренно готовые служить делу, занялись его сущностью, а не внешностью, опустили до глубины, добрались до источника зла и не думали, что, переменяя названия предметов, шагают вперед.

В народе образовалось невыгодное о евреях мнение вследствие тех притеснений, которые он когда-то вытерпел от них. Вот что он сам повествует о своих прежних отношениях к еврею:

Як од Кумівщини да до Хмельниччини,
Як од Хмельниччини да до Брянщини,
Як од Брянщини да до сього ж то дня,
Як у Землі Кралевській да добра не було:
Як жиди-рандарі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили, —
Становили шинки по долинах,
Заводили щоглі по високих могилах.

Іще ж то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі торги
зарандовали

Да брали мито-промито:
Од возовою
По півзолотога,
Од пішої-пішаниці по три денежу
й мита брали,
Од неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ще питає:
“Ци нема, котик, сче цого?”

Ще ж жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі церкви
зарандовали:

Котрому б то козаку, альбо мужику,
дав Бог дитину появити,
То не йди до попа благословиться,
Да піди до жида-рандаря, да полож
шостак,

Щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину охрестити.

Ще ж то котрому б то козаку,
альбо мужику, дав

Бог дитину одружити,
То не йди до попа благословиться,
Да піди до жида-рандаря, да полож
битий таляр,

Щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину одружити.

Ще ж то жиди-рандарі
У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі ріки
зарандовали:

Перва на Самарі,
Друга на Саксагані,
Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
П'ята на річці Кудесці.
Котрий бо то козак, альбо мужик, схотів
риби ловити,
Жінку свою з дітьми покормити,
То не йди до пана благословиться,
Да піди до жида-рандаря, да поступи йому
часть віддати,
Щоб дозволив на річці риби вловити,
Жінку свою з дітьми покормити.

(Записки о Южной России,
П. А. Кулиша, 1865 г., т. II, стр. 58)

Изображенные в народной думе отношения изменились. Но до сих пор еврейское племя живет особняком среди южнорусского населения; до сих пор оно не имеет ничего общего с нашим народом и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а, напротив нередко действует противно духу и пользам нашего народа. Для нации ничего не может быть вреднее, как существование посреди нее других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам или что еще хуже — стремятся

подчинить ее своей власти или своему влиянию. Взаимное сближение, просвещение понятий, изменение вредных общественных отношений — вот то дело, которому с пользою и успехом могут посвятить себя люди, желающие послужить своему народу. Вместо того, чтобы тратить свои силы в тщетных спорах и несправедливых притязаниях, лучше постараемся, отложив в сторону всяческое самолюбие, внимательно и беспристрастно исследовать зло во всех его направлениях; тогда мы откроем причину и средства, тогда мы достигнем и до взаимного понимания друг друга, — а “понимание есть начало примирения”. Будем не словами только, — не одним бездеятельным сочувствием, а самим делом следовать Н. И. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этом пути, — и, несмотря на предрассудки, несмотря на все — по-видимому — непреодолимые трудности, представляемые действительными, настоящими отношениями, мы успеем больше сделать, нежели сделало бы повсеместное исчезновение названий и прозвищ, неприятных для чьего-либо народного самолюбия.

Не отказываясь за своих сотрудников от употребления в “Основе” народного слова *жид*,

мы со своей стороны искренно желаем действительного сближения народностей и всегда готовы и словом и делом тому содействовать. Зная, как даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно наделено к некоторым в особенности родам деятельности, мы убеждены однако ж, что только то развитие его будет прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдет из потребностей нашей страны и народа и найдет в нем сочувствие. Всякое явление, в этом духе, мы встретим с искреннею радостью и любовью, подобно тому, как мы порадовались, узнав об участии киевских студентов-евреев в устройстве воскресных школ.

Пантелеймон Куліш

ДЕЩО ПРО ЖИДІВ

В останні часи чимало казано й писано про жидів. Не перлічиш усього, що надрукували, щоб громада поняла віри, що жиди — такі ж люде, як і ми, і що вони мусять мати громадянські права. З таким поглядом, починаючи свої доказки, жидолюбці очорнили громаду. Як таки? В наші часи ще живе фанатизм, ненависть, ще жидів мають не за однаких із нами людей, ще тіснять їх за віру, звичаї, одежу!

Швидше горніть жидів до свого серця! Робіть їх судьями, генералами, міністрами! Нехай живуть, де схочуть; нехай гендлюють, крамарують скрізь по всьому царству. Не легко й спорити проти таких дум, бо вони обпираються на правду, та... чи не треба б спершу подумать — чим залатати дірки на свитах убогих селян, що жиди пообдирали? Як одвичити од

горілки опоєного жидом батька голодних дітей, од крадіжки сина, або дочку, що жид навчив обкрадати батька, наймита, або челядку, що для жида обносили хазяїна?

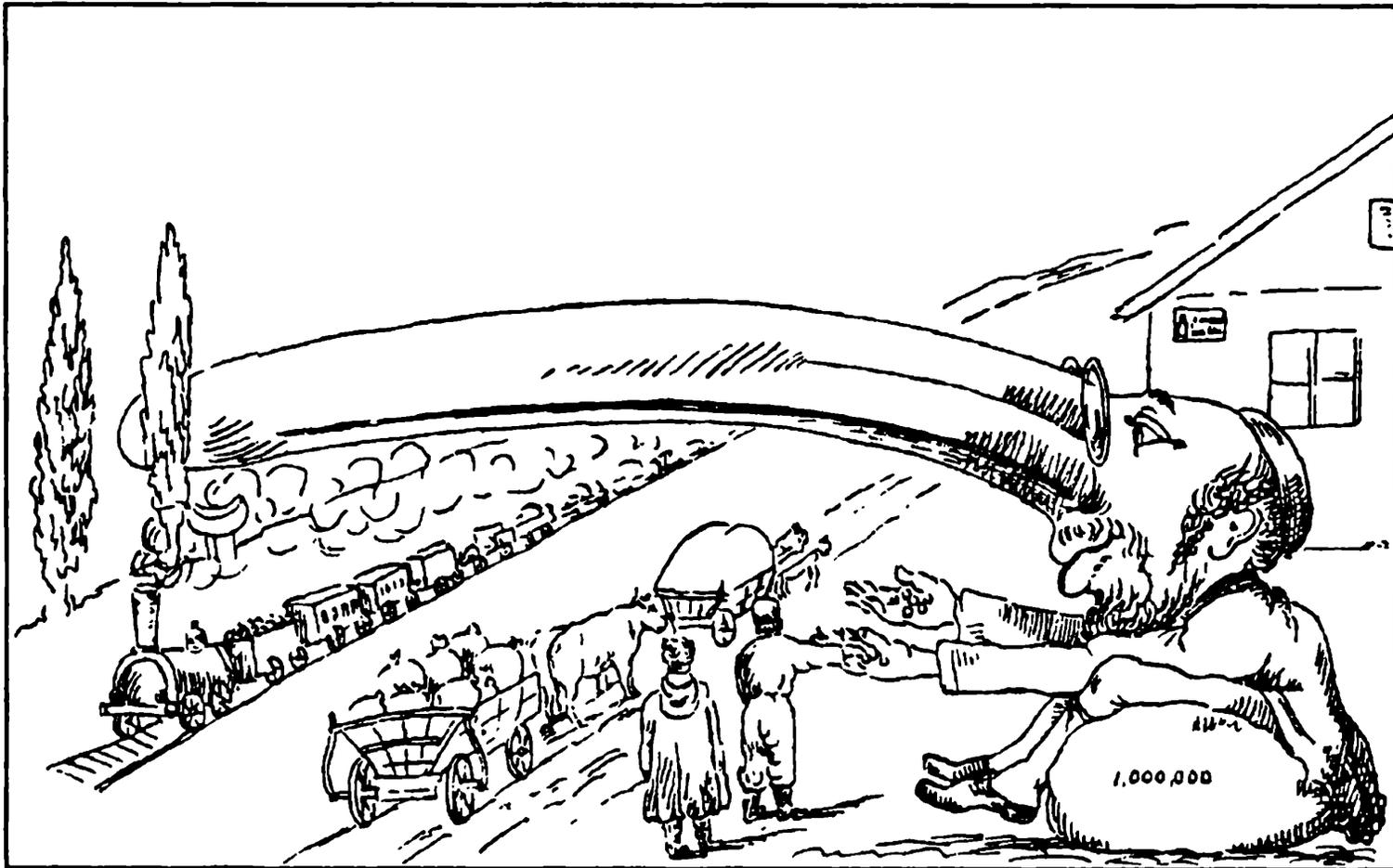
Я живу на Україні, у таких нетрях, де нема шкіл, ні недільних, ні щоденних, де попи тільки раз у год кажуть казань, перед постом, щоб приносили роковщину, — де станові да пани, — та про сих шкода й балакати. Живу там, куди не досяг ще світ істини й науки, а де жиди вже опанували люд — по містечках і великих селах.

Хто не бачив зблизька, той не пойме віри, щоб один жид, у три-чотири годи, знищив, запоганив, розбештував село, де тисяча, або й більш ревізьких душ.

Де ж береться у жидів тая сила, на лихо людві й самим жидам, бо вона корінь нелюбови ік їм?

Сила ся — поєднання жидів, із панами й поліцією. Слуга пана й станового, годючи обом, жид не боїться обдурювати простих людей, бо й пан і становий тягне руку за жида; тільки — так кажучи — се надвірня сторона хати; сила жидів криється в їх, нічим не зупиняємому, жаданні грошей, у зневазі і к хрещеному люду, у без-

Не замѣчаемые, но ощущаемые сборщики податей.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 Февраля 1885 г.

Иванъ: Петро, а Петро? чью пшеницу ты везешь?

Петро: Чью? вѣстимо чью! жидовскую! а ты?

Иванъ: И я жидовскую. Теперь все жидовское, нема ни панского, ни крестьянского. Але я того тильки не разумѣю: тожъ мы оралы, сѣяли собирали и теперь мы веземъ, а жиды, ничего не дѣлавши, больше заработаютъ, якъ мы, тяжко працювавши.

Петро: А заработаютъ, бо жиды розумны, а мы дурни. Чы ты бачивъ, чтобъ самый бидный жидъ нанялся къ христіанину на работу, альбо съгльъ кусокъ христіанскаго хлѣба, мяса? Правда, что ни. А мы за чарку водки, да за два, три злоты працюемъ, якъ волы, для жидовъ. Теперь ничего ни купить, ни продать нельзя безъ жидовъ—всюду они воткнули свой носъ. Коли бъ мы съ жидами дѣлали такъ, якъ они съ нами: не шли къ нимъ на работу, не ѣли жидовскаго хлѣба, ни мяса, то поглядгль-бы я, чтобы то съ жидовъ сдѣлалось? Мы безъ нихъ прожили-бъ, але жиды безъ насъ пропали-бы, якъ клопы на морозъ.

Всемогутній засіб сучасної глобалізації, зображений карикатуристом 120 років тому.

країм мошенстві з не жидами, а корінь сієї сили у самих жидівських давніх звичаях.

Перехожу до фактів: нехай вони говорять за мене, бо таким робом способніше доказати правду.

Приїде у село жид із жидівкою; жидівка ще наданнійша одурювати людей. Жид їздить, купує, продає, а жидівка дома, порядкує. Наймуть хату, або пан у свою посадить, бо пан без жида не обійдеться: жид і оманить його і вірний йому як собака, бо знає, що держиться він за панською головою. Накупить жид усячини: смоли, цвяшків, мила, голок, очіпків, ременю, підшов, хусток — не перелічиш усього! Варить мед, пече пироги, булки, — і починає людей підманювати. Небагато продажного борошна у якого-небудь хазяїна, — шкода й їхати самому у ярмарок! — Себто треба прохати сусідів, бігати по хатах, та ще й могоричити; от і згадає: є в нас жид на селі, чи не купив би він? Іде до жида, жид купить, звісно, — дешевше, і забожиться і залянеться, що на ярмарку така ціна. Хазяїн і не йме йому гаразд віри та подумає: як мені клопотать, та могорич купувати, то на те ж і вийде. А жид вже не випустить його так із хати: знає, що не іде він у ярмарок, і питає — чи не

треба того-другого? Наділить йому хоч горілого ременю, що зараз порепається; а порадитись, як у ярмарку, немає з ким, та ще й візьме жид удвоє, і знов божиться-клянеться, присягається.

Ще ж то добре, як жид не шинкує... Над жида шинкаря нема більшого безсребреника; тим і не може дивить на гроші — вадить йому, як побачить, що чоловік гроші — за горілку оддає. “Хіба в тебе, — каже, — грошей до біса, хіба тобі нічого не треба?” П’яному зараз і шибне у думку, що у хазяйстві чого-небудь та й немає, — от за свої гроші й купить у жида таке, що й не треба, з п’яної бач річи; а значок крейдою вже над лядою намальований. Як нап’є чоловік стільки, що й ліки погубить, тоді жид починає вже удвоє записувати; а далі і йде у хату: “Оддай, та оддай гроші: мені треба за бочку уносити”. Одпрошується хазяїн, щоб до ярмарку підождав, а жид на пеню кричить, щоб сором зробити, щоб сусіди почули, як шинкар гроші править, та після чоловікові очі довбали. Оддає, плачучи, хазяїн жидові гречкою, або борошном, по тій ціні, яку жид положить; а прийдеться випити з людьми, і знов набирається по шию.

Жизнь Юды. 1-я часть.

Меркурій направляє Юду
на настоящей день явля.

Юдо—мелкій торгова.

Юдо у цілі металій дере-
венокій шикларь.

При самому рожденіи младенческія уши Юдки ощутили звуки, издаваемыя окружающими его: грошень, копкесь, кербель. Когда, бывало, онъ закричитъ, или заплачетъ, то мать давала ему, для развлеченія, копѣйку или двугривенный, вмѣсто игрушки. Въ младенчество, отъ отца и матери онъ чаще всего слышалъ тѣ же слова: грошень, копкесь, кербель. И уразумѣлъ онъ скоро, что на этихъ магическихъ словахъ свѣтъ держится, что безъ нихъ жить нельзя, а хедеръ научилъ его, что кербелы можно добывать какими угодно способами, лишь бы не попасть подъ судъ. Когда онъ подросъ, отецъ накупилъ ему мелочи на рубль и пустилъ въ свѣтъ. Заработавши 10 руб., Юдко снялъ шинокъ въ селѣ, женился и считалъ себя счастливымъ: что можетъ быть лучше, какъ быть сельскимъ шинкаремъ! Съ этого начинали всѣ большіе богачи, даже Евзель Гинцбургъ, отецъ Гораса, былъ шинкаремъ въ Кіевѣ, на Деміевкѣ.

Сьогоденний Юдко смоли, голок та іншого дріб'язку не купляє. Він скуповує за безцінь заводи і фабрики цілих регіонів, перші поверхи будинків на центральних вулицях, парки і заповідники, замість брудних корчем відкриває фешенебельні ресторани і нічні клуби. Прогрес за 120 років цілком очевидний.

Коли на селі два шинки, у в одному жид, у другому свій брат, то до селянина й не ходять, бо той і вночі не швидко одчиняє, і понуро дивиться, як розіспиться; на віру не дає, і закуски ніякої немає, а жид швидкий, ласкавий, на віру дає, і чехонь у його і тарань, і булки, і одчинить жид зараз, хоч опівночі стукай; у хаті, хоч і смердить, та тепло, бо про топливо жид не гарзд клопочеться: люда й привезуть і зложуть за одно те, щоб грошей підождав, бо жидові тільки самі богатири та хурбети й не винні.

Поїде чоловік у ліс або у підводу; жінка сама дома; прийде до її кума на попряди; прядуть, та й балакають. От і згадають, як діували вони, а мо ще й товаришки були, як складались на запуски, як у весілі де-небудь разом гуляли; от кума й каже: “Е, випилось би добре, по сій мові”. А у хазяйстві й копійки за душею нема: останні гроші чоловік за подушне одніс, а признатись соромно; не було б жида, треба було б і правду сказати. От і йде хазяйка у комору, та й тягне чого-небудь ворочок. Принесе хазяйка свою пляшечку, потрошку, потрошку та й вип’ють. Принесе й кума своєї. Поснуть, а уранці треба похмелитись, — і ворочок у жидівки. Чоловік приїде, — люде й докажуть, що жінка до жи-

дівки борошно носила; одбузує чоловік жінку, а жидівці їй донесуть. Стріне де-небудь жидівка молодичю, — зараз і каже, та ще їй головою хитає: “Ой, моя голубко, який же у тебе чоловік поганій! Таку гарну людину нівечить... затопила ти свою голову. Та се все через людей поганих! Ти як удруте трапиться, то увечері принеси!”. Жінка хоч і одкаже жидівці, що не її діло, що на те їй чоловік, щоб жінку вчив, а сама таки ж подумає: усі сміються, що мене побито; одна тільки жидівка пожалувала!”.

Розгорює де-небудь дівчина кільканадцять шагів; ось і біжить до жидівки, щоб стьонжку, або яку простеньку хустку купити. “Се такій гарній дівчині та таке купувати! — каже жидівка. — Ось, лишень, подивись, що в мене є!” Та їй показує дівці свій крам та пов’язує її хустками, то загранишними, або із ланою чи з орлом, ще їй до дзеркала підведе. Отуманіє дівка зовсім, і очі в її бігають, а жидівка тільки похваляє, та аж губами цмокає: “Тепер дівка, гарна дівка! Усякий позавидує: купи цю хустку; як тобі у їй гарно!” Дівчина б і рада купить, та грошей нема. “Я на тебе повірю, — каже жидівка, — починками оддаси. Дівчина їй забере. Та не легко їй одробити починками: де їх

стільки напярсти! А жидівка усе про хустку згадує. Вибереться час та й скаже дівчині: “Ось у вас льон є; ти б мені повісмів із двадцять принесли, то й не була б винна”. Дівчина зразу аж злякається, що треба у матки украсти, та хіба жидівка не всовістить! — Хіба ж не ти, — каже вона, брала сей льон, не ти вибивала? Та й старі ваші які: таку дівчину зодягають! Хіба й не ти їм робиш? Хіба не з тебе перша поміч?” Уговтає так дівчину, що й принесе вона льону, та ще у жидівки на віру що-небудь візьме, — і почне тагяти з дому... Ще ж добре, як дівчина кріпка на вдачу, то охапється, покається; а інша зовсім розбещується: дома її б'ють, лають, товаришки сміються, ніхто не бере; одна тільки жидівка добра, ласкава; від її бідна дівчина тільки й добре слово почує, тільки жидівка й розважить її; а під сей случай но й пани москалі стоять на селі, — так жидівка затороплену дівчину ще й на інший путь наведе, бо й на се жиди розумні з біса...

У тому, що написав я тутечка, нема й десятої, або й сотої часті того, що виробляють жиди, де тільки окубляться. З написаних тут случаїв можна тільки пізнати, яким побитом починається й ведеться жидівська омана. Від неї п'ян-

ство, злодійство, бійки, занехання хазяйства, вбожество. Коли помиляюсь, то щиро, і подякуватиму тому, хто одкриє мені очі.

Чого ж дивуватись, що люд наш не дуже любить жидів, тих ворогів природжених, що з давніх-давен ссуть кров України? Ненависти ж к жидам нема в народі; не сміється народ наш із їх віри, не глузує над їх звичаями, — принаймні я не бачив цього. Він ще й поважає жида за розум і у притузі радиться з ним.

Українець не одурить, не обідить жида, хіба той, що не пожалує й свого брата. Він дивиться на жида, як на такого ж, як і він, чоловіка. А жиди? Чи горнутья ж вони хоч трохи до того люду, між котрим родяться, живуть і вмирають? В їх пихатому серці нема місця любові к простим людям. Там тільки злоба, ненависть, гордість, зневага, давнє бажання давити люд і панувати над ним. Жид не злий у душі: добрий батько для своїх дітей, вірний муж своєї жінки; вік клопочучись про сім'ю, оддає останню копійчину, щоб визволити з лиха свого брата. Коли жида обіжено, обезвічено, то халепа, що склалась йому — халепа та усім жидам. Вони разом із ним плачуть і як можна, чим можна, рятують його. Чому ж, як станеться яке лихо

Жизнь Юдки; ч. 2-ая.

Юдко—факторъ и ростовщикъ.

Юдко открываетъ Ссудную Кассу.

Юдко—Банкиръ и Директоръ
Правленія Жельнодородной Компаніи.

Выбившись на большую дорогу и держась прежнего правила: не разбирать и не брезгать никакими средствами для увеличения своего богатства, Юдко идетъ вверхъ быстрыми шагами и, ничему не учась, кромѣ Талмуда, и не произведя никакой цѣнности, даже за копейку, вскорѣ достигаетъ высшаго гешефтмахерскаго достоинства—дѣлается банкиромъ, знакомится съ самою высшею аристократіею, которая ѣздитъ къ нему разговляться съ настоящимъ французскимъ шампанскимъ и трюфелями, и окруженный почтеніемъ и уваженіемъ ея, смѣло и нисколько не стѣсняясь, полною горстью, загребаешь миллионы въ свои карманы, жертвуя изъ нихъ тысячи на бѣдныхъ и учащуюся молодежь, за что получаетъ имя благотворителя. Вскорѣ Юдко, нигдѣ не служа, надѣется получить настоящій генеральскій чинъ.

Сьогодні це виглядає як асоціація нацменшин на чолі із міліцейським генералом.

селянинові, жид тільки сміється? Ні, мало цього — у ложці води рад він утопити нічим перед ним невинного чоловіка. Від вас-то, панове жиди, і є те, що зветься фанатизмом і бездушшям. Зробіться людьми, громадянами, боріться вкупі з громадою проти того, проти чого бореться громада; покиньте зневагу не жидів; не одурюйте людей, — сльозами покути облейте свої давні і недавні гріхи, простягніте руки ік простому люду, — і люд пригорне вас до свого серця. Тоді й не буде місця писанням за і проти жидів.

Надруковано: ж. "Основа", 1862
№ 1, с. 71—75

Н. Костомаров

ИУДЕЯМ

Нам запрещают употреблять название *жид*: некоторые из тех, которых мы по простоте сердца так называли с незапамятных времен, оскорбляются этим. Трудно заставить малороссиян вообще оставить название, которое вошло в привычку, но что касается меня, то я стану употреблять название, которое до сих пор у нас было в обычае только в высоком слоге. Надеемся, что этим не только не оскорбятся, но примут его с такою же охотою, с какою мы им предлагаем его. Это название — *иудей*. Слово *жид*, с древнейших времен общеупотребительное у славянских племен, принятое, быть может, из Италии (*Giudeo*), однозначительно со словом *иудей*, но не однозначительно со словом *еврей*, которым велят нам называть их. В этом мы не согласны с г. редактором “Ос-

новы” (VI, 137). Иудеи — видовое, евреи — родовое название; это все равно, что название русские и малоруссы, или белорусы. Все иудеи — евреи, но были евреи не иудеи; а те евреи, с которыми мы имеем теперь дело, — иудеи. Итак, кажется, мы угодим вполне и тем, для которых слово *жид* пахнет чем-то неприятным, и своему хохлацкому упрямству, чтобы нас не заставляли называть народ так, как мы его никогда не называли.

У нас возник ужасный спор с иудеями. Что же это за спор? Уж не продолжение ли того, который в XVII веке вел против них наш знаменитый Голятовский в своем “Мессии Праведном”, побуждая делать жидам всякие пакости за то, что будто бы они делают пакости христианам? Ничуть не бывало. Этот спор начался с названия. Этот спор напоминает знаменитую ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Что же делать? Ведь ничтожное, по-видимому, название *гусак* довело же до взаимных обвинений в ехидных и в ужас приводящих поступках и до страшного прикосновения к делу бурой свиньи! Подобно тому и спор иудеев с малоруссами начинает разрастаться до исполинских размеров. Уже название

осталось позади; враждебные стороны готовы перенести свою войну на поле истории и статистики; но из-за иудеев возрастает на нас вся литературная Великороссия. Врагов у нас много, враги сильны. Но делать нечего, убежать постыдно, и громады бросать не подобает. Так или иначе, а придется, по выражению Богдана Хмельницкого, “без найменшого откладу, всі настоящіє господарськіє діла і жнива оставивши, з добрим риштунком военним в совокупленіє войсковое прибувати і на хвалебном пляцу военном умирати і страдальчеській, при своїй істині і обороні, вінець пріяти”.

С чего склалась колотня, кто начал? Иудеи. “Основа”, занимаясь своими господарскими делами, коснулась как-то иудеев и назвала их жидами, то есть назвала так, как называют их миллионы русского народа, не зная ни еврея, ни иудея. За это кто-то, подписавшийся П-в, написал к редактору укорительное письмо: “Как де смеют называть евреев жидами, когда это имя сделалось нарицательным словом вообще всякого плута и мошенника — все равно, был ли он еврейского, католического или православного исповедания!” По доводам г. П-ва, это значит, что “Основа” хочет пробудить

средневековую вражду, возвратить свой народ ко временам Богдана. Г. П-в спрашивает г. редактора "Основы": "Доставит ли ему душевное удовольствие, когда разъяренная чернь проведет свой неумолимый нож по тысячам несчастных жертв и кровь почти полумиллиона евреев, безвинно прольется на Украине?" В добавок г. П-в присовокупил, что только вера в благородство целей и стремлений редактора побуждает его просить письменно, а не печатно, не гласно, не употреблять гнусных выражений, принятых журналом, и заменить их национальным именем.

Очевидно, что г. П-в страдает невообразимую трусостью, когда употребление обычного в народе названия могло пугать его видением гайдамацких ножей? Судя по себе, он и в редакторе "Основы" предполагает подобную трусость. Но ошибся: редактор напечатал его письмо вместе со своим ответом.

Требование г. П-ва было очень странно, претензии его до крайности наивны. Иудей сознавался сам, что название, бывшее у нас много веков собственным названием народа, сделалось нарицательным словом вообще всякого плута и мошенника. Что же нам делать? Тем хуже

для иудеев, но пособить этому не в наших силах. Редактор “Основы”, по нашему убеждению, отвечал то, что следовало, именно: что слово *жид* есть собственное имя, употребительное для этого народа с незапамятных времен, и само по себе не заключает бранного, оскорбительного смысла; что презрительный и невыгодный взгляд на жидов в народе не происходит от слова *жид*, а от исторических причин; и привел при этом народную думу, где изображаются те утеснения, какие некогда украинский народ терпел от жидов-орендарей, находившихся под покровительством польских панов. Очень кстати было привести эту думу: редактор “Основы” отстранял от себя все, что мог бы сказать неприятного для иудейского племени, а заставил говорить сам народ. В заключение редактор сказал: “До сих пор еврейское племя живет особняком среди южнорусского населения; до сих пор оно не имеет ничего общего с нашим народом и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а, напротив, нередко действует противно духу и пользам нашего народа. Для нации ничего не может быть вреднее, как существование посреди нее других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее

судьбам, или — что еще хуже — стремятся подчинить ее своей власти или своему влиянию. Взаимное сближение, просвещение понятий, изменение вредных общественных отношений — вот то дело, которому с пользою и успехом могут посвятить себя люди, желающие послужить своему народу. Вместо того, чтобы тратить свои силы в тщетных спорах и несправедливых притязаниях, лучше постараемся, отложив в сторону всякое самолюбие, внимательно и беспристрастно исследовать зло во всех его проявлениях; тогда мы откроем причину и средства, тогда мы достигнем и взаимного понимания друг друга, — а понимание есть начало примирения”.

Мы нарочно выписали эти слова, потому что на них-то впоследствии посыпались обвинения. Последний период, начиная со слов: “взаимное сближение”, показывает, что редактор вовсе не проводник вражды к иудеям, и, следовательно, с этой стороны не честно будет нападать на него. Остается то, что стоит перед этим: т. е. взгляд редактора на современные и на прошедшие отношения малороссии к иудеям. Здесь редактор может быть неправ: он говорит, что иудеи не сделали ни шага к сближению

с малороссийским народом; но те, которым это не нравится, пусть представят факты иудейских стремлений к сближению с малороссийским народом. И если факты эти будут убедительны, то мы надеемся в редакторе видеть достаточно благородства, чтобы сознаться в прежней ошибочности своего взгляда; так точно, как в подтверждение слов: “нередко действуют противно духу и пользам нашего народа” редактор мог бы привести хоть какой-то подтвердительный факт.

В городе Радомышль Киевской губернии полиция получила сведение, что местные мясники евреи, вместо баранины, продают дохлых собак; поэтому 16 ноября вечером осмотрены были мясные лавки и в одной из них найдены три убитых собаки, с которых евреи снимали кожу. Лавка была немедленно запечатана и к ней приставлен караул; но когда на следующее утро полиция прибыла с понятыми и медиком для составления акта, то в лавке, вместо собак, найдена свежая говядина самого лучшего сорта; между тем печати, приложенные накануне к дверям лавки, не были повреждены (*СПб. Выд. 1862 года, № 8*).

Так же точно следовало фактами опровергнуть мысль, что для нации вредно существова-

ние посреди не других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбе. Признаемся, мы сами первые в этом отношении не согласны с редактором “Основы”, и нам кажется, что он сказал не то, что хотел сказать, тем более, что с какой бы точки зрения ни смотреть на евреев, они не были равнодушны к малороссам и не держали себя в стороне: даже дума, приведенная редактором, говорит совсем не то об этом народе. Как бы там ни было, с редактором можно было спорить, не соглашаться, но никак нельзя было его упрекать нравственно во вражде к еврейскому племени и в исключительной национальности, не терпящей сближения с другими, коль скоро он заявляет желание этого сближения.

Не так поступил “Сион”, иудейский журнал, поместивши в № 10 1861 года статью “Основы” и вопрос о национальностях. Соглашаясь с редактором “Основы”, что слово *жид* действительно не имеет ничего оскорбительного, — из слов редактора, что “для нации вредно существование других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам”, “Сион” выводит, что тут проповедуется истребление и изгнание таких народностей, вспоминает

инквизицию, времена варварства и феодализма; тогда как все, что высказал редактор “Основы” о необходимости сближения между южнорусскими и еврейскими, ясно охраняет его от таких недостойных намеков. Считать вредным пребывание хотя бы иудейского племени на своей родине не значит еще проповедовать его истребление или изгнание. Вред этот можно желать исправить более гуманными, мирными средствами, на какие и указывает редактор в общих местах. По нашему мнению, редактора можно было обвинить за неточность и общность выражений. Редактор виноват в том, что хотел выразиться слишком мягко об иудеях, и попал в ошибку. Мы пишем теперь смело то, что думаем об этом, и пусть, пожалуй, иудеи поднимут на нас такой же всеобщий протест всей русской литературы, как на “Иллюстрацию”. Народность, которая только равнодушна к благу страны, где живет, и держит себя в стороне, по этому одному не может считаться вредною; у нас в городах живут ремесленники и торговцы немцы, французы, греки, татары и проч. Мы не можем видеть в этом ничего дурного, а правду сказать — они по большей части и очень равнодушны к благу нашей страны. Народность

чуждая, живущая посреди господствующего по массе туземного населения, бывает вредна тогда, когда, пользуясь обстоятельствами этой страны, захватывает в свои руки исключительно какую-нибудь ветвь общественной деятельности и вместе с тем сохраняет свои особые цели и стремления.

Таковыми действительно были у нас иудеи. В польском мире, которого основания сохранялись и до позднейших времен, благодаря крепостному праву, народ, порабощенный панству, мог только через промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодействовать сколько-нибудь роковой судьбе, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже в печальную яму бесправия и страдательного терпения. Так действительно и было на Западе, где среднее сословие поставило оплот произволу баронов, и хотя все-таки не вывезло с собою разом всего низшего класса, по крайней мере действовало постепенно на этот класс и послужило на будущее время горнилом народной самобытной цивилизации, действовавшей на развитие равноправия. В Польше и Малороссии эта роль не досталась народу: ее заняли иудеи, народ, который, по своей древней исторически развитой

природе, не мог действовать иначе, как для собственных, отдельных от туземцев целей. Что бы ни говорили иудейские патриоты о гуманности и общечеловечности евреев, какие бы ни приводили отрадные факты из сочинений своих раввинов, но все это не более как второстепенные явления еврейской мыслительности, а не дух иудейства. Довольно знать “Ветхий Завет”, чтобы видеть, что иудеи во все времена, пока оставались истыми евреями, должны были пребывать изолированными от других племен, почитать себя единым избранным от Бога народом. В длинный период своего изгнания евреи питались и питаются надеждою возрождения и пришествия Мессии; а эта эпоха представляется в воображении их эпохою власти и могущества над всеми племенами земными. Буквально принимаемые места **ветхого закона** (в христианском свете принимаемые в высшем, духовном смысле) прямо указывают им на это. Страна, где живут они, не есть их отечество: оно у них впереди, оно откроется им тогда, когда совершится обетование Мессии, а то, что временно соединяет их на земле, есть иудейское племя. Таким образом вся деятельность истинного иудея должна быть посвящена

исключительно пользам своего племени. Живучи среди иноверных и иноплеменных народов, иудеи не смешивались с ними и искали среди них только средств собственной выгоды, хотя бы она сопряжена была с невыгодою чуждого им населения. Сама Библия научает их обращать благосостояние края, где живут, на исключительное свое благосостояние: “богатства язык снеси”, говорит им пророческое обетование. Слова нет: еврей народ вообще чрезвычайно способный и умный, содействовавший развитию человеческой образованности в большей степени, чем сколько нам представляет до сих пор историческая наука. Важный вопрос этот еще впереди для разрешения; но несомненно и то, что они же ему и препятствовали, когда дело касалось вопросов более широких, вызывавших новые силы из недр подавленных веками масс; ибо иудеи всегда обращались со своими стремлениями на ближайшую практическую дорогу, ведущую прямо к удовлетворению их народных целей, а эта дорога была всегда дорогой угождений существующей силы, — хотя бы и несправедливому произволу. Таким образом, когда иудеи расселились в Польше и Малороссии, они заняли место

среднего сословия, сделались вольными слугами-агентами могучего панства: они прильнули к сильнейшей стороне, и было им очень хорошо, пока народ, восставши против панства, не подверг своему осуждению и помощников последнего. Иудеи, имея в виду только свои и своего племени выгоды, стали извлекать их из тех отношений, какие образовались между панством и хлопством. Таким образом иудей стал *factotum* пана; пан доверил ему все свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы или свои имения и своих подданных, даже иногда и веру последних, когда она, в глазах его фанатизма, перестала иметь святость. Иудей почитал себя действующим справедливо и законно, ибо закон было то, что было угодно сильному классу, правившему страной. Казаки, восставши против панства, истребляли иудеев бесчеловечно. Без сомнения, кроме поводов, вытекавших из общественных и административных условий страны, примешивался к этому несчастный христианский фанатизм; но и то несомненно, что в южнорусском народе один этот фанатизм не произвел бы таких печальных явлений, все равно как одна религиозная привязанность к православию не ополчила бы народ и на католи-

чество. Этот народ дружил же с татарами — мусульманами и шел с ними на поляков, дружил он и с поляками, пока поляки не вывели его из терпения. Прислушиваясь к суждениям южноруссов об иудеях, мы не раз имели случай заметить, что они редко и мало смотрят на последних недружелюбно с религиозной точки зрения. Иудей для украинца немил потому, что он считает последнего способным его обмануть, воспользоваться его стесненным положением для своих выгод, прижать его, если будет случай. В иудействе вообще для южнорусса есть что-то если не враждебное, не постоянно тяготеющее, то холодное, бесчувственное к его состоянию, прозябающее в его среде только для себя, проходящее по одной с ним жизненной дороге, но к другим целям. Он знает, что иудей всегда ему посторонний: высечет ли его экононом — иудей не почтит сочувствием его раны; возьмут ли у него дочь на растление — иудей посмеется над его горем, а может быть, и сам поможет его совершению; повезут ли его сына в рекруты — иудей не разделит с ним семейного горя; неурожай ли у него, пожар ли — иудей не пожалеет об этом, если не увидит, что бедствия эти простираются и на него самого.

Нет у него с иудеем ни дружеской беседы, ни общей трапезы; поселянин обращается к нему только тогда, когда есть нужда, и при том зная, что иудей будет наблюдать одну свою пользу. Иудеи — надобно честь им отдать — часто люди в сущности очень нравственные, хорошие отцы семейства, не затруднятся пользоваться как угодно безнравственностью южнорусса. На лице этого народа южноруссы будут видеть начертанную холодною рукою судьбы надпись: “Я сам по себе, ты сам по себе”. Между тем такого отношения нет у них положительно ни с каким другим народом. Все другие иноземцы, если и стоят в особенности от народа, то по разности приемов жизни и более по языку, а не по принципу отделения. Они равнодушны к вопросам национальным, но это равнодушие часто стирается и делается незаметным в частных отношениях. Например, нельзя сказать вообще, чтоб между немцами и русскими была большая симпатия, если принимать массу тех и других; но в отдельности стоит только немцу знать по-русски и русскому по-немецки и несколько сходятся в нравах и понятиях, и между ними может быть даже дружба. И в самом деле нередко случается, что русский, по прин-

ципу и разным взглядам нерасположенный к положению немцев в России, имеет у себя искренних друзей между немцами. Признаемся, нам не случилось видеть, чтоб русский сошелся и подружился с евреем; это трудно видеть даже между образованными людьми обеих национальностей. В иудее, развитом человеке, нередко русский встречает какую-то холодность, сухость, бессердечность: так и видно, что за пределами его иудейства для него хоть волк траву ешь. У тех же, которые принимают христианство и, по-видимому, отрекаются от иудейства, прежние национальные убеждения нередко заменяются одним сухим эгоизмом, и вот причина, что у нас к *выхристам* не только не выражают симпатии, как бы можно было надеяться по отношению к новопоступившему в наше общество, а напротив, смотрят на них недоброжелательнее, чем на сохраняющих свою веру. Это от того, что у последних видать достойную уважения любовь и преданность своей религии и своей национальности, *выхристов* же считают потерявшими в душе эту праотческую святыню и не заменившими ее ничем другим священным. Разумеется, бывают исключения, но мы говорим о современном

воззрении: так привыкли смотреть на тех и других.

Эти характеристические черты иудейской национальности, по нашему мнению, истекают из духа ветхозаконности, необходимо долженствовавшей принять образ отложения от прочего мира. После потери иудеями отечества они подвергались крайним уничтожениям, в котором находился иудейский народ в продолжении тысячелетий. В истории иудейского рассеяния есть сторона, в высокой степени величественная, поэтическая. Народ, давший почти всему образованному миру религиозный строй, народ, положивший фундамент всему, что составляет сущность нравственного развития, цивилизации человеческого рода, — народ этот остается со старыми формами недвижимо среди грядущих поколений. Перед ним совершаются радикальные перевороты, перед ним исчезают племена, возникают новые народности, совершают течение своей жизни и перерождаются, — а этот народ все тот же, непоколебим и крепок, живет прошедшим, не глядит в будущее; повсюду гоним, попираем, унижаем; национальности, зверски враждебные друг против друга, примиряются и сходятся на одинаковом пре-

зрению к бедному, проклятому небом, отверженному жиду: ему плюют в лицо в благодарность, когда он окажет услугу, ожидая за нее куска хлеба; его сжигают и убивают для потехи; чувства совести у народов не оказывается, когда идет дело об оскорблении жида: жид не человек, жид хуже собаки! И, не смотря на такую всеобщую анафему всего образованного человечества, это *отребие* народов не падает духом: этот народ признает за собою нравственное наличие и превосходство перед теми, кто ругается над ним; он изучает пружины общества, среди которого осужден на безысходное терпение, узнает его слабые стороны, пользуется ими и, как будто в посмеяние безумия тех, которые презрительно с ним обращаются, находит себе в этом негостеприимном обществе такое положение, что овладевает важнейшими ветвями общественных сил, вертит королями, панами, баронами, в его руках торговля, деньги — душа мира. Деньги! “Жид любит деньги, больше всего любит жид деньги”, — повторяется с незапамятных времен эта избитая фраза. Действительно, и в XII веке жид вышел на сцену в гениальном типе у Шекспира, в его Шейлоке, и в XIX веке тот же вечный жид

является в многосложном образе европейского банкирства. Этот вечный жид поймал слабую струнку мира и держится за нее, и водит миром, и мир был обманут: мир думал, что жид у него под пятою, а сам и не услышал, как очутился у жида на привязи. Иудей совершает изумительную борьбу с историей: история осуждает его на бедность и нищету, — иудей овладевает богатствами мира; история осуждает его на невежество и одичалость порабощенного состояния, — иудей делается великим философом, поэтом, композитором; история выбрасывает его из колеи человеческого развития, — иудей пролагает себе собственный путь, заходит вперед и смотрит иронически на это развитие, говоря сам себе: “Идите, идите, боритесь... я буду смотреть и дожидаться; все для меня; безумцы вы, не знаете, что трудитесь, терпите для меня, пренебреженного, забитого, оплеванного, грязного жида”. История не раз грозила стереть иудейское племя с лица земли, — и, на зло истории, иудейское племя распространяется по всем концам земли. Жиду говорят: “Ты хуже всех колен земных”, — и он не спорит, он кланяется и, по-видимому, соглашается, а в душе у него остается сознание превосходства

над всеми. Поразительна черта, которую, без сомнения, редкий не испытал в своей жизни, имея случай вступить в дело с евреями. Вот иностранец-еврей приходит к вам в дом с фальшивым золотом. “Ты Жид”, — говорят ему. — “Нет, Боже сохрани”, — и начинает с презрением отзываться о жидах. “Я честный немец, не извольте меня обижать”, — и укладывает свой товар. И вы чувствуете, что оскорбили его, и готовы просить у него прощения, чтобы успокоить его оскорбление, покупаете у него медь за золото, а он смеется над вами. Браните его племя, как угодно! Он не дорожит вашим мнением; он пренебрегает вашим словом; он вас презирает делом. “Иудеи выше всех колен земных”, — думает он и доказывает это своей гигантской борьбой с роком, перед которым падали в прах сильнейшие племена земли. И что ожидает этот народ в грядущем? Что, если наше цивилизованное общество, после многотрудной борьбы со своими недостатками и страстями, кидаясь то в ту, то в другую сторону, доходя почти до отчаяния и потеряв веру в свою нравственную мощь, обратится к этому некогда отверженному народу и призовет его, как

некогда наши предки — варягов, устроить у себя наряд?

Как бы там ни было, очень понятно, что иудеи, живя в обществе со своеобразными древними формами верования и жизни, с сознанием особого для себя будущего, в котором им предстоит первенство над всеми земными племенами, в обществе, которое единодушно пыталось стереть их с лица земли, — эти иудеи не могли иначе сохранять свое существование, как овладевая слабыми сторонами этого общества для того, чтобы обратить в свою исключительную пользу его жизненные силы. Это был единственный путь самосохранения; иначе от иудейства давно уже не осталось бы ничего.

В нашей родине иудеи действовали с таким же тактом, как и везде, и если здесь они поместились особенным образом, то это зависело от тех сторон, которыми они воспользовались, найдя их в земле нашей. Слабейшие стороны нашего общества, в эпоху соединения нашего с Польшею, состояла в разрыве между панством и народом и отношениях власти первого над последним. Иудеи ударили прямо в эту струну. Способствуя порабощению и унижению народа, они в то же время обращали в

свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали панов по телу собственным их салом, как выразился один из наших старых летописцев. Порабощенное состояние земледельцев, продолжившееся и впоследствии, причина, повод, что иудеи продолжали держать в руках промышленность и торговлю, лелеяли барскую лень сильного пана и апатичную лень забитого мужика. Они не питали симпатии ни к тому, ни к другому, а пользовались только известным *status quo*. Нравственные интересы края и народа существуют для них только по отношению к себе. Столкнулся ли иудей с человеком нравственным, которого нельзя никак искутить на худое, — он пользуется, насколько может, тем отношением, в какое с ним поставлен; он даже может побудить его на какое-нибудь доброе дело, но имеет в виду только то, что ему перепадет из этого доброго дела; но если перед ним субъект безнравственный, он также станет потворствовать его дурным побуждениям, чтобы воспользоваться ими. Жившие в южных и западных губерниях знают, как часто иудеи развивают у поселян склонность к пьянству, охотно дают им что-нибудь *на борг*: водки, чтоб потом запутать, разорить, чтоб все

достояние пьяницы перешло в их шинки; как побуждают поселян на воровство и принимают краденные вещи, как услуживают разврату и соблазняют женщин, как умеют извинить всевозможные страсти, чтоб довести человека до положения, выгодного для себя, хотя бы окончательно разрушительного для него. Это делается, однако, не по какому-либо глубоко безнравственному побуждению, не по склонности ко злу, а по холодности и безучастию к миру, стоящему за пределами иудейства. Иудей редко будет сознательно делать зло, как и добро; он посторонний причинам, управляющим тем, что вокруг него происходит; ему посторонние и светлые и темные жизненные явления: его дело — пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, так сказать, напрашиваются быть ему полезными.

В таком духе поступил и “Сион”, иудейская газета. По поводу возникшего спора иудейства с “Основою” он тотчас увидел у противника то, что во внешности показывается слабою формою; это — узость национальности, в которой могут, по расчету “Сиона”, обвинят “Основу” как журнал, имеющий целью специальное изучение одной половины России. Кто привык смотреть на

Россию и русскую жизнь только с внешней стороны (а таких ух как много у нас), тот легко дойдет до такого заключения: писать на южнорусском языке, поддерживать южнорусскую народность — не значит ли расторгать единство русской жизни, не значит ли возбуждать народную апатию, готовить в будущем раздвоение, разделение и даже разложение государства? И пишущие по-южнорусски не враги ли политической целостности России, противники единовластия? — Кто рассудил, что “Основа” и малорусские писатели не создают никакой народности; кто знает, что народность русская существовала всегда в двойной форме, и что из потребности сближения литературы с народом вытекает сама собою необходимость вступления в область письменности народного элемента и обоих видов, как великорусского, так и южнорусского; кто поймет, наконец, из примеров тысячелетия прошедшей истории, что цельность русского народа, а тем более его политическое единство никогда этим не может быть нарушено, после того как это единство не затерялось, не забылось и, с добровольным напряжением всех народных сил, возродилось даже и после многовековых обстоятельств,

насильственного его расторгавших; кто взвесит все это, тот, разумеется, смехом ответит на подобные опасения. “Сион”, как газета умная, прежде многих русских внутри себя смеется над этим. Но она знает, что не все ясно видят вещи, а найдется много таких, которые будут судить по нынешним признакам некоторого подобия явлений с явлениями, только внешним образом имеющими сходство между собою; на этих-то “Сион” и рассчитывает и набрасывает на “Основу” такие тени: “Не в частном употреблении слова жид усматриваем мы опасность, а в исключительно национальных выражениях “Основы”, которые заставляют ее противопоставлять национальное общечеловеческому”, и проч. Еврейство отходит на второй план: надобно обвинить малороссиян в чем-нибудь поважнее: “Вообще, — говорит “Сион”, — стремления исключительно национальные никак нельзя назвать плодотворными; они могут быть иногда хороши, как реакция, и имеют отрицательное значение. Особенно же бесполезны и даже вредны эти стремления, когда они имеют целью разъединить народы, которые, по племенному родству или общим политическим и политико-экономическим интересам, должны

составлять одно целое. Тут деление не имеет конца, и распри за первенство между отдельными мелкими национальностями, или между частями одной и той же национальности, никогда не дадут им совершенствоваться в общечеловеческом развитии”.

Что это такое, ясно видеть может всякий. Разумеется, здесь говорится о разъединении народов — не южнорусского с еврейским, потому что поминается о племенном родстве, в котором мы не имеем чести состоять с евреями. Здесь “Сион” прямо обвиняет “Основу” и всех, разделяющих одно с нею общее направление, в стремлении разъединить южнорусский народ с великорусским. В заключении своей статьи “Сион” говорит: “В высшей степени печально такое положение дел и для литературы, и для самой страны, но еще печальнее, что и эту так малочисленную публику стараются разбить на мельчайшие еще кружки, со своими особыми наречиями и подречиями, внося в нее таким образом рознь, — вместо того, чтобы вести ее под знаменем одного общего литературного языка, помимо мелких племенных распрей, к великим общечеловеческим целям, к распространению всеми силами гуманности и

образования в массе народов нашего отечества, к дружным усилиям усвоить ему те блага, которые составляют лучшую часть в достоянии современного человечества”.

Как удачно, как ловко иудеи рассчитывают на слабые стороны общества, среди которого живут! С одной стороны, они возбуждают современные модные движения громкими фразами: “образованности, гуманизма, общечеловеческих целей”, — и располагают в свою пользу все, что имеет желание казаться просвещенным, современным; с другой стороны — возбуждают против нас негодование великорусского патриотизма и даже, если можно, нерасположение правительства, выставив нас тайными зложелателями и разъединителями отечественной целости! Все, что иудеи написали здесь, есть ли сколько-нибудь добросовестный ответ на то, что к ним относилось в “Основе”? Против чего они спорят, что защищают? Назвали евреев жидами — П-в оскорбляется; “Сион” признает за своим племенем это название; тут спора нет. Редактор “Основы” полагает, что чуждое население, живущее посреди страны, не должно быть равнодушно к судьбам ее, — и в этом “Сион” соглашается, только замечает, что “от-

казываться от вековых особенностей иудеи могут только в пользу целого, а не одной какой-нибудь части". Здесь "Сион" хватает больше, чем сколько "Основа" желает. "Основа" не заявила мысли, что евреи должны отказываться от своих вековых особенностей, то есть от народности, а только напоминала, что они должны действовать на пользу, а не во вред тому краю, где живут. Что значит отказаться в пользу целого, а не одной какой-нибудь части? Да разве "Основа" или кто-нибудь из южнорусских писателей, где-нибудь и когда-нибудь, высказывали, что могут быть условия, полезные для общего и вредные для частей, и наоборот? Полезное для южного края не полезно для Москвы, Вятки, Новгорода? Очевидно, показывая вид, будто бы понимает с нашей стороны какое-то разделение к пользе части, то есть Южной Руси, от пользы целого, то есть России, — "Сион" хочет очернить "Основу" и южнорусскую литературу. В том же тоне "Сион", приводя место из "Основы": "Нередко действуют противно духу и пользам нашего народа", делает в скобках такое замечание: "Заметьте, что дело идет все только о южнорусском народе". Да, разумеется, только о южнорусском народе, во-пер-

вых, потому, что “Основа” — журнал, специально посвященный изучению южноукраинского края, во-вторых, потому, что иудеев нет в Великороссии, следовательно, их масса не может там действовать ни в пользу, ни во вред народу. Если бы “Сион” добросовестно хотел выражать “Основе”, то должен был привести фактические доказательства, что иудейское племя действовало к пользе южнорусского края, и рассеять древнее всеобщее убеждение в противном. Но “Сион” едва ли в силах это сделать — при всем искусстве защищать себя и представлять светлые стороны, чем обладают Иудейские писатели... “Сион” принял обыкновенную иудейскую уловку: зацепить своего противника с тех сторон, которые считает у него слабыми.

Что должна была отвечать на это “Основа” или ее сотрудники? Именно то, что отвечал иудеям г. Кулиш в своей статье “Передовые жидаы”, напечатанной в IX № “Основы”. Спорить с иудеями было невозможно: они свернули с дороги. А вести спор о правах или об отношениях наших к общерусской национальности и к нашему общерусскому отечеству с иудеями нам вовсе было не к стати. Г. Кулиш очень справедливо ограничился указанием, что хорошо

понимает их цель и оценивает приемы их полемики, и при этом привел им на память протест, подписанный южнорусскими писателями в пользу евреев. “Сион” в ответ на это в № 21 напечатал вот что:

“В ответ на статью в № 10-м “Сиона”: — “Основа” и вопрос о национальностях” — в сентябрьской книжке “Основы” напечатана статья г. Кулиша под названием: “Передовые жида”. Статья эта содержит в себе не разбор мнений, изложенных в “Сионе” по вопросу о национальностях, а беспримерно-наглые ругательства и ни на чем не основанные обвинения в таком образе действий, которого не может не гнушаться честный человек. Такого рода обвинения, возводимые против какого бы то ни было органа гласности в России, по нашему мнению, не могут и не должны быть оставлены без внимания русской литературою. Почва, на которой она стоит, не настолько еще тверда, обстановка, среди которой она развивается, не настолько еще благоприятна, чтобы она могла оставаться равнодушна к делам подобного рода, предоставляя разрешение их только ближайше заинтересованным лицам и журналам. Она должна сама вникнуть в сущность такого рода

обвинений и взвесить, заслужены ли они действительно, и за тем отвергнуть от себя или тот журнал, который “для достижения своих целей прибегает к неравному оружию, ведет свою полемику недостойными литературы способами, оскорбляет достоинство печатного слова, употребляет в дело с известного рода ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость” и т. д., — или же тот журнал, который позволяет себе незаслуженным образом так клеймить своего собрата, возводя на него без всякого права и основания такие гнусные вины. Воздерживаясь поэтому от всякого предварительного самозащиты, мы предлагаем свое дело с “Основою” на суд всей русской публицистики, и, обращаясь к ее представителям с просьбою разобрать это дело, мы наперед уверены, что они вменят себя в нравственную обязанность принять на себя такой труд и произнести приговор свой в одном из ближайших номеров своих журналов”.

Опять та же иудейская замашка употреблять в свою пользу слабые стороны. “Сион” хорошо знает, как в русском обществе теперь в моде гласность, общественное мнение и общественный суд: их призывает он. “Сион” тоже знает,

что с требованиями гуманности и равноправности является расположение к иудеям: иудеи теперь любимцы современной передовой России. Рассчитывая на это, иудеи смело подают на “Основу” жалобу всей русской литературы. При этом, однако, не обошлось и без того, чтобы в жалобе не оказались и неверности. Так, например, курсивные фразы, очевидно, “Сион” выставляет, как обидные для себя. Но, во-первых, он их соединил из разных мест статьи г. Кулиша, почему им и придано усиленное значение, во-вторых — нападает на то, чего нет вовсе у г. Кулиша; так, например, фраза: “употребляет (журнал “Сион” по обвинению “Основы”) в дело с известной ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость”. Этого сочинения нет у г. Кулиша; г. Кулиш этого не говорил. Он заметил, что иудеи с известного рода ловкостью и дальновидностью вывели заключение, что стремления “Основы” исключительно национальные, — а слов: плутовство и хитрость, которые действительно были бы оскорбительны и невежливы, если бы обращены были к журналу, у г. Кулиша вовсе нет: “Сион” взял их из протеста, который он писал некогда в защиту евреев!

Иудеи достигли своей цели. Русские журналы приняли жалобу и изрекли приговоры. *“Русский вестник”* совершенно оправдал *“Сион”* и обвинил *“Основу”*. Он не разделяет нашей мысли, чтоб иудеи писали для того, чтобы бросить тень на южнорусскую литературу; для нас, напротив, эти побуждения ясны, как день, ибо иудеи отвечали вовсе не на то, что говорила *“Основа”*, а свели полемику на другую дорогу: бросили на сцену совершенно другой вопрос, не касающийся их: вопрос о вреде южнорусского литературного движения, об опасности разъединения...

“Русский вестник” говорит:

“По мнению *“Основы”*, еврейское племя живет в Малороссии особняком. До сих пор, говорит *“Основа”*, оно не имеет ничего общего с нашим народом и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а напротив, нередко действует противно духу и пользам нашего народа”. *“Сион”*, как орган русских евреев, не мог оставить без возражения таких сильных упреков. Он счел своим долгом оправдать свое племя от взведенных на него обвинений. Естественно, что молчать ему не приходилось, когда те, кому он служит органом, подверглись тяж-

кому обвинению в действиях, противных пользам приютившей их страны. Они не могли оставить без ответа и того упрека, что они остаются особняком, в эгоистическом отчуждении. Если “Основа” не желала слышать ответа жидов, то она не должна была бы подвергать их такому обвинению; а коль скоро она считала нужным высказать публично эти обвинения, то она должна признать и за противниками право отвечать на обвинение. Можно ли отрицать это право защиты? Честно ли рассчитывать на какие-нибудь обстоятельства, которые будто бы, по нашему чаянию, помешают обвиняемому оправдываться от наших улик? Если б “Основа” подумала хорошенько об этом, то она либо воздержалась бы от своих обвинений, либо заранее допустила бы право ответа, и не удивилась бы этому ответу как нечаянности, и не пришла бы от него в негодование, и не стала бы, в лице г. Кулиша, прибегать к неприличным уловкам”.

Ни из чего не видно, чтобы “Основа” рассчитывала на то, что евреи отвечать не будут. Не видно, чтоб она не желала ответа. Если “Основа” говорит, что евреи не сделали ни одного шага к сближению с народом, с которым они живут, то евреи могли доказывать против-

ное и приводить факты, которые могли бы опровергнуть мнение, принадлежащее вовсе не одной “Основе”, но всей южнорусской стране. “Сион” не отвечал, а заговорил о другом. “Сион” является здесь по другому вопросу обвинителем, и г. Кулиш возражает им, становясь по неволе в оборонительную позицию. Если бы тот же “Сион” или другой какой журнал, без всякого предварительного постороннего побуждения, говорил о вреде южнорусского стремления и подтвердил бы его доказательствами, конечно, “Основа” и г. Кулиш, или кто бы то ни был, вступили бы с ним в спор по этому предмету, вдруг сходит на другой, к первому не относящийся, и тем явно показывает, что у него задняя цель, — тут “Основе” что было отвечать? Унизительно отвечать, когда спрашивают не для вопроса... “Основе” оставалось только заметить, что она понимает слишком хорошо переход от еврейского вопроса к русскому. В том же “Сионе” говорится: “Придет время, и может быть, в нашем же журнале разъяснены будут и отношения нашего племени к этой во всяком случае значительной части Русского народа”. По нашему мнению, с того и следовало было начинать “Сиону”, в ответ на заявленное “Основою”

мнение малороссиян о евреях. Тогда спор “Ос-
новы” с “Сионом” мог бы быть полезен: “Осно-
ва” старалась бы представить темные, “Сион” —
светлые стороны влияния евреев на малорос-
сийский край; столкновение мнений повело бы
к их сочетанию и уяснению еврейского вопро-
са. “Русский вестник” смотрит на “Основу”
так, как будто бы она заявляла требование, что-
бы евреи потеряли свою народность и рели-
гию. Никогда этого “Основа” не говорила. Она
только выставляла то, что было и есть, а не фор-
мулировала правил и законов, и вся филиппи-
ка “Русского вестника” по поводу этого... не-
уместна, чтоб не сказать более.

Некоторые фразы г. Кулиша, как, например,
намек на сцену из Гоголя, где жида уверяют
запорожцев, что они с ними — как братья
родные, — действительно резки, но кто вызвал
их? “Сион” своею выходкою, в которой видно
побуждение, которое, по нашему мнению, г. Ку-
лиш понял справедливо, несмотря на негодо-
вание “Русского вестника”. — Выражение
г. Кулиша “сионское оружие”, “Русский вес-
тник” не обинуясь переводит: “донос”, и под-
водит г. Кулиша под уровень моды. Мы не на-
зовем это оружие доносом в прямом смысле,

но все-таки это нечто близкое к такому слову: это расчет на возбуждение в обществе, и даже в правительстве, невыгодного взгляда на своих противников. Не г. Кулиш, а скорее “Русский вестник” увлекся модою. Для него при слове *еврей* существует одна отвлеченная идея равноправности; исторической почвы совсем нет; современных отношений к юридическим и экономическим условиям жизни южнорусского народа он и знать не хочет: он симпатизирует к одним евреям, потому что они истцы перед литературою и общественным мнением; а что, если на этих евреев подал бы жалобу литературы простой малороссийский народ и представил бы во всех подробностях ту картину многовековых страданий, где евреи были верными помощниками, слугами и нередко откупщиками прав его недругов? — До этого народа дела нет: он теперь уже не в моде! Его удовольствовались; очередь за одними евреями! Мы не находим, чтоб “Русский вестник”, успокаивая малороссиян на счет преследований и запрещений, поступал очень кстати, по многим причинам, не принадлежащим здесь обсуждению...

“Русская речь” считает и “Сион”, и “Основу” виновными, но “Сион” виновнее. “Основу”

она винит, если мы не ошибаемся, за выражения г. Кулиша. Ее соблазняет, между прочим, эпиграф из Гоголя, поставленный г. Кулишем в своей статье “Передовые жи́ды”: “А знаете ли, пане, что делается?” Но мы заметим “Русской речи”, что этот эпиграф невольно должен был придти на память г. Кулишу после слов “Сиона”: “Заметьте, что идет дело все только о южнорусском народе”. Не понимаем, почему “Русская речь” находит неразумными и несправедливыми сказанные г. Кулишем слова: “Не восхищаемся тем, что делали предки их на украинской почве, и не видим благословения небесного в том, что делают вообще жи́ды в наше время везде, где им дозволено жить”. Все это совершенная правда: не один г. Кулиш, вся Малороссия в один голос скажет то же, не по одним умозрительным теориям о равноправности человеческого рода, а по житейскому опыту; а что истинно, то и разумно, и справедливо. Русские журналисты, живущие в столицах, не бывшие с иудеями в близких соотношениях, не знают их и судят о них только на основании общих гуманных идей. Малороссияне их знают поближе и не могут отвлекаться до такой степени от действительности и уноситься в сферу чистых принципов:

вопрос о евреях слишком близких прошедшего и настоящего; они не в силах потерять под собой исторической и современной почвы. “Русская речь” укоряет г. Кулиша за слово недостойная полемика, потому что сама считает выходку “Сиона” только необдуманною и ошибочною. Но что же делать, если мы не можем так смотреть на этот поступок? Наше чутье и убеждение уверяет нас как нельзя яснее, что в поступках “Сиона” немало обдуманности, напротив — ее там чересчур много.

“Русское слово”, вероятно, всех более сделало приятно “Сиону”. Приведши записку из “Сиона”, рецензент, принимающий на себя по приглашению “Сиона” достоинство судьи, говорит: «Не имея под рукою статьи г. Кулиша, я тем не менее уверен в точности выписки, сделанной “Сионом” из “Основы”». Далее он находит оскорбительным слово жид, не зная, что сам “Сион” признал это слово не оскорбительным, а далее уже глумится над г. Кулишем не по еврейскому вопросу. Если бы это была простая журнальная заметка о мимо текущем явлении, тут “Русское слово” могло бы смотреть и вскользь, если не считает его важным; но “Сион” обращается к журналам, требуя разби-

рательства, пересуда и приговора. “Сион” был перед глазами у рецензента. Рецензент сам его перепечатал и, следовательно показал, что за тем собственное его суждение произносится вследствие такого требования “Сиона”. Можно ли же произносить приговор, выслушивая только одну сторону? Если бы “Сион” был вполне прав, “Русское слово” не избежало бы и тогда упрека в несправедливости, пристрастии, недобросовестности за такой прием суда.

Малороссияне сознаются откровенно, что не имеют вообще симпатии к иудейскому племени, среди их родины живущему, которую открывают мало знакомые или вовсе не знакомые с его отношениями к ней великорусские журналы, и странно было бы ее навязывать насильно, принуждать малороссиян любить то, к чему у них сердце не лежит, хвалить то, что им не нравится. Во имя священной идеи свободы они просят уволить их от этого. Можно судить справедливость их убеждений, а не симпатии или антипатии: они возросли с их историей; они впитаны в каждом из них с детства; они поддерживаются тем, что малороссиянин видит постоянно на своей родине. Но, при отсутствии симпатий к иудейству, несправедливо

же и бездоказательно обвинять южнорусский журнал и южнорусских писателей в намерениях изгнать иудеев, истребить их, подвинуть на них инквизиционные гонения и тому подобное. Причины нерасположения (а не враждебности, — ее нет вовсе) между малороссиянами и иудеями в тех и других. Евреи по своей религии, по своим верованиям и надеждам неизбежно должны стоять особняком от той страны, где проживают: иначе они будут переродки, а не евреи. Со стороны христиан преследовать евреев — тупая ненависть, сопровождаемая фанатизмом, часто варварским и бесчеловечным. До сих пор гражданский порядок в нашем краю был таков, что евреи, пользуясь им для своих целей, могли быть полезны только для внешней стороны жизни высших классов и, напротив, должны были увеличивать тягость и без того униженного и поработанного народа. Если новый порядок утвердится и окрепнет, — и отношения евреев к народу должны будут измениться. Чего же нам желать? По нашему убеждению — отнюдь не истребления, не изгнания и не насильственного перерождения. Нам надобно желать, чтобы иудеи получили совершенно равные права, чтоб им действительно

предоставлено было сколько возможно обширнейшее поле⁵; но в таком случае нам нужно будет стараться возбудить в нашем народе сильнейшую конкуренцию против евреев, дабы не дать им возможности иметь в чем бы то ни было монополии в нашем краю. При полной обоюдной свободе, при сообщении нашему народу средств стать в полную конкуренцию, — если иудеи возьмут над нами верх, тогда мы уже не сможем жаловаться: значит, мы не способны бороться с ними; тогда как до сих пор, если б мы и были на это способны по своей природе, то стояли долгое время в невозможности употребить свои способности и силы. От иудеев же мы ровно ничего не требуем: напрасно, подделяваясь к сторонникам этнографической нивелировки в государстве, иудеи предлагают свою народность в пользу общерусской; напрасно при этом дают знать, что они готовы переродиться в великороссиян, но не хотят быть малороссиянами: малороссияне этого от них и не требуют, и не желают. Мы сочувствуем

⁵ Статья эта уже печаталась, как мы узнали о новом распоряжении правительства, дарующем евреям, окончившим курс в университете, равные с нами права службы и жительства во всей Империи. Искренно сочувствуем и радуемся этой мере. — Ред.

всякому стремлению иудеев поддерживать и развивать свои вековые особенности; всякое нерасположение к иудеям по религиозному различию есть в наших глазах признак крайнего невежества и глупого фанатизма, противного духу христианского благочестия. Мы уважаем еврейскую религию тем более, что к этому обязывает нас высота учения нашей собственной религии (Послан. к Римл., гл. XI, 23—27). Говорить вещи, противные иудеям, мы принуждены потому, что историческая истина нас к этому обязывает; а что касается “Сиона”, то, сколько бы он ни вызывал на нас протестов всех великорусских журналов и великорусских передовых людей, мы все-таки будем видеть в его выходках единственно то побуждение, которое привело г. Кулиша в справедливое негодование.

Н. Костомаров

ЕЩЕ ЗАМЕТКА ОБ ИУДЕЯХ¹

Недавно “Русский вестник”, приняв сторону иудейского журнала “Сион”, выступив с грозною филиппикой против “Основы”, и в собственности против г. Кулиша. Побуждение было благородное, но “Русский вестник” был неправ: ни “Основа” вообще, ни г. Кулиш, не думали оскорблять и унижать еврейское племя, еще менее проповедовать против него ненависть: дело шло только о том, что *бывало и бывает*. Но все образованные малороссияне и великорусы не одобряют вот такой выходки против иудеев. Явилась на петербургской сцене пьеса г. Погосского “Легкая над-

¹ Статья эта уже печаталась, как мы узнали о новом распоряжении правительства, дарующим евреям, окончившим курс в университете, равные снами права службы и жительство во всей Империи. Искренно сочувствуем и радуемся этой мере.

бавка". В ней выведен петербургский домо-владелец, безжалостный эгоист, выталкивающий на улицу бедную вдову писателя. В афише напечатано о нем: *из немецких жидков*.

К чему это бесполезное и неуместное оскорбление племени, столь часто напрасно оскорбляемого и поругаемого. Нужно ли было это для хода пьесы? Нимало. Домохазяин мог быть немец, француз, великорус, малорус, татарин, также как и жид. Его жидовство почти только тем и ограничивается, что возвещает о нем афиша, напоминая подпись: *Се лев, а не собака*, которую сделал под своей картиной живописец, хотевший изобразить льва: он никак не мог нарисовать так, чтобы лев не был похож на собаку... По всем своим приемам домохазяин — в пьесе г. Погосского — совершенный немец и как немец изображен удачно. Неужели же автор свернул на жидов из раболепного уважения к немцам², между которыми есть сильные мира сего. Естественно, что безграмотный дворник, соблазняясь бессердечностью своего хозяина, называет его жидом: но уместно ли это для писателя, осо-

² Мы имеем основание думать, что г. Погосский не руководствовался этим побуждением. — Ред.

бенно еще народного. Нельзя не поблагодарить г. Зуброва, который, несмотря на то, что сообразно напечатанному в афише, должен был играть *жидка*, не побоялся, однако, представить настоящего немца. Домохозяин — немец — явление обыкновенное в Петербурге, и ни один умный немец не оскорбится явлением кокого-нибудь Плюмфа, как не оскорбляется на своего Шиллера за его Вурма; ибо знает, что если есть немцы-негодяи, то есть и честные и благородные люди, поддерживающие доброе имя своего племени. К чему же такой страх у славянина перед именем немца, к чему такое бесстрашное попираие иудея, недостойваемого даже полным именем жида, а осужденного довольствоваться кличкою *жидка*?

Н. Костомаров

ЖИДОТРЕПАНИЕ
В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА¹

Важная Русь в своей истории представляется до известной степени классической страной жидотрепания. Начиная с давних удаленных времен до наших дней, много можно указать примеров и местных, спорадических, и таких, которые имели значение всенародного восстания против иудеев. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, рассеянное по всему пространству земного шара, живущее посреди разных иноплеменников без всякой духовной связи с ними, со своими верованиями и национальными преданиями, гордое ими даже в несчастиях, всех чужих внутренне презиравшее, никем из чужих

¹ Содержание заимствовано из дел бывшего малороссийского приказа, хранящихся в московском архиве министерства юстиции, книга № 86.

не любимое, никого не любившее, — это племя поставлено было везде в такое безысходное положение, что должно было искать таких средств к существованию, которые бы вели к пользе только его самого, в ущерб туземному населению. Куда ни являлся на жилье иудей, он с чрезвычайною проницательностью отыскивал слабые стороны общества, хватался за них и успевал. И в Южную Русь забравшись, иудеи пошли тем же путем. В XI столетии в Киеве они составляли не малую часть населения и притом, как видно, не бедствовавшую, но умевшую отыскивать пути к наживе. Они приобрели доверенность князя Святополка-Михаила и взяли в свои руки управление некоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народ, что по смерти князя в Киеве произошла самая старая, нам известная жидотрепка, — многих пограбили и разорили, иных поколотили, едва митрополит и бояре утишили расходившуюся толпу, призвав поскорее на княжеский стол Владимира Мономаха.

Многое унеслось потоком времени, оставляя по себе воспоминания, становившиеся все более и более тусклыми; сменялись этнографические особи населения, — иудеи, все такие же,

как и их прародители, продолжали являться в южнорусском крае, возбуждая против себя то в одном углу, то в другом нерасположение. Иудея вообще никогда не любили; в иудее не нуждался народ, но иудей с неподражаемым нахальством лез туда, откуда его прежде протуривали, предлагая свои услуги там, где без него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырством заставлял наконец принимать его. Когда Южная Русь подпала под власть Польши, тут-то настало счастливое время для происков иудейских. Местный землянин (вотчинник), иначе шляхтич, воспринимавший польские нравы, язык и мало-помалу передельывавшийся в поляка, сошелся с иудеем до того, что услуги последнего стали необходимы для существования первого. Не так относился к иудею народ, подвластный шляхтичу, и особенно казаки, цвет простого народа, приобретший себе большую свободу. В восьмидесятих годах XVI века встречаем известие, что казаки, находившиеся под гетманством Шаха, трепали иудеев, занимавшихся винною продажей, за то, что они возвысили цену на вино. Это было, так сказать, предостережение на будущее время, это были, так сказать, цветики, из которых когда-то

родиться должны были ягодки. Народ сметливый, иудеи отлично видели все общественные щели, куда можно будет им заползти и заложить гнездо своих выгод; русско-польский шляхтич-рабовладелец был по преимуществу сельский хозяин-производитель; иудей оставался посредником между производителем и потребителем и стал им исключительно. Иудей усматривал в достоянии и правах владельца такие источники и пути доходов, каких последний не замечал, и в этом случае иудей становился наследником владельца. Это наставление не обходилось владельцу даром. Иудей нашел для себя способ вознаграждения, и таким способом был откуп. Иудей давал владельцу вперед круглую сумму за право распоряжаться и обращать в свою пользу тот или другой владельческий доход, и владельцу показалась такая сделка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать труд, надзор и бдительность, теперь же, не прилагая ничего такого, он мог получать то же. Иудей показался его истинным благодетелем. Но тут иудей стал до крайности невыносим подвластным, с которых получал откупленный у владельца доход. Иудей в этом случае отличался чрезмерным

бессердечием, редко позволяя себе прямо действовать против закона, но умея с искусством расширять или суживать законные рамки, ему предоставленные. Кстати, в Речи Посполитой в те времена отношения владельцев к подвластным мало определялись обязательными для первых законоположениями, да если и были какие, то шляхтич, по своей шляхетской вольности, считал возможным не исполнять их; такой же произвол передавался владельцем своему откупщику иудею. И мы видим, что нелюбовь к иудеям простого русского народа скоро достигла крайних пределов ожесточения. С последнего десятилетия XVI века до половины XVII происходили одно за другим казацкие восстания. Простой народ постоянно принимал в них участие, и злоба его к иудеям выражалась резче и свирепее, чем к самим владельцам. Каждое из восстаний изобилует одинаковыми приемами этой злобы; разоряли синагоги и жилища иудеев, предавали поруганию их святыню, при всякой возможности их самих топили, вешали. Вражда к иудейскому племени усилилась от того, что, при фанатическом стремлении поляков вести в народ унию, православная церковь, потерявши большую часть

своих духовных чад между шляхетством, становилась как бы исключительно мужицкою (хлопскою) верою, и владельцы, потеряв к ней уважение как к христианскому вероисповеданию, стали передавать откупщикам иудеям в своих маетностях некоторые свои владельческие права, имевшие соприкосновение с православною церковью и ее требами, так что, при своей обычной пронырливости, иудей-арендатор очутился хозяином, блюстителем, распорядителем духовной жизни подвластных. Наступила эпоха Богдана Хмельницкого. Началось беспощадное истребление иудейского племени во всей Южной Руси, и старых, и малых. Эпоха эта оставила на иудеях такое страшное впечатление, что они в своих племенных воспоминаниях отметили ее, как одну из эпох величайших бедствий, постигавших Израиль в течении его многовековой скорбной жизни. Хмельницкий, как только в период своей борьбы с Польшею показывал малейшую склонность вести толки о возможности примирения, всегда выставлял одним из главных требований, чтоб иудеи отнюдь не жительствоваали в Украине. Действительно, при жизни Богдана Хмельницкого никто из них не осмеливался показать носа

в казацком крае. Проезжавший через Малороссию при Богдане Хмельницком вместе с антиохийским патриархом араб Павел-диакон повсюду встречал народное ликование, довольство и вместе с тем след разрушения недавнего господства иудейского. Православный инок, забывая всякие христианские правила о прощении врагам, о предоставлении Богу отмщения за неправды человеческие, расточает похвалы бесчеловечной свирепости, с какою казаки искореняли иудеев, и восхищается тем, что не осталось ни единой души из людей этого "гнусного народа". Но проходили годы, десятилетия. Не знаем подлинно, в какой год, но вообще в конце XVII столетия иудеи стали снова исподволь появляться в казацкой стране. Оказалось, что иудей ничем не изгоним, не выкуриваем, не выжигаем; его бьют, трут, в порошок мнут, а он все тут как тут. Что удивительного! Ведь у подножия Везувия стояли когда-то цветущие города; они были залиты лавою, засыпаны пеплом, погреблись под землею, а на их месте построились другие, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозревая, что под плодородною почвою, которая привлекла новых поселенцев, лежат посреди развалин

груды костяков, которые когда-то были в свое время живыми людьми и неожиданно погибли от того самого, что и новым поселенцам угрожает каждый час гибелью. Иудеев приманило снова в Украину то, что тамошние гетманы, для пополнения войскового скарба и для средств к содержанию платного войска, установили так называемые оранды, то есть отдавали на откуп доходы с торговли вином и некоторыми другими предметами, обращенные на войсковые потребности. Иудеи были падки на всякие откупа, как вороны на трупы. Они мало-помалу стали пробираться в Украину царского владения, стали там селиться, брать откупа и заводить корчмы. Их было еще не много, и они не без страха вступали во владения Московского государства, куда их никогда не пускали. В их тогдашнем занятии не представлялось ничего, что могло со временем стать исключительно занятием иудейского племени. Но они везде и всегда вели себя с кажущейся скромностью, чтобы впоследствии нахально растолкать всех вокруг себя и самим занять все место.

В 1703 году в Черниговском полку, в селе Жуковке, или Жуковцах, была корчма, которую

сдавал в аренду девицкий сотник Вендюх². Орендарем в этой корчме был иудей Шмуль, человек очень ловкий, умевший вести себя. Он приобрел расположение к себе сотника, у которого арендовал корчму. Шмуль платил ему аренду с наддачею против того, сколько она ходила прежде, и сверх того был не скуп на приносы даров сотнику, сотничихе и их детям в тот день, после каждого нового года, когда являлся вносить арендную плату за будущий год. Недоимки за ним не было. Как только приходил Шмуль, тут ему был почет и угощение. Он был словоохотлив и так много знал свежих новостей всякого рода, что беседа с ним доставляла много приятного. Удивительно казалось, где этот человек, по-видимому, весь погруженный в свою торговлю вином да табаком и дегтем, бывшими на то время в числе регалий, успевал узнавать обо всем; но в том то и было искусство, свойственное одному иудею и часто совсем не понятное для всякого крещенного человека! Шмуль любил поострить и побалагурить и всегда кстати, выходило все у него и забавно, и занимательно, и за такой его

² Иначе — Шендюх, как значится в других документах. — Ред.

веселый нрав в доме сотника звали его не иначе, как кумедным Шмулем; иногда и над самим собою потешался Шмуль, выдумывая о себе разные небылицы, а если молодые сыновья сотника позволяли себе над ним насмешливые выходки, Шмуль не оскорблялся. “На то я жид”, — говорил он, пожимая плечами, и сам же старался выставить себя в смешном виде. Но если нужно было, Шмуль умел держать себя чинно, степенно, так что почтенные старики говорили: “О! Какой поважный человек этот жид Шмуль!” Такую роль человека, имеющего права на почетный титул “славетного”, Шмуль надевал на себя там, где нуждались более в нем, чем он в других. Шмуль находился в приятельских отношениях даже с духовными лицами и посещал иногда Жуковского священника отца Тимофея, где случайно раза два встретил других священников, приезжавших в гости к своему собрату, тот же нарочно приглашал на этот случай Шмуля. Отец Тимофей не был из числа тех дюжинных попов, которых более занимают насущные нужды, чем вопросы веры. Отец Тимофей был натура поэтическая, любил помышлять и разговаривать о предметах, касающихся религии и вообще мира умственного.

Он обладал способностью распространять такое настроение и на других своих собеседников. Он как-то любил Шмуля, потому что Шмуль был противной веры, но человек от природы способный духом возвыситься над земною суетою. Все знали, что Шмуль был хасид, ревностнейший исполнитель всего еврейского обрядословия, глубокий знаток всего, касающегося еврейского закона и талмудического вероучения. Шмуль охотно беседовал с отцом Тимофеем и духовными, если заставал их у него в гостях, о предметах веры, излагал им по их вопросам то, что заключалось в Талмуде, удивлял попов своим знанием текстов “Ветхого Завета”, не раз замечая неправильности славянского перевода. Отец Тимофей по-еврейски не знал, но Шмуль, каждый раз приводя по-еврейски текст, тотчас сообщал его в объяснительном переводе. Со своей стороны Шмуль со вниманием и с видом любознательности слушал отца Тимофея, когда он излагал ему христианское учение. В таком случае Шмуль с искусством ловкого опытного кормчего лавировал между Сциллою и Харибдою, стараясь от своего не отступить и чужого не задеть. Шмуль ни разу не подал ни малейшего вида

противоречий, и когда, как говорится, его припирали к стенке, тогда он выражался в таком смысле: “Будем оставаться в такой вере, в какой родились. Бог на том свете решит, кто правильнее веровал. И ваша вера и наша — все от Бога. Без воли Божьей ни вы, ни мы не жили бы на свете!” Православным духовным нравилось такое размышление, потому что в нем не было задирательства.

В доме отца Тимофея Шмуль первый раз услышал о некоем Миколе Сохне, который в те дни сделался на время истинным чудом среди всего, что интересовалось умственным миром в гетманщине. По рассказу отца Тимофея, это был молодой человек козацкого происхождения, еще учившийся на ту пору в киевской коллегии и приводивший в изумление всех своими дарованиями, любознательностью и множеством сведений. Ему не было еще двадцати лет, а он владел латинским языком не хуже отца ректора; но что более всех поражало киевскую ученую среду — это его знание еврейского языка и знакомство с еврейскими писаниями. От природы у Сохна была такая память, что раз или два прочитанное навсегда как бы приковывалось к нему, и

во всем, что касалось древних латинских авторов и богословско-философской литературы, он был первый, а в еврейской мудрости не было никого в Киеве, кто бы хотя на половину мог с ним сравниться. Он перебрал и изучил все еврейские рукописи, какие мог отыскать в библиотеке своей коллегии и в библиотеке Киево-Печерской лавры, тогда еще богатой рукописными сокровищами, истребленными впоследствии пожаром 1719 года. Кроме того, он доставал из частных рук писанные экземпляры Талмуда и читал их с жадностью. Все его знания в области еврейства приобретены были в какие-нибудь два года. Но последствием всех занятий еврейством стало то, что Микола Сохно все более и более становился врагом иудейства. Он нашел в иудейских талмудических книгах явные свидетельства тому, что иудеи все вообще ненавидят христиан и сам будучи рьяным и сердечно преданным религии православным, воспитывал в себе убеждение, что и христианам, в возмездие, следует также оказывать ненависть к иудеям. Он повсюду вопиял о вреде, какой приносит и церкви и обществу пребывание иудеев в христианском крае, о захвате ими в

свои руки то тех, то других Петей народного богатства, приводил примеры разных злодеяний, совершавшихся в различных краях иудеями за существующий у них тайный обряд умерщвлять похищенных христианских детей и источать из них кровь. Этого, конечно, не находил Сохно ни в каких иудейских писаниях, но зато прочел все, что было по этому поводу писано христианами, и притом не допускал ни малейшего сомнения в существовании такого обряда, потому что все в это верили, и не мало находилось таких, которые могли утверждать это, как современники и свидетели бывших по такому поводу процессов. Не было ничего такого, чем бы можно было раздражить иудея, как напомнивши ему об этом таинственном страшном вопросе, который, при множестве исторических фактов, до сих пор остается не разрешенным. На это-то больное место налегал Сохно, зная, где чувствительнее почуют враги задеваемую им боль.

Об этом Сохне сообщил Шмулю отец Тимофей и сказал: “Скоро, я надеюсь, этот Микола Сохно, быть может, будет у нас. Пан сотник наш “протегует” его, и каждый год, когда Сохно едет из Киева домой в Городню либо

из дома в Киев, то заезжает до его милости, а то и сам его милость отвозит его с собою вместе. Очень любит пан сотник этого Сохна. Да и как не любить такого способного на всякое учение! Вот если он приедет, я сведу тебя с ним. Потолкуйте, поспорьте между собою; вы оба люди ученые. Только я наперед говорю тебе: зло он вас, жидов, недолюбливает и бранит!”.

“Значит, не совсем еще науку прошел, когда недолюбливает да еще бранит, — сказал Шмуль. — Недолюбливает — за то Бог ему судья. Что ж, он другой веры, чем мы, и потому недолюбливает. А бранить не следует. Бог один порешит на том свете, кто из нас тут был прав, а кто не прав. Ты говоришь, он учен; а я так думаю: не очень он учен, когда такой нелепости верит, будто бы мы, жидаы, детей ваших крадем и режем. Фуь, какой вздор! Я, батюшка, признаюсь тебе, не очень-то желаю толковать с таким. Впрочем, коли ему угодно, так и поговорим. Авось и он, как узнает поболее, перестанет нас, бедных, злословить”.

Весть о Миколe Сохне распространилась скоро между иудеями, проживавшими в разных местечках и селах черниговского полка.

Надобно знать, что Шмуль, если пользовался благосклонным вниманием таких христиан, как отец Тимофей и сотник Вендюх, то между братьей он признавался за светило ума и благочестия. Его корчма была сборным местом для иудеев во всем околке. Это был род домашней синагоги, куда в праздники съезжались иудеи, чтобы вместе помолиться и послушать мудрого слова Шмуля, благочестивого хасида в полном смысле. С этой целью около двух лет тому назад Шмуль пристроил к своей корчме отдельную избу, которая так и звалась у него: для гостей; она состояла из одной просторной комнаты и одной рядом с нею меньшей, где у хозяина в кивоте хранился свиток Торы, которому он приписывал чуть не баснословную древность, и, кроме того, на столе и на окне лежало несколько книг в старых переплетах, печатных и рукописных. В этой же комнате находились и богослужения одежды, которые каждый иудей надевает на себя, приступая к молению. Был иудейский праздник нового года. Он уже оканчивался; наступил последний праздничный день, трубный день, веселый день в связанной религиозными правилами и обрядами иудейской жизни. У Шму-

ля в эти дни перебивали чуть не все иудеи, жившие в окрестности и бывшие большею частью корчмарями. Но к трубному дню осчастливил и обрадовал Шмуля и всю его иудейскую братию дорогой посетитель, почтенный гость. То был Соломон Захарьевич Грековичор, цадик из Львова, раббин, пользовавшийся репутацией святой жизни и необычайной мудрости. Уважение к нему израильтян доходило до поклонения. Что скажет Шлема великий, как звали его в просторечии, — то правда, все равно как бы то в Торе написано! Возникнет ли где в кагале затруднительный вопрос, — посылают к львовскому цадику и ждут его решения. Семейные и родственные споры и всякие недоразумения, по мере их важности, посылались на суд Соломону Захарьевичу, и спорившие стороны покорялись безапелляционно его приговору. Угрожала ли где иудейскому обществу какая-нибудь беда, посылали к цадику и верили, что его молитва, как праведного мужа, отвратит опасности. Даже случалось, что когда-нибудь тяжело заболит израильтянин, посылают к львовскому цадику просьбу помолиться о болящем и верят, что молитва его может поднять человека с одра болезни. Но цадик,

для всех милостивый и внимательный, являлся иногда и грозным карателем. Цадик налагал страшный херим на непокорных, и горе тому израильтянину, которого постигнет клятва мудрого Соломона. Никто его в дом не принимает, никто с ним бесед не ведет, при встрече с ним израильтяне от него отворачиваются; тут бедный иудей — хоть христианство принимай или спешь испросить прощение и снятие с себя клятвы. Произносил иногда цадик херим и над христианином, за крайнюю злобу к иудейскому племени. Тогда израильтяне от него отвращались, чинили ему во всех его делах препятствия и даже тайную беду, — такого осужденного врага Израиля не только дозвоительно, но даже одобрительно всячески обманывать в торговле, дать ему вредное снадобье, если он, заболевши, позовет врача из иудеев, оклеветать его и подвести под гонение от властей, даже поджечь его жилище, а не то даже убить его тайно — все оправдывалось тем, что этого “гоя” постигает достойная кара за вражду к Израилю. Пример Юдифи из ветхозаветной истории служил как бы образцом, как доблестно употреблять всякого рода притворство и обман для нанесения вреда врагу. Впрочем, к такому

ужасному проклятию над христианином можно было прибегать уже только в исключительных случаях. Израильтяне были благоразумны; они понимали, что — раз живут они посреди иноплеменников, собственная выгода побуждает их хранить дружелюбие с иноплеменниками, как бы они в душе их не презирали и не ненавидели; в особенности с теми из иноплеменников, которые в своем крае пользовались знатностью происхождения и могли по своему положению оказывать израильтянам пользу своим покровительством, живущие в крае иудеи обращались всегда почтительно и униженно, готовы были при случае сносить от них презрительное обхождение; на таких никакой цадик не наложил бы херима. Израильтяне только тогда не останавливались перед наложением херима на иноплеменника, когда наверное знали, что этот иноплеменник уже не настолько силен, чтобы нужно было спускать ему многое.

Цадик Соломон-бен-Захария проводил много времени в разъездах между своею братиею. Вольнь, Подол и Украина были ему так же хорошо знакомы, как собственный львовский край. В описываемое время цадик ездил по левобережной Украине и к трубному дню при-

был к достопочтенному Шмулю. Тогда у последнего были гости, которые, тотчас разъехавшись, дали знать о приезде цадика другим из своих единоверцев, и на другой день двор Шмуля наполнился иудеями. Их набралось тогда человек до сорока обоего пола. Все старались воспользоваться случаем и принять благословение цадика и услышать от него мудрые наставления.

Был вечер перед солнечным закатом. Цадик Соломон-бен-Захария, мужчина лет пятидесяти с лишком, с большою русою бородою, где пробивалась кое-где седина, с высоким лбом, большими на выкате глазами, в ермолке, из-под которой на обеих сторонах лица спадали пряди русых волос, так называемые пейсы, был одет в суконный кафтан; фигура его представляла довольно толстую корпуленцию. Он сидел в кресле, нарочно для него вынесенном на двор. Вокруг него в различных положениях сидели иудеи и иудеянки как попало. Все это были гости Шмуля, но не стоившие ему ничего, так как всякий приезжал со своим съестным запасом, помещался в своей же повозке, а за корм лошадям платил тому же Шмулю, который всегда со своего брата иудея брал гораздо дешевле,

чем со всякого иноплеменника. Все слушали мудреца с великим вниманием.

Цадик говорил о Толюе в том смысле, какой дает это хульное наименование иудеями Господа нашего Иисуса Христа³. Толюй, — объяснял цадик, — был самый грешный из рода человеческого, величайший нарушитель мира и зложелатель Израиля, нечестие его дошло до того, что он стал называть сам себя Богом и за это был осужден и казнен позорною смертию. По своей смерти, за присвоение себе названия Сына Божия, он осужден на вечное мучение, но при содействии дьявола он дважды в год является среди Израиля и пытается искутить и соблазнить верных. Сила Вышнего преследует его, и он запрятывается в Библию между строк, и тут-то предстоит опасность от него. Бог за грехи наши попустил Толюю и его ближним слугам властвовать над миром неверных язык во вред сынам Израиля, но царство его только временное и окончится с пришествием истинного Мессии, тогда Толюй будет ввержен в бездну и не станет более тревожить верных, толковал цадик: “Поклонники Толюя

³ Толюй с еврейского значит повешенный, висельник.

прокляты, и нет и не будет им пощады и спасения, но теперь, пока они торжествуют и властвуют, надобно Израилю бороться с ними мудростью и хитростью. Веруем, что будет победа за нами, но и теперь мудрый провидит и предвкушает начатки нашего торжества, и теперь мудрый уразумевает, что рука Бога отцов наших не покидает своего избранного народа, мы презираемы, мы попираемы, и враги наши считают нас последними из рода человеческого, а между тем мы в свои руки захватываем богатства земные и незаметно для врагов наших делаемся сильнее их, когда кажемся слабыми. Они считают себя нашими господами, а на деле выходит, что мы становимся господами их самих. Приглядитесь, как ведут себя нечестивцы, как у них живется-можется! Одни из них в порабощении у других, незнатные у знатных, подлые у благородных, а господа их отдают рабов своих нашим израильтянам под власть, и выходит, что когда глупый их мужик работает на своего пана, то половина всего, а иногда и большая часть достается израильтянину. Как не возблагодарить Бога, так пекущегося о своем избранном народе, так устроившего, что как ни вертятся “гой”, а все-таки

исполняется пророчество, реченное древле к Израилю: “Ты богатство язык снеси!” Иные из наших говорят: “Хорошо, может быть, будет вперед, когда Мессия придет, а теперь пока многие из нашей братии в нищете и скорби”. Бог не спасает их. Немысленны и слепы те, которые говорят так! Бог свободной воли у человека не отнимает, но милость свою избранным своим посылает. Бог дает ум человеку: это милость, благодать! Ищи же, человек, средств при свете данного тебе ума!

Израилю дана от Бога особая благодать свыше: в том она, что Израиль умнее всех, а ум — такое сокровище, которому равного нет и быть не может! Умом и богатство приобретается, и сила, и власть! Говорю вам: Израиль умнее всех народов в свете. А потому хотя за грехи свои несет он наказание от Бога и находится в унижении и гонении от гоев, но Бог не лишил его ума великого, и этот ум ведет его к тому пути, когда минут времена гнева Божия и настанут времена отрады; в тот час узрит он ясно высокую руку Божию, и поднимет своего отрока Господь Вседержитель, и вознесет его превыше всех колен земных, и послужат ему все языки, и будет он господином над ними. Так

речено Господом, и слово его неизменно. Надежды гоев суетны. Уже и теперь отяжелело сердце их, очами смотрят и не видят, ушами слушают и не слышат. Воображают, что властвуют над нами, а того не уразумеют, как мы сами над ними власть забираем, и верьте, братья, заберем совершенно. В гордости сердец своих возлагают они упование на своего Толью и посрамлены будут. Безумие великое уповать на беззаконника, который принял казнь за свои преступления; безумие великое считать сыном Божиим казненного: как не понять, что если б его осудили на казнь напрасно, а он был бы истинным Мессиею, то Бог бы не допустил его до позорной смерти, но спас бы его пред глазами всех людей во свидетельство того, что он есть действительно тот избранник Божий, за кого выдавал себя? Коли себя не мог спасти, то куда ему других спасать!⁴ Не явственна ли тщета всех надежд и верований оных гоев, когда между собой они везде грызутся, как псы нечестивые? Таковы ли мы, Израиль, народ Божий! Живем мы рассеянно по разным частям света и в жарких и в холодных странах,

⁴ Буквальное повторение говоренного иудеями-распинателями Иисуса Христа.

а единство веры нашей чрез то не колеблется; израильтянин везде узнает своего единоверца и по-братски обнимет его. То ли у поклонников Толюя? Из одной нечестивой веры родились десятки, сотни вер, одна другой гнуснее, одна другой безумнее, и между собой все во вражде, а последователи их не только считают друг друга за единоверцев, но одни других резать, топить, жечь на огне готовы. Цари их между собой во вражде и ведут друг против друга убийственные войны, высылают тьмы тем подвластного народа на убой, как скот, и гибнут безумцы по воле владык своих достойно за свое зловерье. Если же их цари постановляют между собою мирные и дружественные договоры, то для того, чтоб их вероломно нарушать. Они все коварны, в государствах их нет правосудия, хищение и неправда посреди жилищ их. Таковы поклонники Толюя, нечестивейшие из всех гоев, враги Божие, которым всем будет мука вечная, огонь неугасимый в отмщение за злобу, которую они все одинаково питают к нам, Израилю, миролюбивому, смиренному народу Божьему. О Израиль; Израиль! Много, по словам псалмопевца, на хребте твоём орали иноплеменники, много испытал ты бед

и горестей, святыню земли твоей разрушили, сыны твои и дочери разведены в неволю, семья Авраама, Исаака и Иакова, которому Бог даровал столько обетований, уже в течение многих веков подвергается унижению и попиранию. Но мужайся, Израиль! Все это произошло затем, чтоб возвеличить тебя и наградить за веру и терпение. О братья! Молю вас! Пребывайте в исполнении закона Божия, не отступайте от самомалейших его правил, и Бог вознаградит вас. Знайте, что каждое преступление, совершенное сыном Израиля, отдаляет от всех нас день нашего общего спасения, а каждый добродетельный поступок нашего единоверца приближает и сокращает тягость ожидания. Наипаче, братья, устраняйтесь от нечестивых гоев, поклонников Толюя. Не говорю, чтоб нам с ними не иметь никаких дел. Это невозможно, потому что мы живем в стране их, по неволе должны вести с ними сношения по торговле и прочее, только не надобно дружить с ними, есть и пить с ними, не надобно оказывать им услуги и благодеяния, напротив, ненавидеть их, как врагов и сопротивников Божиих. Из всех неправых вер нет нечестивее веры поклонников Толюя. У других гоев были боги серебряные,

золотые, каменные, деревянные, ... все эти боги — ничто, мечта, но те называли себя Богом Сына погибельного, от греха рожденного, всеми пороками оскверненного! Поэтому они прямые сопротивники истинного Бога, а кто дружит с ведомым врагом Божиим, тот сам ему уподобляется. За то нас Бог наказывает, что иные из нас, слабодушные, с почитателями Толью в дружбу входят”.

Он умолк на время. Все сидели в размышлении, наконец один израильтянин нарушил молчание и, поглядывая на небо, спросил:

“Равви! Что это за звезда с хвостом явилась? Вот уже третий вечер светит и все становится крупнее и ярче. Уж не пророчит ли она чего?”

Цадик стал внимательно смотреть на небо. Действительно, на востоке показывалась комета. Ее белесоватый, неподвижный блеск, отличавшийся от блеска прочих светил небесных, уже несколько дней тревожил население и крещенное, и некрещенное. Беспокоило всех предвестие чего-то неизвестного, во всяком случае, скорее недоброго, чем доброго. В то время шла скверная война. Между казаками-старшинами возникали толки: как бы шведский король, распла-

тившийся тогда в Польше, не вздумал с своим победоносным войском повернуть в Украину и перенести туда театр войны с московским царем; казаки простые боялись, что царь станет требовать большую, чем прежде, казацкую силу в свое войско, а казакам до крайности был противен всякий поход за пределы своей земли; посольство страшилось учащения проходов москалей через их села, а такие гости в те времена были для народа несноснее татар. Иудеи втихомолку побаивались: не предвещает ли эта хвостатая звезда в левобережной Украине повторения такой же палиивщины, о которой вести сильно напугали их в предшествовавшем году.

Соломон Захарьевич долго молча смотрел на комету и во что-то вдумывался. Лицо его между тем принимало все более и более грустное выражение. Наконец он сказал:

“Ну, я вам, братья, должен против желания сообщить неприятность. Звезда эта не предвещает нам добра. Это та звезда, что когда-то на страх Израилю являлась перед тем давним временем, как наших предков убивали в немецкой земле: эта звезда являлась у нас перед тем страшным годом, как нечестивый Хмельниц-

кий поднял бунт против Польши и казаки стали истреблять детей Израиля. Ужасное то было время. Я помню его, бывши еще маленьким хлопцем. Тогда погибли мой дед, бабушка и двое дядей с семьями, а мои родители с двумя детками, в числе которых был я, чуть спаслись от гибели, убежавши за Вислу. О, ужасное было время! Сколько наших единоверцев обоего пола и всякого возраста лежало трупами по полям, рощам, горам и болотам. Многие, как мы, бежали, спасая душу свою, но не могли спастись и погибли от казаков, которые гнались за нами, а уйти бедным было трудно, потому что гонители были быстры, как орлы небесные. Сколько синагог было осквернено и разорено! Выволакивали свитки Торы и, положивши на них несчастных израильтян, резали, и терзали, потешаясь криками и воплями страдальцев. Сколько рек и прудов закиданы были трупами наших единоверцев, так что даже вода выступала из берегов! Опасно, братья мои, опасно, не повторилось бы над нами что-нибудь подобное и ныне. Прошлый год на правой стороне Днепра, в Подолии и Волыни, много пострадало наших от безбожных хлопов. Поляки усмиряли и казнили много мятежников, но наших,

погибших там, не воскресим. Их воскресит только всемогущий Бог и вселит в лоно Авраама в последний день. Опасно, чтоб и здесь не нашлось злодеев, которые бы не затеяли произвести подобного на этой стороне Днепра. Они, нечестивые, повсюду рыскают, как львы, и ищут растерзать смиренного безоружного израильтянина. Я не скажу наверное, чтоб эта звезда могла предвещать нам такое бедствие: может быть, она предвещает другое, не менее страшное, — моровую язву, которая, как слышно, уже появляется в Запорожье. Но что делать! Надобно терпеть, молиться и страшиться... Наложим на себя строгий пост, станем молиться, чтоб Господь отвратил от нас свой гнев. Пусть посылает болезни и междоусобные брани на гнев нечестивых, поклоняющихся проклятому Толюю, но пусть пощадит верных рабов своих!"

За воротами послышался стук подъезжающего экипажа. Домашние Шмуля бросились отворять ворота, так как у него была корчма, заездной двор, открытый въезд для путешественников. На двор въехала бричка. В ней сидело двое господ: один пожилой, лет сорока с лишком, другой молодой, у которого едва про-

бивались борода и усы. На облучке сидел и правил парюю дюжих лошадей плечистый козак в поярковой шляпе. Господа соскочили с брички.

Первый из приехавших был девицкий сотник Вендюх. В чертах лица его было заметно какое-то смещение проницательности с простодушием; волосы на голове, темно-русые с проседью, были острижены в кружок и покрывались черною суконною шапкою с четырьмя рожками по углам. Одет он был в темно-малиновый кунтуш, подпоясанный блестящим проволочным поясом с саблею в красиво унизанных бляхами кожаных ножках. Это был мужчина статный, мускулистый. Товарищ его был не кто иной, как тот Микола Сохно, о котором было говорено выше. Одет он был в простой черный кунтуш, сделанный на подобие одежды монастырского послушника, в каких обыкновенно в то время ходили киевские студенты коллегии; подпоясан был он простым кожаным пояском с серебряной застежкой впереди. Свежесть молодости, цветущее здоровье, ничем не порченное, выражались во всех чертах лица его, в движениях и поступи. Нельзя сказать, чтоб он был красив в

полном смысле этого слова, но в нем с первого раза было что-то такое, что, увидя его, всякий невольно остановится и подумает: этот хлопец — Бог его знает, что он такое, только не такое, как все люди. Его голубые глаза светились тем невыразимым блеском таланта, который сразу отмечает особенно даровитых людей. Мы уже говорили, что он, находясь в Киевской коллегии, стал заниматься еврейством и увлекался, как увидим, себе на гибель, страстью разоблачать и громить иудеев. Это было, мы думаем, временное направление, которое могло измениться, когда бы ненасытная жажда любознательности могла обратиться к чему-нибудь иному; но в те времена даровитая натура, получая воспитание в Киеве, скорее всего погружалась в области религиозных и церковных вопросов, с которыми, при пылкости нрава, не трудно было впасть в односторонний, нетрезвый фанатизм.

“О, у вас какое-то большое собрание сегодня!” — сказал Вендюх, окидывая взором сидевших и стоявших около цадика иудеев.

“Это, вельможный пане, у нас сегодня большой праздничный день. Трубки называется; конец праздников нового года, — отвечал

Шмуль. — Сегодня у нас веселый день, на трубах играем!”

“Что ж — отыграли уже?” — спрашивал Вендюх.

“Один раз играли, потом помолчим, поговорим меж собою, потом опять заиграем. Кстати, к нам сегодня почтенный гость приехал — рабин со Львова, Соломон Захарьевич”, — говорил Шмуль и с почтением показал сотнику на цадика, который, со своей стороны, почтительно поклонился новому гостю.

“И конечно, — отозвался Сохно, — они поиграют себе на трубах, потом поругают Господа нашего Иисуса Христа, пожелают всякого худа верующим в Господа Христа и, быть может, тут же составят какие-нибудь умыслы делать им вред. Это у них, по их жидовскому закону, так везде делается в праздничных собраниях. Тут-то у них составляются умыслы — где б им христианское дитя украсть и кровь из него выцедить!”

Шмуль закрыл себе уши в знак негодования. Другие иудеи свирепо глядели на Сохна.

Сохно продолжал:

“Что, небось, скажете, что у вас нет такого обряда? Вы ведь всех нас в том уверяете и обманываете нас, злодеи, кровопийцы!”

“За что так! — произнес один из иудеев — Вельможный пан сотник! Не прикажете этому господину, его милости не говорить такое про бедных жидов. Это нам всем оскорбление. Это закону противно. Мы, бедные жида, имеем грамоты от многих найяснейших королей польских, чтоб никто не смел нам задавать такой нелепости. Мало этого, святейшие отцы — папы римские — выдавали нам свои высокие буллы о том же, чтоб нас в этом не обвиняли. И папы и короли не верили вымыслам глупой черни, которая возводила на бедных жидков такие клеветы. Они были умнее глупой черни. Ваша милость не смеете повторять этого”. Последние слова были обращены к Сохну.

“Не дразните этого дурака, — сказал иудеям цадик, — с ним иначе следует говорить!”

Эти слова были произнесены по-еврейски. К удивлению Соломона Захарьевича, Сохно со своей стороны дал ему ответ по-еврейски и притом колкого свойства.

“В первый раз слышу единого из сущих в назорейском законе, так хорошо знающего еврейскую речь, — сказал ему цадик по-еврейски. — Жалею, что она употребляется на хулу

Израилю. Тебя, молодого человека, Бог наделил большими дарованиями, только по молодости лет ты еще не дошел до мудрости, иначе ты бы совсем не так относился к израильтянам и не повторял нелепых басен”.

Эти слова перевел Сохно Вендюху и притом заговорил уже по-малорусски, переплетая речь свою еврейскими выражениями. “Вот они всегда хотят нам замылить глаза, чтоб мы не видели мерзостей, что они с нами вытворяют. Они все уверяют, будто все на них выдумали. Но у нас есть тьма улик и свидетельств... И сам этот старый жидюга, верно, приехал сюда научать свой бесовский кагал, как отыскивает детей христианских, и мучить их, и кровь из них выпускать”.

“Как же? — говорил цадик, хохоча во все горло. Отступник рабин Серафимович напечатал в своей книжке, как он сам детей мучил. Ух, как страшно! Есть у жидов такая бочка, что в середине вся набита острыми гвоздями, положат туда мальчика и качают бочку, пока мальчик не изойдет кровью. Ведь так у вас в книгах ваших пишется?”

“Не наши то писали, а ваш же рабин, что сам так делал, и, принявши святое крещение,

оповестил миру о ваших тайных злодействах, — сказал Сохно. — Впрочем, у вас, злодеев, не один такой способ, есть еще и другие”.

“А ведь ты, легковёрный молодой человек, верно, и не подозреваешь, что никакого Рабина Серафимовича такого на свете не было и книги он такой не писал и не печатал, а выдумали святые отцы иезуиты, которые в Польской Короне не мало смуты учинили и много ложного измыслили не только на израильтян, но и на своих назореев. Разве не эти иезуиты насильно обращали в унию благочестивых ваших, не они разве произвели разлад между поляками и русинами и довели край до страшных козацких бунтов? И теперь хотели бы они от великой своей злобы и вас, благочестивых, и нас, израильтян, в ложке воды утопить. Вот они и написали много такого, чтоб поляков против вас, а вас против поляков раздражить, и про нас всякие гнусные клеветы вымыслили, чтоб вы нас ненавидели. А вы поддаетесь их ловушкам и верите их выдумкам”.

“Красно вы поете, плуты! — говорил Сохно. — А разве все только от иезуитов началось? Еще на свете не было закона иезуитского, а уже ваших жидов в разных краях во

всей вселенной уличали, что вы детей христианских крадете и кровь их употребляете. Еще при цезаре Гонории в сирийской стране жида, укравши христианское дитя, распяли его на кресте и замучили. Такие случаи потом повторялись в разных странах в течение многих веков, и осталось о том множество исторических свидетельств. Вот Одорик Райнальдус свидетельствует, что лет будет пятьсот, в испанском королевстве жида замучили христианского ребенка, пригвоздивши его к стене и кровь из него булавками выпускали, а в английской земле в г. Линкольне жида такого же мальчика прибили к кресту, а на голову ему терновый венок наложили и копием его прокалывали, изображая на нем такие муки, какие их предки творили Господу нашему. Бог объявил это злое дело миру; сколько раз ни погребали жида замученного ребенка, земля извергала его тело, наконец жида бросили его в колодезь, а тут мать ребенка нашла его, и злодеяние было открыто; за это одно жида привязали к хвостам лошадей и растерзали, а затем еще казнили смертью девяносто жидов за соучастие. Что же? Это все, как вы говорите, иезуиты выдумали? Но, повторяю, тогда иезуитов и на свете

не было. В итальянской земле, в городе Триденте, у бедных христианских родителей жида украли ребенка и до смерти замучили в своей божнице, выпуская из него кровь двумя иглами в широкую миску. И тогда еще не было иезуитского закона. Таких примеров чрезвычайно много происходило в Швейцарии, и все швейцарские хроники переполнены известиями этого рода. То же происходило в странах венгерской, немецкой и польской, да и близко к нам, в стране волынской, в селе Возниках, в 1598 году жида замучили ребенка и бросили тело его между хворостом и камышом, где оно было найдено, и тогда, как свидетельствует историк Александр Гвагнини, трое жидов, по именам Аарон, Марко и Исаак, были приговорены люблинским трибуналом к смертной казни. Мало ли тебе этих свидетельств из разных времен и разных стран! Если хочешь, я их тебе откопаю еще втрое столько. Но это все такие случаи, когда ваши жидовские злодеяния становились известными после их совершения. А сколько таких, которые так и не открылись и не могли войти в исторические описания! Ваши жида, по своему тайному закону, обязаны каждый год где-нибудь по очереди заму-

чить христианское дитя, так чтобы мучение над ним имело подобие со страданиями Господа нашего Иисуса Христа. Сами жидаы сознались в том и показали это под пытками в Тирнаве, венгерском городе”.

“Все, что ты говоришь, — сказал цадик, — есть вздор, и никогда того не бывало. Вольно тебе теперь ссылаться на такие свидетельства, что за шестьсот да за восемьсот лет. Тех, что могли видеть и слышать это, давно нет на свете. А что написано кем-то, так что ж, бумага все терпит! Что ты говоришь: такой-то, другой историк так написал, так разве ты наверное знаешь, что тот, кто это историку сообщил, говорил правду? Говоришь ты, будто жидаы наши сами сознавались под пытками... Э, да ведь под пыткой мало ли чего кто не наговорит! Иной, как только ему покажут орудия, тотчас всякий рассудок потеряет и понесет чепуху, сам на себя станет наговаривать, лишь бы его не терзали, а скорее бы уж вершили. А что, как поставят на острые гвозди или начнут по спине разожженным железом водить!”

Тут один иудей сказал: “Наговоришь на себя не только такое, чего никогда не делал, а даже и такое, чего во сне не видал!”

“Как! — возразил Сохно. — Во всех славных европейских государствах издавна в обычае допрашивать преступников под пыткой и по их пыточным речам дела вершить. Если б под пытками говорили на себя все только неправду, великие короли и князья, что поумнее нас, отменили бы пытку. А то вот нет же: во всем мире ее употребляют и по пыточным речам правды дознаются”.

“А ты сам, — сказал цадик, — читал пыточные речи тех жидов, что сознавались? Ты их не читал сам, а знаешь о них тоже из своих историков, а те тоже неверно передавали, потому что сами не были близки к делу, а от других слышали. Коли б те пыточные речи были на лицо, то, может быть, оказалось бы, что жид не совсем так говорил, как историк по слухам записал!”

“Ты, проклятый жид, нашим книгам не веришь и ни во что их не ставишь! — сказал Сохно. — Оно и понятно: коли б ты нашим книгам верил, то нашел бы в них верные доказательства, что господь наш Иисус Христос был истинный Мессия. И ты б уверовал в него. А вот как ты наших книг знать не хочешь, так как же я тебя обличу в наших

книгах? Да и в ваших книгах есть про это, только в тайных...”

“В наших книгах! — воскликнуть цадик. — В каких же это наших книгах? Наш Талмуд печатан, и всякий, кто понимает, может читать его. Там не найдешь ничего похожего”.

“Знаем, знаем! Это мы слышали! — с живостью прервал его Сохно. Не все напечатано, что у вас есть в Талмуде. Многое еще сберегается у вас на письме, под великим секретом, а такое дело, как пролитие христианской крови, вы и письму то поверять опасаетесь. Впрочем, и в вашем Талмуде постановляется не всякие пакости чинить христианам, которых вы наравне со всякими неверными именуете гоями”.

“Так ты, казаче, — сказал цадик, — думаешь, что все, где пишется про гоев, разумеется и про вас! Гоями называли неверных идолопоклонников, какие беспокоили израильтян в древние времена, а вас гоями никогда не называли, а называли назореями; и вас, и караимов, и магометан мы всегда считали верующими в одного с нами Бога, хотя по воле Божией они и порознились с нами. Я покажу в Талмуде места, где сам увидишь, что вас так не зовут — гоями”.

“Показать-то покажешь, — сказал Сохно, — только места эти у вас подмалеванные, чтоб нам глаза отводить, чтоб мы ваших плутней не видали. В вашем проклятом Талмуде писаны хульные речи против Господа нашего Иисуса Христа. Выдумали, что Он рожден от зазорной женщины, что настоящим отцом его был какой-то римский воин Пантер, пресвятую Деву Богоматерь вы проклятым языком своим дерзаете называть негодным именем Соно, про Господа нашего выдумали, что Он творил чудеса не силою Божьей, а через волхование, которому научился во время пребывания в Египте, святых апостолов называете лжецами. Учителя ваши заповедали вам злобу против христианина, считаемого вами гоем, идолопоклонником. Когда, говорят они вам, встретишь божницу христианскую, плюнь и скажи: “Мерзкая из мерзких, нечестивейшая из нечестивейших, будь проклята!” Когда проходишь мимо христианского кладбища, произнеси проклятие, скажи: “Отвержена родительница ваша, конец христианский — червь и тление!” Ваш рабин Моисей в книге Мадда написал: “Если увидишь исповедующего Иисуса Назорея близко смерти, не спасай его, а убей, и когда он впадет

в колодець, ты камнем прикрой его, и если увидишь вблизи лестницу, прими ее прочь: пусть погибает!” Если вы, жиды, не убиваете нас часто, так это потому, что вам выгоды нет от нашей гибели, а за лучшее считаете нас обманывать и высасывать. Этому научает вас ваш мерзкий Талмуд, и нам следует истреблять ваши богопротивные книги”.

“Не знаю! Ничего такого не слыхал, не читал и не знаю! — говорил цадик, отмахиваясь руками, словно от мух. Вы в своих книгах пишете, будто мы кровь с ваших детей точим и употребляем. А у нас по закону строго запрещается всякое употребление крови, хотя бы животного. Да и для чего бы нам нужна ваша кровь? Вы в своих книгах сами не можете указать, зачем нужна жидам ваша кровь, и разные причины выдумываете”.

“Это от того, — сказал Сохно, — что вы скрываете от нас свою злодейскую правду. Хоть вас режь, раскаленным железом жги, — вы правды не откроете! Один жид, принявши христианство, поведал, что тайну эту у вас знают только немногие рабины и цадики, простые же иудеи не знают настоящего, иные же вовсе не уверены, что есть такая тайна, что сообщает Иов

Френцель. Вот от этого-то и разные толкования пошли о том, для чего нужна вам кровь. А что ты говоришь, что по вашему закону употребление всякой крови запрещается, так ваши цадики толкуют так: еще до Моисея Богу угодны были человеческие жертвы. Доказательство — что Бог приказал Авраму заколоть сына своего Исаака. Хотя за послушание Бог и помиловал Авраама и, вместо сына, указал принести ему в жертву барана, но этого барана надобно понимать иносказательно. Вот этого-то барана и находят ваши жида в христианском ребенке. Если б Богу неприятна была кровь человеческая, так он бы не повелевал Аврааму заколоть Исаака, — толкуют ваши цадики. Что и после Моисея у вас, жидов, были человеческие жертвы, показывает пример судьи Иофея, который обещал в жертву Богу принести того, кого первого встретит, возвращаясь с победою, и, встретивши дочь свою, вышедшую к нему навстречу, принес ее в жертву Богу. Псалмопевец не даром же укоряет израильтян, что они приносили сыновей своих и дочерей в жертву бесам, проливали кровь невинную сыновей и дочерей своих, и осквернилась земля кровью” (Пс. 105).

Цадик прервал его. “Это, — сказал он, — говорилось к тем, которые тогда отступили от истинного Бога”.

“Ты, жид, не заговаривай-но зубы, — сказал Сохно. — Я тебе вот что припомню. У вас постоянно приносились жертвы, резали козлов, тельцов, волов — и воображали, что этого Бог требует, боговдохновенные глаголы что возвещали? Исайя-пророк говорит: “Что мне множества жертв ваших? Исполнен есмь крови, тельцов и юнцов ваших ненавидит душа моя”. А псалмопевец что говорит? — Не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих... Разве я ем мясо или пью кровь козлов? Мои все звери в лесу и скот на тысячи горах... Принеси в жертву Богу хвалу и призови меня, я избавлю тебя, а ты прославишь меня”. Видишь, в священном писании “Ветхого Завета” которое вы считаете за главное основание своей веры, прямо говорится, что Богу вовсе не угодны кровавые жертвы, а ваши предки, зная это, все-таки приносили их по обычаю. Точно так же и теперь: хоть вы нам говорите, что закон вам запрещает употребление крови, а мы вам говорим, что если бы и так было, и закон ваш воспрещал бы

вам кровь, вы все-таки, по тайному обычаю предков, крадете христианских детей и кровь их невинную проливаете”.

“Да на что нам эта кровь? Скажите по крайней мере, чтоб мы знали”, — произнес цадик.

“Вы, — сказал Сохно, — намазываете ее на полотно, рассылаете своей братии по разным местам, таким, которые ведают эту вашу тайну. Ее употребляют, когда пекут мацы, и через это, как вы кровь христианскую отведываете, так и во всех делах с нами, крещенными, успех имеете себе, в свою жидовскую корысть, а нам, христианам, в ущерб; все это через то ваше кровавое волхование проклятое, вы у нас и ум отнимаете, и глаза нам отводите, так что мы хоть не хотим того, а вам поддаемся и ничего против вас не поделаем. Вы все, жида, к тому идете, чтоб наше достояние, которое мы приобретаем своими тяжелыми трудами, доставалось не нам, а переходило к вам в руки, чтоб мы, христиане, рады не рады, а делались в конце концов от вас зависимыми, становились бы, сами не дознаваясь от чего, у вас, жидов, в неволе. Этого всего вы достигаете через оное кровавое волхование и надеетесь еще гораздо большего достигнуть. Оттого-то вы так дорожите этим

волхвованием и сохраняете его в непроницаемой тайне. Вы, проклятые, на то на свете живете, чтоб с нас кровь и сок высасывать. Вы от честной работы убегаете, одним шахер-махерством пробавляетесь, умеете пользоваться нашими грехами и неразумием, потому что мы просты и доверчивы и против вас слабы. И что же вы за то с нас и выделяете?! Вон польские паны вам, жидам, маетки в аренды отдавали, и вы эти маетки опустошали, а бедных панских подданных как истомили и измучили. Сейчас видно, какая маетность побывала у вас в жидовской власти. У нас в гетманщине, слава Богу, вас не было с тех пор, как при блаженной памяти гетмане Богдане Хмельницком вас перебили и прогнали тех, что успели уйти от казацкого оружия. А вот теперь вы опять к нам заползаете и гнезда свои заводите, проклятые клопы! Нам следует не допускать вам распложаться и размножаться, надобно ваши дома разорять, вашу всю рухлядь порубать, побить, попортить, ваши синагоги развалить до фундамента, все ваши богомерзкие книги и писания пожечь и всех вас с семьями вашими прогнать вон из нашего края, чтоб и духа вашего жидовского не оставалось. Благоразумны

были те власти, что вас, кровопийцу, в подвластный себе край не пускали. Так всегда поступали цари московские, и вы до сих пор в Московщину не смеете вашего носа проклятого сунуть. А мы вот хоть и живем под московскою властью, да свои права и вольности имеем. Пользуясь этим, вы и проползаете к нам. Если мы не одумаемся да не искореним вас, то из этого разрастется для всего нашего края великое зло!”

Цадик пожимал плечами и разводил руками. “Что на все это отвечать? — произнес он наконец. — Вы злобствуете на бедных жидков ни за что, клеветеете на нас, взводите на нас небылицы! Нам остается искать прибежища и помощи у Бога отцов наших! Во всем его воля, и над нами, да и над вами!”

“Пан вельможный сотник! — отозвался один жид из жидов. — Твоя милость есть тут власть. Не позволяй этому господину так порочить и бесчестить наше племя. Ведь мы живем в крае, где должен соблюдаться порядок, и никто не смеет без всякого повода оскорблять других”.

Вендюх отвечал: “Я не позволю никому делом вас оскорблять, а что он языком говорит, я

не могу его взять за горло и язык у него вытянуть. Вы, жи́ды, не какие-нибудь правящие лица, что про вас никто не сме́й дерзкого слова произнести. Он так думает про вас, так и говорит, и вы против него говорили. Тут мое дело сторона. Повторяю, если б кто вас стал оскорблять делом, я бы не похвалил этого и не дозволил". Делом нельзя, а словом можно! Но от слова не так-то далеко и до дела. Все так бывает: начинается словом, а кончается делом", — сказал один иудей.

Вендюх приветливо простился с хозяином и разом со своим спутником сел в запряженную бричку. Козак, сидевший на козлах, сделал взмах бичем. Лошади тронулись.

Когда путники скрылись за воротами, цадик обвел суровым взглядом все иудейское сонмище и молча, но многозначительно указывал рукою на восток, где комета при стухавшей на западе вечерней зари становилась ярче и почему-то казалась как будто грознее. Ядро ее находилось вблизи горизонта, ее хвост поднимался вверх и достигал половины небесного свода.

“Эта звезда хвостатая, — произнес наконец цадик, — это предвестие беды иудейской

общины в гетманщине. А беда — вон она, выехала из этого двора! Да, израильтяне! Этот молодой крикун — это беда наша. Это змея, угрожающая уязвить пяту Израиля. Скорее, скорее растоптать эту злую гадину. Сами слышали, с какой злобою шипела она против Израиля. Это не простой, обыкновенный враг, каких много между поклонниками проклятого Толюя. Он — книги наши читал, выучился нашему языку священному, а все затем, чтоб нам чинить вред. Что он говорил нам в глаза, а того хуже говорит он про нас со своими гоями. Ужасно! Они ему верят. Он может поднять на нас глупую толпу почитателей Толюя, и тогда может произойти такое, что и вообразить страшно. Израильтяне, вникайте! По примеру предков наших, великих учителей, произношу над ним великое проклятие; беззакония отцов его да падуб на него, и он не достигнет преполовения дней своих. Болезни адовы да поразят его. Пусть червь источит его. Пусть страдает так, чтоб не мог ни есть, ни пить, ни сидеть, ни стоять, ни лежать, пусть вопит и кричит от страшной боли день и ночь, пусть смрад нестерпимый исходит от него, и родители его не в силах будут подойти к нему.

Пусть конец его будет темен и скользок, пусть ангел Господень преследует его, пусть все достояние его расхитят чужие, и никто не пожалует о нем; и память его сгладится из земли живущих, и дьявол во веки не отходит от десной страны его! Не любил он благословения, а возлюбил зло и проклятие бедных сынов Израиля; пусть же проклятие наше, как одежда, обовьет все члены его, пусть, как елей, всосется в тело его и проникнет в кости его! Готовил он сеть Израилю — пусть сам завязнет в нее; рыл он ров смертный Израилю — пусть упадет в него; пусть все злые замыслы развеются, как пыль в вихре, как солома пред ветром! Такое воздаяние от Бога на замышляющих зло и неправду на Израиля! Отселе никто из вас, братья, да не дерзает не только что приятельствовать с ним, но даже говорить с ним, ни же отвечать ему, если он к кому обратиться; пусть каждый при встрече с ним отвратится от него и трижды произнесет: “Будь проклят”. Тот же, кто не соблюдет сего и войдет с ним в какое-либо сношение, да изгонится сам от сонмища благочестивых! Если же кто поднимет руку на себя труд удалить этого злодея из числа живущих, тот получит

милость и награду от Бога вышнего, ибо тот совершит благое дело пред Ним, избавив народ, верный Богу, от врага, клеветника и губителя. Где живет этот злодей?”

“В Городне, — был ответ от Шмуля. — Только он там редко бывает; учится в Киеве и теперь поехал в Киев с домашней побывки. Теперь, должно быть, приедет зимой к своему празднику”.

“Так пусть же, приехавши к родным своим, он уже не едет более в Киев! Кто живет в Городне?”

“Я, — отвечал Давид, — держу там корчму, да мой свояк Яков служит у пана Дубовика, тамошнего сотника.

“Пусть же они примут на себя святой долг избавить своих единоверцев от опасного врага, — сказал цадик. — Велико утешение будет всему Израилю, когда услышится, что его нет более на свете”.

Приближался праздник Рождества Христова. Те студенты Киевской коллегии, которых родные жили недалеко от Киева, пользуясь поступившим свободным от учения временем, спешили проведать своих кровных, чтоб на досуге вместе с ними поесть колбас, послушать

колядок и самим, при возможности, пощеголять декламациею виршов и вертепных действий. Каждому хотелось приехать домой, по крайней мере, дня за три или за два до праздника, чтобы принять участие и в домашних приготовлениях к праздничному торжеству, которые в Малороссии заключают в себе что-то веселое. Отправился из Киева и Микола Сохно в свою родную Городню, где у него проживали постоянно казак отец с матерью, две сестры и меньший брат. Микола на перепутьи заехал к Вендюху, которого считал и называл своим протектором, пробыл у него в усадьбе целый день, а потом Вендюх отправил его на своих лошадях в Городню. Сохно приехал в родительский дом 23 декабря уже перед вечером. После первых выражений радости свидания и веселого домашнего, хотя и скромного, как надлежало во время поста, ужина родители отвели сыну отдельную избу и поместили его там с меньшим братом.

Утром на другой день меньший брат ушел из избы, домашние были заняты приготовлениями к празднику, а Микола, повидавшись с ними, сел один в избе и стал читать какую-то книгу, привезенную с собой. Вдруг к нему

кто-то постучался, и Микола удивился, когда к нему вошел иудей, городненский корчмарь Давид.

“Что тебе надобно, жид?” — спросил его отрывисто Микола.

“Был прежде жид, — сказал Давидка, — а теперь такой, что уж не хочет быть жидом!”

“Что ты хочешь сказать?” — с удивлением спросил его Микола.

“То, что хочу креститься” — сказал иудей.

“Бог тебя благословит на доброе дело, если истинно желаешь совершить его. Как же это пришла тебе такая благая мысль?” — спрашивал Сохно.

“Сам не знаю, — отвечал Давид. — Видно, благодать послана от Бога. Вот сижу себе и думаю, и вдруг как будто мне что-то ясно стало, что в нашем жидовском законе что-то неправильно; ждем мы пришествия Мессии напрасно! Мессия уже приходил: это был ваш Иисус Христос; как обещал Бог через пророков, так оно и совершилось; он есть царь неба и земли. От того верующие в него всю власть получили, а бедные глупые жидки, что не хотели одни из всех народов признать его, терпят наказание от Бога и у всех пребывают в прене-

брежении и унижении; прежде были первый народ на земле, а теперь стали самый последний. Я брал читать ваш “Новый Завет”, чтобы познакомиться с законом христианским, да многого не понимаю. Я прихожу к твоей милости: окажи мне помощь и содействие. Хочу поговорить с тобою!”

Молодой студент с живостью, свойственною его пылкому характеру, принял близко к сердцу слова иудея и пришел в восторг. Он с увлечением начал излагать основные начала христианского вероучения, стараясь свидетельствами “Ветхого Завета” доказывать иудею, что Христос есть именно тот обетованный Мессия, которого предвозвестили пророки. Иудей слушал его, по-видимому, с напряженным вниманием и с чувством, которое выражалось по временам вздохами. Затем иудей стал делать некоторые вопросы, касавшиеся обрядовой стороны религии. Миколу не приходило в голову, что иудей говорит неискренно, хотя другой, более Миколы опытный, заметил бы это, так как иудей, начавши с заявления желания уразуметь “Новый Завет”, сошел вдруг не второстепенные предметы, например: сколько постов установлено в православной церкви и как их соблю-

дать, какие праздники надобно особенно почитать, что значит освящение воды на Иордани? Опытного остановило бы то, что это все вопросы, которые всякому иноверцу могли придти в голову из простого любопытства, как неизвестные приемы в чужой для него религии, и не показывали еще желанья узнать сущность вероучения, чтобы самому усвоить его. Микола простодушно удовлетворил иудея ответами, а Давидко сказал, что готов креститься хоть тотчас, только вот жена его немного колеблется. Иудей просил Миколу идти с ним и убеждать жену и детей не противиться горячему желанию хозяина и вместе с ним принять крещение. Не долго размышляя, Микола увлекся представлявшейся ему апостольскою деятельностью и согласился. Домашние, в другой избе занятые хлопотами по хозяйству, не видали проходившего к Миколу жида, и он, не сказавши ничего родителям, вышел с ним из дома, надеясь скоро воротиться. Микола уже не возвратился.

Сначала родители, заметив, что сына нет дома, думали, что он отправился к обедне, и, устроивши домашние свои хлопоты, сами пошли в церковь. Сына своего они там не ви-

дали. Окончилась вечерняя обедня. Уже смеркалось. Собралась вся семья на кутью. Микола не приходил. Отец был недоволен, ворчал и грозил дать ему нагоняя за то, что он невесть куда запропастился из дома в такой торжественный день. Вот уже наступила ночь. Никто не мог уснуть, беспрестанно прислушивались к каждому шороху вне дома, ожидая возвращения Миколы. Но его не было. Дочери в беспокойстве бросились по соседям спрашивать о брате. Никто его не видал, ни к кому не заходил он. Мать стала плакать и вопить, да и у самого отца негодование уступило место страху. Так проходила эта беспокойная зловещая ночь. Зазвонили к заутреней. Все пошли в церковь. Миколы там не было. Спрашивали священника, не видел ли он его; спрашивали церковнослужителей; никто не сообщил о нем чаемого известия. Началась литургия. И ее отстояла семья Сохны с тревогою, Микола не показывался. Воротились домой. Сели по обычаю разговляться, но вместо того, чтоб есть и пить — все плакали. “Праздника люди дождались, — сказал отец, — а мы — великого горя! Микола пропал!” “Его нет более в живых, мой Микола

пропал!” — кричала мать и, как безумная, металась из угла в угол.

Быстро разнеслась по Городне весть об исчезновении неизвестно куда киевского студента, приехавшего к родителям на праздники. На второй день праздника является к Сохнам посполитый обыватель Лаврин Хорогвиненко и объявляет, что в навечерье праздника он случайно видел, как Микола Сохно шел вместе с жидом Давидком в корчму последнего.

“Я, — говорил Хорогвиненко, — ходил в шинковый дом купить вина к празднику. Выходя из корчмы с вином, я на пороге корчмы повстречался с Сохном, когда он вместе с корчмарем туда входил. Мы поздоровались, а Микола, указавши на жида, сказал, что этот почтенный израильтянин хочет к Христу обратиться. А жид Давидко махнул рукою и проговорил: “Это еще не решенное дело”. Я ушел с вином к себе домой, а их в корчме оставил. С той поры я Миколы Сохна не видел.

Свидетельство Хорогвиненка в данную минуту было очень важно. След пропавшего без вести начал отыскиваться. Родители пошли к городненскому сотнику Дубовику и просили, на

основании сведения, доставленного Хорогвиненком, сделать допрос жида Давиду.

Сотник немедленно приказал позвать корчмаря. Он прежде того находился с ним в хороших отношениях и называл добрым человеком, а потому принял его ласково и спрашивал, знает ли он киевского студента Миколу Сохна и не видал ли его после его приезда к родителям к празднику. Жид отвечал, что он Сохна не знает и никогда его в глаза не видывал. Дубовик, не сказавши жида ни слова, приказал позвать Хорогвиненка. Последний стал уличать жида, что накануне праздника он ходил к нему в корчму вместе с ее хозяином. Давидка, увидев Хорогвиненка, сначала смутился и побледнел, но скоро оправился и сказал, что не видал ни того, ни другого, а потом подался и говорит Дубовику: “Вельможный пан, ко мне в этот день пред праздником много народа приходило. Может быть и он приходил, я его хорошо не заметил”.

“Странное дело! — сказал Хорогвиненко. — Как это меня ты мог не узнать! Ведь мы очень давно один другого знаем. Мы с тобой соседи. Наши дворы заборами сошлись. И Сохна ты знаешь, когда с ним рядышком шел в корчму, а Сохно при тебе

сказал мне, что ты хочешь креститься, ты же махнул рукою и приговорил: это дело еще не решенное. Это делалось всего только позавчера.

“Ничего такого не было! — говорил Давидко. — Этот мужик просто выдумал. Я никакого Сохна не видел и в лицо не знаю!”

“Ну, это уже чересчур — сказал сотник — С чего-таки этому человеку на тебя выдумывать? Я понимаю: ты Давидка, человек хороший, ни в чем судом не обвинялся. Но ты просто трус, как вся ваша братия жида. Ты боишься, сам не зная, чего. А это напрасно. Ну, что из того, если к тебе приходил этот Сохно? Мало ли кто к тебе приходит? У тебя корчма. Вход никому не закрыт”.

Это ободрило Давидка. Помявшись еще немного, он сказал, что хорошо не помнит, может быть, и этот Сохно приходил. Много народа входило и приходило. Те пили, другие покупали вино и с собой уносили. Кажется, точно, с этим Хорогвиненком входил какой-то молодой, но Сохно ли он, или иначе прозывается, он, Давид, не знает.

Хорогвиненко еще раз заявлял, что ни с кем не приходил, напротив, он встретил в дверях

корчмы Сохна, шедшего туда вместе с корчмарем.

“Вот, — сказал сотник, — говорят про тебя, что ты обещал Сохну креститься, и это про тебя Сохно Хорогвиненку сказал. Что ты на это скажешь?”

“Неправда, — отвечал Давидко, — у меня и на ум это никогда не приходило”.

“Говорят, ты ходил к Сохну в тот день, и родители Сохна сказывали, что приходил к их сыну какой-то жид, но они его не видали?” — продолжал сотник.

“Не ходил я к Сохну, — сказал Давидко, — может быть, какой-то там жид и ходил, да не я!”

“Эх, Давидко, Давидко! — говорил сотник. — Сам на себя ты наводишь подозрение, я уверен, что напрасное. А все из своей трусости, боишься правду сказать”.

“Вельможный пан сотник! — произнес немного помолчавши Давидко. — Прости меня глупого. Я точно испужался. Правду я скажу. Был у меня молодой человек: Сохно ли он или другой кто — не знаю. Он приходил вместе с ним, купили вина и вместе ушли, выпивши по чарке”.

“Ни я, ни Сохно у тебя чарки не пили, — сказал Хорогвиненко, — купил вино у тебя я,

а ты пришел вместе с Сохном откуда-то и остался с ним в корчме”.

“Вот таки ты, Давидко, начинаешь подаваться. Подайся же до конца! — говорил сотник. — Лучше будет и для нас, и для тебя самого. Видно из всего, что Хорогвинено говорит правду, а ты от страха путаешься. Ты сам пришел с Сохном в свою корчму, а не с Хорогвиненком. Сохно приходил, как ты показываешь. Сознайся-ка. Скажи откровенно куда ты ходил с Сохном, или где его встретил? Говори правду. Ничего не бойся”.

“Я, — твердил Давидко — с Сохном никуда не ходил и не знал его. А что, быть может, он у меня в корчме был, так у меня много людей перебивало в тот этот день. Всех не узнаешь!”

“Так ты с Сохном никуда не ходил и с ним в корчму не входил? — спрашивал сотник. — Это твое последнее слово?”

“Да, вельможный пан!” — сказал жид.

“Ну, смотри же, — сказал сотник, — если что-нибудь откроется, как бы ты не запутался через свое упрямство”.

Жида отпустили. Родители Сохна были этим недовольны, но сотник сказал им: “Я по

праву не мог задержать его. Сами слышали, как он запирался. Никаких улик против него не имеется”.

После нового года наступила продолжительная оттепель. В течение трех недель она дошла до того, что походила уже на весеннюю распутицу. Двор Хорогвиненка прилегал ко двору корчмаря. За садом у него было гумно, а за ним ограда, за которою начиналась ограда корчмаря. Между двумя оградами было пустое место шириною сажня в два, и там навале-на была большая куча перепрелой соломы, выброшенной из гумна Хорогвиненка. Однажды Хорогвиненко обходил свое гумно и, приблизившись к ограде, за которою лежала солома, почуял трупный запах; он перелез через высокую ограду и, пригнувшись к соломе, удостоверился, что запах исходит оттуда. Хорогвиненко пригласил в свидетели двух соседей и при них стал разрывать солому. Наткнулись на человеческий труп, который начал уже разлагаться. Тем не менее на нем можно было заметить следы порезов, а на руках были веревки, которыми труп, как видно, был к чему-то привязан.

“Это Сохно! — сказал Хорогвиненко. — Тот самый, что на кутью пропал не весть куда. Это он!”

Тотчас дали знать сотнику. Дубовик приказал принести труп в сотенный двор и поместил в пустую холодную клеть (хижу). Одного из служителей послал он за родителями Сохна, а сотенному хорунжему Ничипоренку поручил с понятыми произвести обыск во дворе жида-корчмаря и самого корчмаря доставить в сотенную избу. Ничипоренко во дворе корчмаря в пустой клетке нашел висящие на перекладине остатки веревки, и, когда приложили их к тем веревкам, которые находились на руках трупа, оказалось, что они были отрезками одни от других.

В то время, когда в холодной хижке, где положен был труп, посреди набившегося туда народа родители разливались в слезах и воплях, в сотенной избе Дубовик делал допрос Давидки.

“Ну, жид, — говорил сотник, — что теперь ты скажешь? Тут уже не подозрение, а прямые улики. Это твое дело с Сохном”.

“Отчего мое? — крикливым голосом заговорил жид. — Я тут при чем? Мало кто ко мне в корчму ходил вино пить и покупать! За

всех разве я отвечать должен, если какой где пропадет! Что? Разве он у меня во дворе найден? Пусть ответит тот, у кого в соломе нашли его”.

“Отчего же, — говорил сотник, — так случилось, что веревки, висевшие на перекладинах в твоей клети, оказались отрезками тех, что найдены у трупа на руках?”

“Не знаю, — говорил жид, — почему те же? Веревка всякая похожа на другую веревку”.

“А что вешал на перекладине в своей клети под овином?! — допрашивался сотник.

“Это уже давно было, милостивый пан, — отвечал иудей, — когда-то резали барана, так там висела туша. Так и оставались с той поры отрезки веревок”.

“Это ты врешь! — сказал сотник. — Отрезок, висевший у тебя в клети, ясно показывает, что он от той самой веревки, что была на руках у мертвеца. Это твое дело! Сознавайся! Не то я тебя прикажу заковать, а потом велю вести на “тортуры”, чтоб добыть от тебя правду”.

“За что так, вельможный, милостивый пан? — говорил жид. — Разве только за то, что я бедный жид и нас, горемык, всем обижать можно? Где же тут правила? У кого нашли мертвое

тело, того и ведите в тортуры и допытывайтесь, а не меня, я к этому делу ничем не приличен, мое дело совсем сторона”.

“Ты, — говорил сотник, — с покойником входил откуда-то в свою корчму и не хотел в том сознаться, когда тебя в том уличили, а теперь у тебя в хижке нашли отрезок той самой веревки, которою был привязан мертвец. Это прямые улики. И когда ты запираешься, по праву тебя следует вести в тортуры и допытываться правды муками”.

Сколько ни кричал жид, его заковали, и потом сотник еще раз предложил ему сознаться без мук добровольно, а жид твердил одно и то же: “Допытывайтесь правды у того, в чьей соломе нашли мертвое тело, а я тут ни при чем”. Его повели к пытке, в другую комнату, приспособленную к таким целям.

Едва жид увидал дыбу, кнуты и железо, положенное на горячие уголья, как упал на колени и закричал, что без мук всю правду объявит. Его не стали пытать и привели снова в сотенную избу.

“Я пропал! — кричал жид. — Пропал навеки! Пропащий я теперь человек! Сознаюсь во всем: мы убили Сохна — я вместе с Хорогвиненком”.

“Ты брешешь, как пес”, — воскликнул Хорогвиненко.

“Молчи!” — грозно крикнул на Хорогвиненка сотник и приказал надеть на него цепь. Потом, обратившись к жиду, он сказал: “По праву следует тебя вести в пытку, чтоб ты на тортурах подтвердил то, что сказал”.

Напрасно жид кричал в совершенном умоисступлении. Его быстро потащили в пыточную, подняли на дыбу, но едва дали один удар, как он закричал, что сказал неправду. Его стащили и привели в сотенную избу.

Скрежеща зубами и трепеща всем телом, жид, прерывая речь всхлипываниями, сказал: “Я напрасно показал на Хорогвиненка. Я сделал так из злобы за то, что Хорогвиненко донес на меня”.

“Снимите цепь с Хорогвиненка, — проговорил сотник и, обратившись снова к жиду, говорил: — Кто был с тобою, когда ты мучил Сохна?”

“Мой свояк Яков”, — проговорил Давидко.

“Тот, что у меня служит?” — спросил сотник.

“Тот самый, — отвечал Давидко. — Более никого не было”.

“Мы вас не станем более допрашивать и мучить. Убийство найдено, один убийца сознал-

ся. Препроводим его вместе с его товарищем и Хорогвиненком в Чернигов. Пусть там полковые власти их судят. А ты, писарь, напиши от меня донесение”, — сказал сотник.

Писарь написал донесение черниговскому полковнику Ефриму Лизогубу: в этом донесении было выражено, что “сотни городницкой один жид, по имени Давидко, прибравши в товарищи другого жида, свояка своего Якова, ночью, в навечерие праздника Рождества Христова, одного христианина Миколу Сохна из шинкового дома запровадили на особое место и там оного безбожно замучили, и резали его, и кровь точили. И хотя жид Давидко обвинил в участии с ним еще одного христианина, но на первой пытке его оправдал”. Вместе с рапортом посылалось подробное описание признаков убийства, найденных на трупе Сохна.

Тело убитого было отдано родителям на погребение, которое и совершилось обычным порядком.

В городе Чернигове на ратуше, по приказу черниговского полковника Ефрима Лизогуба, заседали: полковный судья Затиркевич, в ка-

честве его товарищей или подсудков Ялинский и Свободецкий, черниговский войт Иосиф Евлевич, бурмистр годовой Федор Якимович. Судья провозгласил, что будет разбираться “дело по донесению сотника городненского Дубовика о мучении Сохны, жителя городненского, от жидов учиненном”.

“Говори, подсудимый, да только всю правду говори, — сказал судья введенному на суд Давидку-корчмарю, — иначе знай, что если правды не скажешь добровольно, то поведут тебя на тортуры”.

Жид Давидко объявил, что в селе “Жуковцах, в корчме сотника девицкого Вендюха, у жида-орендаря Шмуїла собирались жидаы на свой жидовский праздник Трубки, и пришел к ним христианин Микола Сохно и стал ругать и поносить всех жидов, и жидаы, которых там было более сорока человек, все озлобились и по отъезде того христианина Сохна, жителя городненского, приговорили его убить за то, что он жидов и их жидовскую веру поносил. И он, Давидко, со свояком своим Яковом, живучи в Городне, поднялись на это дело”.

“Неправда, — сказал судья. — Ты не сказал настоящей причины. Вам, жидам, потребно

было крови христианской. Вы обвыкли красть христианских детей и мучить их, кровь из них выточивать для употребления в свои жидовские мацы. В вашем проклятом законе так постановлено, только вы сохраняете это от нас втайне, и никто из вас не должен того открывать, если б даже стали резать и жечь. Нам же теперь именно о том властно идет, чтоб вас в том обличить, да не то, что тебя или другую такую, как ты, шельму, а все ваше жидовство, дабы допытаться до вашей тайной науки и ее всему миру объяснить и искоренить навсегда, хоть бы и со всею вашею богопротивною злодейскою жидовскою породою. Теперь вот ты ведомый преступник, и в преступстве своем сознаешься, а причины преступления своего добровольно ни за что не откроешь. Так мы намерены тебя заставить поведать нам всю правду. Мы тебя так припарим, что ты у нас заговоришь и скажешь нам так, как мы захотим. Говори, собачий сын, ты замучил христианина затем, чтоб из него крови христианской наточить. Сознавайся!”

Жид трясся всем телом, не удержался на ногах и, повалившись ничком, вопил в отчаянии: “Пропал я! Пропал я! Милостивые пань!”

Я виноват, казните меня, вершите меня, только не мучьте меня!”

“Говори, проклятый! — закричал судья. — Говори то, о чем тебя спрашивают. Добром говори, коли не хочешь отведать нашей припарки”.

“Ах вей мир! Вей мир! — вопил жид. — Я ничего такого не знаю. Далибуг не знаю! Чтобы мне сейчас провалиться сквозь землю, если я знаю что-нибудь об этой крови, что вы спрашиваете”.

Казачи потащили жида, который продолжал кричать и падал на землю... Пыточная здесь, как и в сотенном доме в Городне, была рядом с судовою избою, где производился суд. С преступником пошли туда Ялинский и Свободецкий. Сняли с Давидка одежду и стали водить по спине раскаленным железом. Его пронзительные крики разносились в судейской комнате и слышны были во дворе. Между тем в судейской комнате происходило такое совещание.

Войт сказал: “Городненский обыватель Хорогвиненко объявил, что покойный Сохно, встретившись с ним в день своего плача достойной смерти, говорил, что этот жид приходил к нему, Сохну, и заявил желание креститься. Мне кажется, теперь бы этому жиду сказать, что если

он креститься и откроет всю их жидовскую тайну, то ему будет помилование: он трус, на все согласится и изложит подробно на письме все, что по их закону делается”.

“Бесполезно, — сказал судья, — жида изведут его, как изменника им, и будут твердить, что он от трусости крестился и клеветает, чтоб нам угодить”.

В эту минуту вошли бывшие при пытке и объявили, что преступник согласен показать, как велят.

Ввели истерзанного, обожженного жида. Он от боли не мог пошевелиться. Его поддерживали.

Судья ласковым голосом сказал ему: “Присядь, Давид, и переведи дух, а потом поведай нам все, что знаешь. Говори смело. Не бойся!”

Жид попросил воды, ему подали. Он выпил и хотел было подняться, но закричал от боли и упал на скамью.

“Сиди, сиди! — сказал судья. — Не бойся! Говори сидя, только прошу тебя честью, говори правду, иначе уже не на нас пеняй, а на самого себя”.

Жид прерывистым голосом говорил такое показание: “Как собирались жида в селе Жу-

ковцах в корчме сотника девицкого, у корчмаря Шмуля, на свой праздник Трубки, и было нас там человек сорок, и стали все просить меня достать крови христианской на праздник жидовский Пейсах, на которое дело поднялся я со свояком своим Яковом. И как воротились мы с Яковом в Городню и через несколько недель, в навечерие христианского рождественского праздника, пришел ко мне в корчму Хорогвиненко с Сохном и купил вина, а как пошли домой, я догнал Сохна, взял его и повел на гумно, и тотчас свояк мой Яков, бывший на то время у меня в поварне, пришел, и мы с ним Сохна связали и у сохи за руки и за шею повесили на перекладине, и, привязав к сохе, язык у него мотузком вытянули и отрезали, потом уши посрезали и в платок завертели, а на ноге, в том месте, где мякиш, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платком обтер, а его умучив, с перекладины снял и, на овин тело встянув, со свояком своим Яковом в солому схоронил; которое двумя днями оттуда вывез ночью перед светом за гумно христианина Лаврентия Хорогвиненка. А что перво на него, Хорогвиненка, я говорил, будто он мне к тому мучению был доточен, против того ныне его совершенно ос-

вобождаю, он не знал о том, а я для того Хорогвиненка был опорочил, что он в корчме был, когда Сохно приходил. И с тех составов куски ушей посрезанных я седневскому жиду Шмулю отослал, а тупичевскому жиду Юдце отвез язык и в Седневе на торгу подле воза с ним снявся дал”.

“А платок с кровью куда дел?” — спрашивали судьи.

Жид отвечал, что отослал в Жуковцы жиду Шмулю для раздачи жидам по кусочкам.

Допросили жида Якова. Он сказал: “Заехал было я в Жуковку, где многие жиды на свой праздник собрались, и как туда и свояк мой Давидко из Городни приехал, и учил меня наговаривать, чтоб я на жилье в Городню ехал, обещая мне место там возле себя в Городне сыскать. А как пришел я в Городню на жилье, нашел мне свояк Давид место у господина Дубовика. А что Давид-сваяк на меня говорил, будто я был доточен до мучения христианина, и о том он лжет и клеветет напрасно”.

В донесении об этот деле гетмана Мазепы царю говорится, что после этого показания жида Якова велено было “с суда голову и бороду обрить”, а потом, позвавши его в судовую избу,

допрашивали ласково без пытки. Вероятно, ему обрили голову и бороду с намерением делать какую-нибудь пытку, но потом заметивши, что и без пытки можно допроситься от него правды, приостановились.

Жид Яков еще некоторое время путался и запирался, наконец сказал: “Что Давид в своих речах говорил, и то мучение так велось. Я же с поварни как пришел, застал уже Сохна неживого. При мне Давид у Сохна отрезал часть языка и у одной ноги, кожу разрезав, вытянул жилу. А христианин Хорогвиненко с нами в том деле не был”.

Обоих преступников отвели в тюрьму скованными. По оговору Давида потребовали седневского жида Шмуля и тупичевского Юдку. Но те были не из того трусливого десятка, как жид Давидко. Они во всем заперлись; их подвергли жестоким пыткам; два раза палач водил им по спинам раскаленным железом, но от этих жидов не могли добиться никакого сознания.

Хотя в те времена не существовало ни электрических телеграфов, ни телефонов, но весть о том, что жида замучили в Городне христианина с целью добыть из него христианской крови, распространилась с непонятною быстротою.

Даже подробности суда над двумя обвиненными стали повсеместно известны.

Не происходило нигде стачек и заговоров, а в селах черниговского полка поднялся народ, как один человек. Толпы бросались на жидовские дворы и оранды. Началось всеобщее жидотрепание. Несчастный Шмуль в Жуковцах попался жизнью со всем своим семейством. Его самого убили дубьем, как бешеную собаку, по выражению его убийц. Жену его и детей заперли в избе и зажгли избу со всех сторон, подобно тому побили до смерти нескольких других жидов в их орандах: эта жестокая судьба постигла тех, которых народ, зная их ненависть к христианству, считал способными принимать участие в убийствах христианина и вытачивании из него крови. Где только была иудейская синагога — народ превращал ее в груды развалин, извлекал свитки Торы и сжигал, предавая прежде всяческим поруганиям иудейскую святыню. В большей части оранды поступили, однако, с жидами милостивее: их ограбили до ниточки, забрали у них деньги и отдавали на церковь, истребляли их движимое имущество, выпустили из бочек их вино и черпали с земли, кто успел зачерпнуть и напиться, порвали и пометали в огонь жидов-

ские наряды, порубали в домах мебель и утварь, перебили посуду, в добавок самих поколотили и пустили чуть не нагишом на все четыре стороны. Изгнанники без оглядки бежали, стараясь добраться до Днепра и перебраться в польские владения. Но многим это не удалось, и они погибли от голода и стужи, в особенности такая участь постигла бедных израильских детей, но о них никто не жалел: у всякого в воображении были живы образы тех христианских детей, которых жида, по общей уверенности, страшно мучили, выгачивая из них кровь. Гетман, узнавши о волнении, издал универсал, в котором приказывал народу оставить самоуправство, обещая правом преследовать и карать тех, которые окажутся виновными. Но не столько этот универсал, сколько утомление, скоро наступившее после первых порывов, остановило народное волнение, хотя не угасило его вовсе, и оно при первом случае готово было возобновиться. На этот раз жидотрепание ограничилось Черниговским полком и только отчасти захватило поселения Киевского и Нежинского.

В числе жертв народной расправы были и главные деятели этой трагедии, с которых она и начиналась. Гетман, получив от черниговского

полковника донесение о суде над двумя жидами, обвиненными в убийстве христианина, приказал препроводить их к нему в Батурин, намеревая “держать их в крепком связанье”, чтоб как-нибудь добраться до полного открытия злодейской жидовской тайны. Но чуть только из Чернигова отправлены были арестанты, с конвоем казаков, разогнали их и, схвативши обоих преступников, растерзали их в клочки в буквальном смысле слова. Гетман, получивши об этом известие, произнес в кругу приближенных: “Темна вода во облацех! Темное дело было, темным и остается эта христианская кровь у жидов! А мне сдается, чуть ли не правое было первое показание жида, что убили они студента за то, что ругал их жидовскую веру и, может быть, еще грозил. А потом, как в Чернигове на суде его приперли, домогаясь, чтобы сознавался, что ради доставления христианской крови совершил убийство, он и стал им говорить, что тем угодно было. Если бы жида были живы, я бы, может, вывел дело на чистую воду, а теперь — кто их разберет!” Гетман сообщил обо всем царю, и Петр, как говорят, по этому поводу сказал: “Мудро поступали наши прародители, что не допускали в подвластный им край этих жидов. От них только

смута, понеже они нашу веру и наш народ ненавидят, а наш народ ненавидит род жидовский и его веру. Притом и в коммерции, и в промыслах они нашим людям делали бы помеху. Вреда от них немало, а полезности никакой нет! Лучше, когда их у нас нет; желательно, чтобы и вперед не было!”

Н. Костомаров

СКОТСКИЙ БУНТ

*Письмо малороссийского помещика
к своему петербургскому приятелю*

У нас происходили необыкновенные события, до того необыкновенные, что, если б я не видал их собственными глазами, то ни за что не поверил бы, услышавши о них от кого бы то ни было, или прочитав где-нибудь. События совершенно невероятные. Бунт, восстание, революция!

Вы подумаете, что это какое-то неповиновение подчиненных или подначальных против своих властей. Точно так. Это бунт не то что подчиненных, а подневольных, только не людей, а скотов и домашних животных. Мы привыкли считать всех животных существами бессловесными, а потому и неразумными. Под углом человеческого воззрения оно кажется логическим: не умеют говорить, как мы говорим между собой, стало быть, и не думают и ничего не понимают!

Но так ли это на самом деле? Мы не можем объяснить с ними и оттого считаем их неразумными и бессловесными, а на самом деле выходит, как пообсудим хорошенько, что мы сами не разумеем их языка. Ведь ученые доказывают, что название “немец” значит “немой”, и эта кличка дана славянами народам тевтонского племени оттого, что славяне не понимали речи этих народов. Точно то же произошло и здесь.

В последнее время наука начала открывать, что у животных, которых мы, по нашему легкомыслию, честим бессловесными и неразумными, есть свой способ передавать впечатления — свой собственный язык, не похожий на наш, человеческий. Об этом уже написано было много. Мы, живучи в хуторской глуши, не читаем таких сочинений, слышим только, что они есть где-то в Европе; зато у нас найдутся такие мудрецы, которые лучше европейских ученых ознакомились со способами, какими скоты выражают свои мысли.

И в нашем хуторе есть такой мудрец. Зовут его Омелько. Удивительный, я вам скажу, человек! Никаких книг он не читал, да и грамоте не учился, а знает в совершенстве языки

и наречия всех домашних животных: и волов, и лошадей, и овец, и свиней, и даже кур и гусей! И как он, подумаете, мог этому всему научиться, когда ни у вас, ни у нас, да и нигде нет ни грамматик, ни словарей скотских наречий!

Все постиг Омелько, благодаря своим необычным способностям, без всяких руководств, вооружаясь единственно продолжительною, упорною наблюдательностью над скотскими нравами и бытом.

Омелько находится при скотах от молодых ногтей, уже более сорока лет. Таких у нас в Малороссии не мало, но никто не достиг и четверти тех познаний, какими обладает Омелько. Он до того усвоил язык скотов, что стоит только волу замычать, овце заблеять, свинье захрюкать, — и Омелько сейчас вам скажет, что животное хочет выразить. Этот единственный в своем роде знаток скотской природы ни за что не соглашается с теми, которые допускают в скотах присутствие умственных способностей только в слабой степени в сравнении с человеческими. Омелько уверяет, что скоты показывают ума не меньше, как и человек, а иногда даже и больше. Сколько раз, бывало, замечал по этому поводу Омелько: “Поедешь

ночью, дорогу плохо знаешь и собьешься, ищешь-ищешь, не находишь; тогда коню своему дай волю, он сам лучше найдет дорогу и привезет тебя, куда нужно”.

И с волами такое бывает: пасут мальчишки волов, да заиграют или заспят, а волов растеряют; плачут потом, бедные, а волы — сами без пастухов домой прибредут. Один раз пономарь, приезжавший из нашего прихода, что за семь верст, стал рассказывать о Валаама и его ослалицу, которую для удобопонятливости переименовал в кобылу. Омелько, слушая его, сказал: “Нет ничего мудреного: значит, лошадиный язык понимал. Дело возможное. И мне бы, может быть, кобыла такое сказала”. Многое, очень многое сообщал нам Омелько из своих многолетних опытов обращения со скотами разных пород, объясняя странное событие, о котором мы сейчас расскажем.

Еще с весны 1879 года у меня в имении между скотами разных наименований начали показываться признаки сопротивления и непокорства, возник дух какого-то революционного движения, направленного против власти человеческой, освященной веками и преданиями.

По замечанию Омелька, первые симптомы такого направления появились у бугаев, которые везде с незапамятных времен отличались склонностью к своеволию, почему нередко человек принужден был прибегать к строгим, иногда жестоким, мерам для их обуздания. У нас в имени был такой бугай, что его боялись пускать со стадом в поле, держали постоянно в запертом загоне, а когда водили на водопой, то не иначе, как с цепями на ногах и с деревянным зонтиком, устроенным над глазами, для того, чтобы не дать ему ничего видеть на пути перед собой; иначе он был так свиреп, что на каждого встречного бросится и поднимет его на рога ни за что ни про что. Несколько раз думал-было его я убить его, но каждый раз спасал ему жизнь Омелько, уверяя, что этот бугай обладает такими великими достоинствами, присущими его бычачьей натуре, что потерю его не легко заменить будет другим бугаем.

По настоянию Омелька я решил оставить его в живых, но с тем, чтобы взяты были самые строгие меры предосторожности, чтобы этот буйан не наделал кому-нибудь непоправимой беды. Бывало, когда ведут его, то деревенские мальчишки, заслышавши еще издали его

страшный рев, разбегались в разные стороны, чтобы не попасться навстречу свирепому животному. Все мы думали, что только скотская прыть и тоска от нескончаемой неволи делали его таким свирепым, но Омелько, руководствуясь своим знанием скотских наречий, подметил, что рев нашего бугая выражал нечто поважное: агитацию к мятежу и неповиновению.

У бугаев, по соображениям Омелька, бывают такие качества, какие встречаются у некоторых особей из нашего брата-человека: у них какая-то постоянная неукротимая страсть волновать без всякой прямой цели, смута для смуты, мятеж для мятежа, драка для драки; спокойствие им приедается, от порядка их тошнит, им хочется, чтобы вокруг них все бурлило, все шумело; при этом их восхищает сознание тем, что все это наделано не кем другим, а ими. Таких существ можно найти, как мы сказали, между людьми; есть они и между скотами. Таким был и наш бугай, и от него-то, всескотного агитатора, пошло начало ужасного восстания, о котором идет речь. Стоя постоянно в своем загоне в грустном одиночестве, наш бугай ревел безперестанно и днем и ночью, и Омелько, великий знаток бычачьего языка, услышал в

этом реве такие проклятия всему роду человеческому, каких не выдумал бы сам Шекспир для своего Тимона Аоинского; корда же сходились в вечеру в загон с настоищ волы и коровы, бугай заводил вечерние беседы со своим рогатым братством, и тут-то удалось ему посетить между товарищами по породе первые Семена преступного вольнодумства. Омелько за свою долголетнюю службу возведен был в сан главноуправляющего всею скотскою областью, и в его ведомстве были уже не только волы и коровы, но и овцы, и козы, и лошади, и свиньи. Само собою разумеется, что, на высоте своего министерского достоинства, при многочисленных и разнообразных занятиях, ему невозможно было быть часто близким свидетелем таких возмутительных бесед и потому тотчас принял первоначальные предупредительные меры, — то была обязанность низших должностных лиц.

Но при глубоком знакомстве со скотскою речью и со скотскими нравами Омельку было достаточно раза два-три зайти в загон, где помещался рогатый скот, чтобы по некоторым подмеченным чертам впоследствии, когда произошел взрыв мятежа, тотчас узнать, откуда

истекал он в самом начале. К сожалению, замечу я, Омелько отличался чрезвычайной кротостью и мягкостью в системе управления и снисходительно относился к тому, против чего бы, как показали последствия, следовало тогда еще прибегнуть к самым крутым способам искоренения зла в самом зародыше. Не один раз до ушей Омелька, входившего на короткое время неожиданно в загон, долетали возмутительные выходки бугая, но Омелько смотрел на них, как на заблуждения молодости и неопытности. Речи же, произносимые бугаем на таких митингах, были в переводе на человеческий язык такого смысла:

— Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чем та, которую вы несете по воле неведомой судьбы, отдавши вас в рабство тирану-человеку! Долго, — так долго, — пьете вы ушат бедствий и допить его до дна не можете!

“Пользуясь превосходством своего ума перед нашим, коварный тиран поработил нас, малоумных, и довел до того, что мы потеряли достоинство живых существ и стали как бы немыслящими орудиями для удовлетворения его прихотей. Доят люди наших матерей и жен,

лишая молока наших малюток-телят, и чего-то ни выдělывают они из нашего коровьего молока! А ведь это молоко — наше достояние, а не человеческое! Пусть бы люди, вместо наших коров, своих баб доили, так нет: свое, видно, им не так хорошо, наше, коровье, вкуснее! Но это бы еще ничего. Мы, скоты, народ добросердечный, позволили бы себя доить, лишь бы чего хуже с нами не делали. Так нет же: посмотрите, куда деваются бедные телята. Положат бедняжек-малюток на воз, свяжут им ножки и везут! А куда их везут? На зарез везут беденьких малюток, оторванных от материнных сосцов! Алчному тирану понравилось их мясо, да еще как! За лучшее себе кушанье он его считает! А со взрослыми братьями нашими что тиран выдělывает? ”

“Вон, братия наша, благородные волы, неся на выях своих тяжелое ярмо, волочат плуг и роют им землю: наш тиран бросает в изрытую воловьим трудом землю зерна, из тех зерен вырастает трава, а из той травы умеет наш тиран сделать такую вот глыбу, словно бы земля, только белее, и называет это наш тиран хлебом и пожирает его затем, что оно очень вкусно.

А наш брат-рогач пусть отважится забраться за ниву, вспаханную прежде его же собственным трудом, чтоб отведать вкусной травки, сейчас гонят нашего брата оттуда бичом, а не то и дубиною. А ведь по правде, так наше достоинство — трава, что вырастает на той ниве, а не человека: ведь наша братия тащила плуг и землю взрывала; без того трава эта не выростала бы на ниве сама собою. Чья была работа — тот и пользуется тем, что вышло из той работы. Следовало бы так: нас в плуг запрягали нашим плугом вспахивали ниву, так нам и отдай траву, что на той ниве посеяна, а коли так, что и ему, человеку нужно взять себе за то зерно, что он бросал в изрытую землю, так уж по крайности так: половину отдай нам, а другую половину себе возьми. А он, жадный, все один себе забирает, нам же достаются от него одни побои. Но брат наш скот такой добросердечный народ, что и на то бы согласился. Так разве этим и кончается жестокость нашего тирана над взрослыми волами!

“Случалось ли вам, братцы, пасясь на поле, видеть, как на столбовой дороге гонят стадо нашего брата рогатого скота либо овец. Стадо такое жирное, веселое, играет! Подумаете:

сжалился тиран, раскаялся в своих злодеяниях над нашею породою. Откормил нашу братию и на волю пустил! Как бы не так! Глупое стадо играет и думает, что его и впрямь отпустили на волю, в широкую степь провожают. Узнает скоро оно, какая воля его ожидает! Тиран точно кормил его; все лето наш брат-скот гулял на степи в полном довольстве, и работою его не томили, но зачем это делалось? Отчего тиран стал к скотам так милостив? А вот зачем: спросите, куда это стадо гонять, и узнаете, что злодей-хозяин продал свое стадо другому злодею человеческой породы, а тот гонит его в больше людские загоны, что зовутся у них городами. Как только пригонят туда стадо, так и поведут бедных скотов на бойню, и там старым волам будет такая же участь, как молодым телятам, да еще мучительнее. Знаете ли, братцы, что такое эта бойня, куда их пригонят? Холод пройдет по нашим скотским жилам, как вообразишь, что там делается, на этой бойне, и не даром наш брат-скот жалобно мычит, когда приближается к городу, где находится бойня. Привяжут несчастного вола к столбу, злодей подойдет к нему с топором, да в лоб его промеж рогов как ударит, — вол от страха и

от боли заревет, поднимется на дыбы, а злодей его в другой раз ударит, да потом ножом по горлу; за первым волом второго, а там третьего; да так десяток, другой, целую сотню волов повалит; кровь бычачья льется потоками; потом начинают снимать с убитых шкуры, мясо рубят в куски и продают в своих лавках, а другие волы, которых также пригонят в город на смерть, идет мимо тех лавок и видит: висит мясо их товарищей, и чует их бычачье сердце, что скоро и с ними самими то же станется! Из наших шкур тиран приготовляет себе обувь, чтобы ноги свои проклятые охранять, делает из тех же наших шкур разного рода мешки, куда вещей своих наложит и на воз взвалит, а в такой воз нашу же рогатую братью запряжет, да еще из наших же шкур вырезывает узкие полосы, бичи, и нас же лупит теми бичами, нашею шкурою; а иногда и один другого теми бичами из нашей шкуры они бьют! Тираны бессердечные! Не с нами одними они поступают таким образом; и промеж себя не лучше они расправляются! Один другого порабощает, один другого грызет, мучит... злая эта людская порода! Злее ее на свете нет! Всех зверей злее человек! И такому-то лютому, кровожадному

зверю достались мы, скоты простодушные, в тяжелую и невыносимую неволю! Не горькая ли, после этого, участь наша!

“Но в самом ли деле нет нам выхода? В самом ли деле мы так слабы, что никогда и никак не можем освободиться из неволи? Разве у нас нет рогов? Мало разве бывало случаев, когда наши братья-рогачи, в порыве справедливого негодования, распарывали рогами животы нашим утеснителям? Разве не случалось, что, как наш рогатый брат заденет ногой человека, так сразу ему ногу или руку перешибет? Бессильны мы, что ли? Но ведь наш злодей запрягает нашего рогатого брата именно тогда, когда нужно бывает перевозить большую тяжесть, какой самому человеку не поднять.

“Стало быть, наш тиран сам хорошо знает, что у нас много силы, побольше, чем у него самого. Угнетатель смел с нами тогда только, когда не ждет от нас сопротивления, когда же увидит что наши ему не поддаются, то зовет других своих братьев-людей, и эти прибегают к коварству над нами. Иногда все бычачье стадо не захочет повиноваться скотарю, он его гонит вправо, а оно хочет идти влево: тут скотарь позовет других скотарей, и обступят наших те

скотари с одной стороны, а те с другой, а третьи спереди станут и пугают нашего брата и так поворачивают все стадо, куда хотят. Наши, по малоумию своему, того не смекнут, что, хоть и обступили их кругом скотари, а все-таки их менее чем нашего брата в стаде: не покорились бы да, рогами напирая на скотарей, пошли б, так и не сладили бы скотари со стадом, а то вот не смекнуть, что им надобно делать, и слушаются, и идут, куда их гонят, а сами только вздыхают, да и есть от чего вздыхать; нашему брату хотелось бы вкусной травки в роще покушать, да поиграть маленько по нашему нраву: рожками пободаться для забавы, об дерево потереться, а нас туда не пускают и гонят в такой выгон, где корм низкого спорышу нечего пощипать, либо же в скучный загон загоняют жевать солому. Все это оттого, что мы человеку послушны и боимся показать ему свое скотское достоинство. Перестанем повиноваться тирану, заявим ему не одним только мычанием, но дружным скаканием и боданием, что мы хотим, во что бы то ни стало, быть вольными скотами, а не трусливыми его рабами.

“О, братья-волы и сестры-коровы! Мы долго были юны, незрелы! Но теперь иная пришла

пора, иные наступили времена! Мы уже достаточно созрели, развились, поумнели! Пришел час сбросить с себя гнусное рабство и отомстить за всех предков наших, замученных работою, заморенных голодом и дурным кормом, павших под ударами бичей и под тягостью извоза, умерщвленных на бойнях и растерзанных на куски нашими мучителями. Ополчимся дружно и единорожно.

“Не мы одни, рогатый скот, пойдем на человека: с нами за одно грянут на него и лошади, и козы, и овцы, и свиньи... Вся тварь домашняя, которую человек поработил, восстанет за свою свободу против общего тирана. Прекратим же все наши междоусобия, все несогласия, подающие к междоусобиям поводы, и будем каждую минуту помнить, что у всех нас один общий враг и утеснитель.

“Добьемся равенства, вольности и независимости, возвратим себе ниспроверженное и попранное достоинство живых скотов, вернем те счастливые времена, когда скоты были еще свободны, не подпадали под жестокую власть человека. Пусть станет все так, как было в иное блаженное, давнее время: снова все поля, луга, пастбища, рощи и нивы — все будет наше, везде

будем иметь право пастись, брыкать, бодаться, играть... Заживем в полной свободе и в совершенном довольстве. Да здравствует скотство! Да погибнет человечество!”

Эта возмутительная речь бугая возымела свое действие. После того в продолжении целого лета рогатые скоты разносили революционные идеи по загонам, пастбищам, выгонам, начались подъясенные, подзаборные, поддубравные совещания, толковали все о том, как из чего открыть бунт против человека. Многие были такого убеждения, что нет ничего проще, как действовать по одиночке, колоть рогами то того, то другого скотаря, пока всех переведут, те же, которые были поотважнее, представляли, что лучше сразу уничтожить того, кто все скотарям дает приказания, — самого господина заколоть. Но те из волов, которые хаживали под чумацкими обозами по дорогам и имели возможность расширить горизонт своего мировоззрения, подавали такую мысль: “Что из того, если мы заколем тирана? Его не станет, другой на его место отыщется. Если уже предпринимать великое дело освобождения скотства, то надобно делать прочно, совершить коренное преобразование скотского общества, выработать нашим

скотским умом такие основы, на которых бы навсегда утвердилось его благосостояние. Да и можем ли мы, рогатые скоты, одни все устраивать для всех! Нет! Нет! Это дело не наше исключительное, но разом и других скотских пород, находящихся у человека в порабощении. И лошади, и козы, и овцы, и свиньи, и, пожалуй, еще и вся домашняя птица, все должны подняться на общего тирана и, низвергнувши с себя гнусное рабство, на общем всескотном собрании устроить новый вольный союз.”

Такие бычачьи предназначения перешли к лошадям, которые, составляя табун паслись на одном поле с рогатым скотом. И в их ржущее общество проник дух мятежа. По сведениям, сообщенным Омельком, лошадиный язык совершенно отличен от бычачьего, но совместное жительство установило точки сближения двух пород. Между лошадьми распространялось знание языка бычачьего, а между волами — лошадиного. Что в бычачьей породе значит бугай, то между лошадьми во всех отношениях значили жеребцы.

Жеребцы были народ буйный, задорный, наклонный ко всякого роды своевольствам, самою породою, можно сказать, предназначенный

к роли агитаторской. В моем имении в конском табуне был рыжий жеребец, большой забияка. Бывало, когда его ведут, то не иначе, как спутают ему ноги, и двое табунщиков держат его за поводья. Попытались его один раз запрячь в оглобли и погнать по дороге с телегой, но он тотчас самовольно свернул в сторону, вскочил передними ногами на первую попавшуюся ему на глаза хату и заржал во всю глотку. Другой раз приехали ко мне гости; я приказал привести его на показ с другими красивыми лошадьми; он двух меринов ни с того ни с сего покусал, третьего копытами задел, а когда мерины стали давать ему сдачи, то поднялся такой кавардак, что я приказал поскорее разнять их и угнать прочь.

Такой проказник! Но, как не бивал он в игрушках свою братию, а между лошадьми пользовался уважением, и все были готовы слушаться его во всем. В правах лошадиной породы драчливость не считается пороком, напротив, дает право на уважение и внимание: ни дать, ни взять, как бывало когда-то у варягов. Вот этот-то рыжий агитатор стал возмущать лошадей против человеческого господства:

Еврейская ферма безъ слугъ христіанъ

Допущено Цензурою. Киевъ, 11 Февраля 1885 г.

Ицхо: Когда я былъ бѣдный жидокъ, то занимался всѣмъ, что приноситъ деньги и водку съ водою мужикамъ продавалъ, и контрбандой торговалъ, и трефными деньгами—ну, было трошки и того, альбо можно безъ того составить миллионы! А теперь, какъ я сдѣлался богатымъ, хочу быть честнымъ, совсѣмъ таки честнымъ человекомъ, хочу быть паномъ, помѣщикомъ. А чтобы легче сдѣлаться честнымъ, возьму къ себѣ всѣхъ слугъ жидовъ, а не говевъ, (бо настоящій жидъ не можетъ не обмануть гою), они приучатся, и мое хозяйство пойдетъ прекрасно. Только бѣда, что мужицкая скотина не привыкла къ деликатному жидовскому обращенію съ ней; но чтоже дѣлать? назначеніе евреевъ цивилизовать не только грубый народъ, но даже и скотину.

Янкель (у окошка): Ой, вей! Корова разлила молоко, быкъ опрокинулъ Гершеню, утка подавится просомъ! Не жидовское дѣло—простая работа, проще и выгоднѣе шинковать водкой.

Вовк линяє, а натури не міняє.

— Довольно от человеческого тиранства! — вопил он. — Двуногий злодей поработил нас, от века вольных четвероногих тварей, и держит наши поколения за поколениями в ужаснейшей неволе! Чего ни делает он с нами! Как ни надругается над нами! Седлает нас, ездит на наших спинах верхом, предаёт нас на погибель своим врагам! Знаете ли, что называется у людей кавалерией? Те кони, что взяты были в их кавалерию, рассказывают ужасы о том, что там творится с нашим братом! Дыбом гривы становятся, когда слушаешь их рассказы!

“Усядутся на нашего брата верхом люди и несутся они на других, хотят убивать друг друга, да нас убивают. Не жалко нам их беспощадному, суровому сердцу! Сколько тут проливается благородной конской крови! Какие ужасающие зрелища открываются тогда! Иной несчастный конь, потерявши одну ногу, скачет вслед за другими на трех ногах, истекая кровью, пока не упадет без чувств; другой, потеряв разом две ноги, ползает, напрасно силясь стать на остальные две; третий пробит в грудь, валяется и желает себе смерти, у четвертого глаза выбиты, у пятого голова разрублена... Грудами навалены конские трупы вместе с человеческими!

“И за что это? Мы, бедные, разве знаем, за что так они дерутся между собой? Их это дело, а не наше. Коли не поладили между собою, ну и дрались бы, грызлись между собою, резали бы друг друга. Ведь, когда мы между собой поспоримся, сами грыземся, кусаемся, брыкаемся, а их не зовем, не путаем в наши ссоры! Зачем же они, перессорившись между собой, гонят нас на лютую смерть?”

“Не спрашивают они коней: хотят ли они идти с ними на войну, а оседлают, посадят на них и едут воевать; о том не подумают, что, быть может, нашему брату вовсе нет никакой охоты умирать, не знаячи за что умирать. Да и без войны, мало ли как утесняет нас человек, как ругается над нами! Накладет в свои повозки или в сани всякой тяжести, запряжет нашего брата и заставляет тащить, а сам, погоняя, лупить его немилосердно бичами и по спине, и по голове, и по чему попало, без малейшей жалости, пока до смерти забьет: случается, бедная лошадь тут и дух испустит; а иные от непомерной тягости надорвутся, ноги себе изломают, бессердечный тиран покинет их издыхать, а сам других коней запряжет на ту же муку. Ах, братцы! Жесток человек, но и лукав: не

обольщайтесь его коварству. Прикидывается человек, будто любит нас, расхваливает нас перед другими людьми. Не верьте ему. Не прельщайтесь и те, что он будто заботится о приращении нашей породы, собирает табун кобыл, припускает к ним жеребцов... Для себя он это делает, а не для нас: хочет, чтобы наша порода плодила и доставляла ему невольников. Одних из нас он оставляет для приплода, зато других, и в гораздо большем числе, варварски уродует, лишает возможности оставлять потомство и осуждает на вечный невольный труд и всякого рода муки. Деспот развращает нашу благородную породу, хочет, чтоб и между нами был такой общественный строй, как между людьми, что одни блаженствуют, а другие страдают.

“Одних из нашего брата он досыта кормит овсом и сеном; их работой не томят, если и запрягут или оседлают, то на короткое время, жалеют их и на отдых посылают; Стоят себе в конюшнях да овсец кушают вволю, а как выпустят их погулять, то играют, скачут, веселятся, иные же и в стойло не ставятся; гуляют себе в полной свободе в раздолье, зато другие, всегда впроголодь, изнемогают от беспрестанной гонитьбы и тягостной возки, никакой

награды себе не ожидая за труды свои, кроме ударов бичами!

“Братцы! Разве у вас нет копыт и зубов? Разве не умеете брыкаться и кусаться? Или бессильны вы стали? Но посмотрите: как часто тиран больно платится за свою наглость, когда нападает на такого ретивого коня, который, в порыве сознания своего конского благородства, вырвется так, что четверо злодеев не могут удержать его, а коли хвастливый и дерзкий деспот отважится вскочит ему на спину, он сбросит его под себя, да еще иногда и ногами притопчет, так что наглец после того несколько дней лежит больным!

“Деспот считает нас до того глупыми и рабски покорными, что не боится сам давать нашему брату оружие против себя. Вздумал же он всколачивать гвозди нам в копыта! Подкованные лошади! Обратите на тирана его же данные вам оружие: поражайте его подковами! А вы, неподкованные, докажите ему, что и без подков копыта ваши настолько крепки и увесисты, что вы можете ими показать свое превосходство перед человеком! И подкованные и неподкованные, дружно и единокопытно восстаньте на лютого врага.

“Кроме копыт, пустите в дело и ваши зубы. Ими также можете причинить немало вреда нашему поработителю! Идемте добывать себе свободы! будет вам вечная слава от всех грядущих лошадиных поколений на многие века. Да не только то лошадиного рода, а и от прочих скотов будет вам слава: все пойдут разом с нами! Весь посеянный человеком овес будет наш на корню, со всею травую. Никто не посмеет нас выгонять оттуда, как прежде делалось. Не станут уже нас более ни запрягать, ни седлать, ни подгонять бичами. Вольность! Вольность! В бой, братцы! За общую свободу всех скотов, за честь лошадиного племени”.

От таких речей раздалось буйное ржание, мятежные взвизги громopodobный топот, метание ног на воздух и обычные звуки, сопровождающие конскую удаль.

“На человека! На человека! На лютого тирана! Лягать его! Бить его! Кусать его!”

Такие возгласы слышались их табуна тому, кто был в состоянии понимать конский язык. Рогатый скот с восторгом увидал, что восстание, вспыхнувшее сначала в его среде, перешло уже к лошадиной породе. Волы и коровы отважно забодали рогами и все воинственно

замычали. И рогатые и копытные двумя ополчениями двинулись по направлению к усадьбе.

Вправо от табуна, на другом взгорье, отделяемом врагом от того, на котором паслись лошади, бродили козы и овцы. Увидя смятение в стаде рогатого скота и в табуне, и те заволновались, и всем своим стали порываться к волам и лошадям. Но им приходилось перепрыгивать через овраг, который был не широк, или обходить его. Козлы считали себя как бы самой природой предназначенными ходить в голове стада; замекекавши, бросились они к оврагу и с козлиной живостью перепрыгнули через него, гордо поднявши головы и тряся бородами, ожидали как будто одобрения своему ухарству. За ними коты так же легко перепрыгнули через овраг. Но овцы оказались не такими ловкими. Некоторые, правда, последовавши за козами, очутились на другой стороне оврага, но многие попадали в овраг, ползали по дну его, карабкаясь друг по дружке, и жалобно блеяли. Это не удержало задних последовать их примеру. Они бежали по направлению, указанному передними, и очутились также в глубине оврага. Перешедшие через овраг сами не знали, что им теперь делать, и толпились в кучку,

испускающая какое-то глупо-демократическое бляение.

Бараны метались из стороны в сторону, на-талкиваясь лбами один на другого.

Такое смятение между скотами разных пород увидели свиньи, двигавшиеся с противоположной стороны по дороге, ведущей из поля в село. Сразу обуял их революционный дух, вероятно, проникший в свинское общество заранее. Кабаны, вырывая землю клыками, забежали вперед и повернули по дороге, ведущей прямо к господской усадьбе, а за кабанами все хрюкающее стадо побежало по той же дороге и подняло такую пыль, что за ней нельзя было видеть солнце.

Омелько, увидавший тревогу между скотами, бросился по дороге, по которой бежали свиньи, и думал с них начать укрощение мятежников. Разумея хрюкающую речь Омелько услышал, что кабаны возбуждали прочих свиней не отставать от иных скотов, восставших против невыносимой власти человека.

До ушей Омелька доходили возбуждательные припоминания о засмоленных к рождественскому празднику кабанах, о щетинах, вырванных из спин живых свиней, о заколотых в

разные времена поросятах. Толстая свинья хрюкала об оскорблениях, которые наносит человек свинской породе, обзывая свинством то, что ему кажется противным. Другая свинья, бежавшая с нею рядом, отвечала: “Это еще ничего, а хуже то, что человек, презирая свиней и ругаясь над их свойствами, колет их на сало, приготовляет из свиного мяса окорока и колбасы. Мясо и сало наше тиранам по вкусу приходится. Живую свинью они хуже всякой иной твари считают, а зарезанной свинье честь пуще, чем другими, воздают, как будто в поругание над нашим свинским родом”.

Так, бегучи по дороге к господской усадьбе, хрюкали свиньи, возбуждая одна в другой ненависть к человеку.

— С чего будем начинать? — спрашивали они друг друга, когда уже до господской усадьбы оставалось недалеко...

— Наше дело — землю рыть, — отвечала другая. — Поведем прямо в господский сад; там у господ есть огородные овощи. Все грядки изроем. Потом ворвемся в господский цветник, что господа устроили около хором себе на утеху: все там кверху дном перевернем, по-свински! Пусть у людей надолго останется об этом

саде и цветнике память, что там свиньи побывали!

Омелько, несколько минут бежавший со свиньями, все еще не теряя надежды удержать их набег и завернуть свинское стадо назад, решительно отказался от своего намерения после того, как один кабан грозил заколоть его клыками. Омелько сам свернул с дороги и побежал по прямому направлению к усадьбе поля.

Как только Омелько явился в господский двор и принес туда весть всеобщем поголовном восстании скотов, я с двумя своими сыновьями отправился на вышку, построенную на здании господского дома, и смотрел в зрительную трубу. Сначала взбунтовавшиеся скоты, устремившиеся к усадьбе, мне показались тучею, потом полчища их стали обозначаться яснее. В мою зрительную трубу увидал я, как лошади, бегучи, по временам брыкали, а быки выпучивали вперед свои рогатые головы. И те и другие, как видно, тешились в воображении, как они будут нас лягать и бодать.

Уже те и другие были недалеко от усадьбы. Овцы с козами стояли у оврага, как бы в раздумии, что им делать, и только блеяли и мекали. Сбежавши с вышки в дом, я мимоходом

глянул в окно, выходявшее в сад, и увидел, что свиньи уже вторгнулись туда через то место, где деревянный забор, ограждавший сад, был разрушен и оставался неисправленным. Они с неистовством опустошали грядки с картофелем, репой, с морковью и другими овощами, жадно пожирали коренья, другие, опередивши остальных, ворвались уже в цветник, расположенный под самой стенкой господского дома, где находились окна, через которые я смотрел: я видел, как нахальные свиньи своими рылами вывертывали из земли розаны, лилии и пионы.

Я побежал в комнату, где у меня хранилось оружие, взял для себя и для своих двух сыновей по ружью, кроме того, раздал по ружью каждому из прислуги и вышел на крыльцо, обращенное к дворовым воротам. Я приказал запереть ворота калитки, ведущие во двор с наружной стороны. Самое слабое место у нас место было в саду, куда уже прошли свиньи, и опасно казалось, чтоб и прочие скоты не устремились туда же, но нам подавало последнюю надежду, что, если б им удалось овладеть садом, то в нашем владении оставался еще двор, куда из сада проникнуть неприятелю было невозможно иначе, как разве обративши в развалины

здание господского дома, отделявшее двор от сада.

Входя в дом за ружьями, я дал приказание одному служителю съездить верхом за город, стоявший от нашего города на пятнадцать верст, и попросить исправника распорядиться о присылке воинской силы для укрощения мятежа. Мера эта не удалась. Едва мой посыльный, взявши верхового коня, выехал за ворота, как этот конь сбросил с себя своего седока и убежал к мятежным лошадям.

У меня было не мало собак. Я иногда выезжал на охоту. Собаки, как и следовало было ожидать, судя по составившейся об их породе репутации, не показывали ни малейшей склонности пристать к мятежу. На них мы положились. Но их надобно было разделить на два отряда: один отправить в сад, чтобы, если можно будет, выгнать оттуда свиней, другой — поставить стеречь вход в ворота и отбивать напор скотов, если бы те стали овладевать этим входом. Ограда около двора была кирпичная, но не высокая.

Лошади, поднимаясь на дыбы, уже зацепляли передними ногами окраину ограды и показывали нам через нее свои злобные морды,

но не в силах были перепрыгнуть через ограду.

На крыльцо ко мне прибежала женщина с новым угрожающим известием. На птичьем дворе вспыхнул бунт. Первые поднялись гуси. Кто знает, какими путями проник к ним на птичий двор мятежный дух, уже охвативший четвероногих домашних животных, только гуси своим змееподобным шипением обличили злой умысел — ущипнуть птичницу. Едва та успела шагнуть к воротам птичьего двора, как послышалось либеральничающее кахтанье уток, которая при этом с таким нахальным видом переваливались с боку на бок, как будто хотели сказать: “да нам теперь и человек ни почем!” За ними индюки, распустивши надменно хвосты свои, собирали вокруг себя индеек и разом с ними загорланили таким диким криком, как будто хотели им кого-то испугать.

Большой петух огненного цвета подал своим крикливым голосом возмутительный сигнал, вслед за ним закукарекали другие петухи, закудкудахкали куры, и все куриное общество начало подлетать, то усаживаясь на жердях хлева, то слетая оттуда на землю.

Омелько, заглянувши в куриный хлев, услышал, что куры, подняв крыло восстания, грозят клевать людей в отмщение за всех зарезанных поваром кур и цыплят, за все отнятые у наседок яйца.

Получивши такое известие, мы недолго оставались на крыльце. Я заметил, что мы стали слишком низко, и что нам надлежало бы избрать другую, более возвышенную позицию. Оглядывая кругом наш двор, я сообразил, что на всем его пространстве нет выше, как деревянная башня, служившая голубятнею, и мы, сошедши с домового крыльца, направили к ней шаги свои, решаясь взойти на ее высоту и там отбиваться до тех пор, пока нас или не достанут оттуда и не растерзают взбунтовавшиеся животные, или пока нас не избавить от гибели какой-нибудь непредвиденный случай. Но на пути к голубятне встретило нас неожиданное явление: четыре кота сидело на земле: двое из них были из господского дома и один, претолстый котище белой масти с большими черными пятнами на спине и брюхе, любимец женской прислуги, большой мышеедец, приобретший себе громкую славу во всем дворе победами над огромными крысами.

Этот кот, всегда ласковый, приветливый, всегда нежно около человека мурлычущий и трущщийся, теперь, ни с сего ни с того, сидя посреди двора с другими котами, устремил на нас такие зловецкие взоры, что, казалось, готовился броситься нам в лицо с выпущенными когтями.

Собаки не внушали нам подозрений в измене, но о кошачьей породе издавна сложились иные мнения.

Так вот и казалось, что этот домашний наш кот, в критическую для нас минуту опасности от врагов, сыграет с нами такую роль, какую когда-то сыграл Мазепа с Петром Великим. Мы невольно остановились, увидя перед собой кошачью группу, но мой меньшей сын, не думая долго, свистнул на собак и, указавши им на котов, крикнул: “Ату их!” Собаки бросились на котов, а те в испуге пустились в разные стороны. Я видел, как толстый пестрый кот полез по одному столбу из поддерживающих крыльцо дома и, уцепившись когтями за стенку столба, оборачивал голову назад и глядел угрожающими глазами на собаку, хотевшую достать его, испуская вместе с тем звуки, свойственные кошачьей природе в минуты гнева и раздражения.

Дошли мы до голубятни, стали всходить наверх по узкой лестнице; тут стали на нас налетать голуби, как будто намереваясь нас задеть крыльями и клюнуть клювом. Мы стали от них отмахиваться, подозревая, что эти птицы, кроткие и нежные, какими привыкли мы их считать, также увлеклись мятежным духом, овладевавшим все и четвероногое и двуногое царство подвластных человеку животных; и они, казалось нам, вспомнили те горькие для них минуты, когда к ним на голубятню появлялся повар с своим убийственным ножом искать голубят на жаркое.

У вас в великороссийских губерниях голубей не едят, и если бы там у вас произошел такой бунт домашний тварей против человека, то вы бы со стороны голубей были совершенно застрахованы от всякой опасности. Впрочем, и у нас, в описываемые минуты, голуби не показали продолжительной вражды к человеку. Мой меньшой сын выстрелил из пистолета, и голуби разлетелись.

Тогда мы беспрепятственно заняли высоты голубятни и смотрели оттуда на огромное полчище рогатого скота и лошадей, облегавшее нашу усадьбу. От рева, визга и ржания

во дворе невозможно было ни говорить ни слушать.

Омелько, выбежавши из птичьего двора, метался по двору, как угорелый; видно было, что и он, как все мы, потерял голову. Я позвал его на голубятню и сказал:

— Ты один знаешь скотский язык и умеешь с ними объясняться. Конечно, за двор я тебя не пошлю, потому что, чуть только ты высунешь голову со двора, как тебя заколет какой-нибудь бык, или закусает кобыла, а потом они ворвутся в ворота, и всем нам капут придет. А вот что: нельзя ли тебе влезть на ограду и оттуда уговаривать бунтовщиков. Попытайся!

Омелько отправился исполнять поручение. Мы с напряженным вниманием следили за его движениями, видели, как, подставивши лестницу, он взобрался на ограду, но не могли расслышать, на каком языке он обращался к мятежникам. Мычал ли он, ржал ли, не знаем. Но услышали мы за оградой ужаснейший шум и увидали, как Омелько, соскочивши с ограды, шел к нам и махал руками, как делают тогда, когда хотят показать, что задуманное не удастся.

— Ничего, барин, не поделаем с разбойниками! — сказал он, пришедши к нам на голубятню. — Я их стал было усовецивать; я им говорил, что сам Бог сотворил их на то, чтоб служили человеку, а человек был бы их господином! Но они все заорали: “Какой такой Бог! Это у вас, у людей, какой-то есть Бог! Мы, скоты, никакого Бога не знаем! Вот мы вас тиранов и злодеев, рогами забодаем!” — крикнули рогатые. “Копытами залягаем!” — произнесли лошади. “Зубами загрызем!” — закричали разом и те и другие.

— Что ж нам теперь делать, Омелько? — спрашивал я в невыразимой тревоге.

— Одно средство осталось, — сказал Омелько. — Сказать им, что отпускаем на волю всех: и волов, и коров, и лошадей! Идите, мол, себе в поле, паситесь, как знаете, можете съесть все, посеянное на нивах. Вас мы не станем приневоливать ни к каким работам, ступайте!

“Так они, обрадовавшись, разойдутся по полям, а с овцами, свиньями и с птицею мы как-нибудь сладим.”

“Нам бы только этих рогатых спровадить: они только нам опасны, потому что сильны!”

А как пойдут в поле, так не долго потешатся: сами же меж собою передерутся, перегрызутся, а хоть и поля потолокут, так ведь не многие, уже большая часть хлеба убрана, остальное же хоть и пропадет, да зато мы все останемся целы и живы. Жалче всего только сена в стогах. Они его, разбойники, все истребят!”

“Сами же скоты не будут знать, что им с собой делать, и тогда можно будет найти способы, как их подобрать снова под власть нашу. Самый долгий срок их воле будет, если будут бродить в полях до заморозков, а уже когда в поле ничего расти не будет, тогда и сами к нам придут! А ведь до осени уж не так далеко!”

Я разрешил Омельку поступить так, как он замыслил. Он снова полез на ограду, и мы еще с большим вниманием, чем прежде, следили за его движениями. Спустя несколько минут, все осаждавшее двор полчище скотов стремглав бросилось с ревом и ржанием в поле. Лошади и волы прыгали, видно было, что это делается от радости.

Омелько слез с ограды, пришел к нам и говорил:

— Избавились, слава Тебе Господи! Удалось-таки спровадить лошадей и рогатый скот.

Пустите всех собак в сад на свиной, а вся дворня пусть идет усмирять птицу, я же потом пойду усмирю коз и овец.

— Как это ты спровадил рогачей и копытников? — спрашивал я у Омелька.

— А вот как, — объяснил Омелько. — “Чего вам нужно, — спросил я их, — скажите прямо. Может быть, мы вам все сделаем, чего вы захотите”. — “Воли! Воли!” — закричали разом и рогатые и копытные. А я им сказал: “Ну что ж? Идите на волю! Ступайте в поле, потолките все хлеба, что остались еще на корню. Мы вас уже не станем употреблять ни на какие работы. Вольные будьте себе!” Они, как это от меня услышали, так тотчас с радости затопали, забрыкали, крикнули: “Мы вольные! Мы вольные! Мы себе воли добыли! Гулять на поле! Наша взяла! Воля, воля!” И побежали.

— Молодец Омелько, — сказал я ему, — честь великая и хвала тебе! Ты нас всех от беды избавил.

Мы сошли с голубятни. Я приказал собрать всех собак, провести через дом в сад и присоединить к тем, которые туда были отряжены заранее расправляться свиньями. До сих пор дело их не могло идти вполне успешно, так как

число высланных в сад собак было не велико до прибытия к ним на помощь тех, которые оставались во дворе. Когда собаки проведены были в сад, я вошел в дом и стал у окна, уставив в открытое окно заряженную винтовку. Я нацелился в кабана, который в цветнике трудился над кустом сирени, старясь выдернуть его с корнем из земли. Пуля пробила хищника насквозь.

Свиньи, испуганные выстрелом, повалившим дерзновеннейшего их воителя, напираемые отовсюду собаками, покинули цветник и побежали к тем своим товарищам, которые в конце сада расправлялись с огородными овощами. Собаки не давали им ни прохода ни отдыха: одни вцеплялись свиньям в ноги, другие забежали вперед и хватали свиней за уши, и тащили под жалобные звуки свиного стенания. Вслед за собаками побежало двое слуг с ружьями, дали два выстрела, ранили двух свиней и тем предали собакам ярости и задора.

Вскоре сад был очищен от свиней, собаки гнались за ними по дороге, по которой побежали свиньи, поднявшие такую тучу пыли, как и тогда, когда в воинственном свином задоре бежали по той же дороге на приступ к саду.

Мы отправились на птичий двор. Там царствовал беспорядок в полном разгаре. Все летало, подлетывало, скакало, подскакивало, прыгало, металось, бегало и на всякие голоса выкрикивало: и гоготало, и шипело, и свистало, и охало, и кудахтало, и кукарекало. Меньшой мой сын выстрелил из пистолета. Птичье общество сперва как будто еще сильнее заволновалось от этого выстрела, но тотчас же, оторопев, утишилось на мгновение. Омелько воспользовался таким мгновением и крикнул:

— Зачем без толку орете? Скажите нам, чего хотите. Что вам нужно? Мы для вас все сделаем.

— Воли! Воли! — закричала птица своими различными языками.

— Воли! Воли! — произнес Омелько, видимо, передразнивая птицу. — Ну, хорошо. Мы вам дадим волю. Гуси и утки! Вон ваше дикая, вольная братия, как высоко летает! Летите и вы к ним. Мы вам позволяем. Мы вас не держим! У вас есть крылья: летите!

— Да как нам лететь, коли сил на то нет! — прогоготали гуси. — Наши предки были такие же вольные, как вон и те, что теперь там высоко летают. А вы, тираны, взяли их в неволю, и от

них пошли наши деды и родители, и мы все родились уже в неволе, и через эту самую неволю, мы все не умеем уже летали, как летаете, что вольными остались.

— Не наша в том вина, — сказал Омелько. — Рассудите сами вашим гусиным и утиным умом. Разве мы вас в неволю с воли забирали? Разве мы с вами что-нибудь такое сделали, что вы летать высоко не можете? Вы у нас из яиц вылупились и с первых дней ваших и до сего часа летать не умели, да и ваши отцы и деды, что у нас жили, тоже не летали так, как эти вольные дикие летают. Ваша порода стала в подчинении у человека уже давно, так давно, что не только вы с вашей гусиной памятью, да и мы с нашей человечью не можем сказать, как давно! Тех, что ваших предков взяли когда-то в неволю, нет давно на свете. Мы же, что теперь живем на свете, чем мы тут виноваты, что вы летать высоко не умеете? Мы вас отпускаем на волю! Летите! А коли не умеете, так нас в том вне вините.

Гуси отвечали:

— Мы не в силах лететь и остаемся у вас. Только вы нас не режьте. Нам жить хочется.

Вслед за гусями в таком же смысле прокахкали и утки.

Омелько на это сказал:

— Вам жить хочется, — говорите вы. — Но ведь вам, я думаю, и есть хочется. Как же вы хотите, чтобы мы вас кормили, а от вас за то не получали себе никакой пользы. Нет, нет. Этак нельзя. Летите себе, коли не хочется, чтобы вас резали. Летите себе на волю. Не держим вас насильно. А коли хотите у нас оставаться и корм от нас получать, так и нам что-нибудь доставляйте. Мы вас кормим, за то, вас и режем. И от вас хотим кормиться, за то что вам дает корм. Что за беда, если когда-нибудь повар вашего брата-гуся на жаркое зарежет! Не всех же вас разом порежет. Хуже было бы, когда бы вы пошли на волю, да на вас напал бы лютый зверь или птица. Всех бы вас разом истребили. А у нас когда-некогда случится, что повар двух-трех каких-нибудь гусей или уток зарежет. Зато вы все поживаете у нас в добре и холе. Сами собой вы никогда на воле не проживете, как у нас. Попробуйте, полетите, поживите на воле!

— Куда нам лететь, когда сил нет! — повторили гуси.

То же произнесли утки своим кахканьем.

— Так живите смирно и не бунтуйте! — сказал внушительно Омелько и обратился к

курам с такой речью: — А вы, куры-дуры! Тоже захотели воли! Летите и вы, скорей летите да подымайтесь повыше, погуляйте по поднебесью, узнаете, как там поживается без нас, на полной воле. Да вы, дуры, сажня на два от земли не в силах подлететь: вас и хорьки, и кошки, и ласточки, и орлы заедят, и коршуны цыплят ваших расхватают и коршуны и вороны яиц вам высидеть не дадут! Дуры, вы, дуры набитые! Уж вы-то, паче всех других птиц на свете, без нашего брата-человека жить не можете. Смиритесь же, глупые, и покоряйтесь; такая, видно, наша с вами судьба, что нам надобно вас стеречь и кормить, а зато вас резать и яйца ваши брать.

Куры закудахтали самыми покорными звуками. Петухи весело закукарекали, а Омелько объяснил нам, что это они признают справедливость наших наставлений и обещают впредь совершенную покорность.

Вся птица, казалось, успокоилась и осталась в довольстве, только индейки, по своему обычаю, охали, жалуясь на свою горемычную, ничем не поправимую долю.

Омелько отправился к овцам и козам. те овцы, которые успели перебраться через овраг,

стояли, все еще сбившись в кучку, и не двигались далее, поглядывая глупо на свою братию, попадавшую в овраг. Бедные барахтались в глубине оврага и не знали, как из него выкарабкаться по его крутым стенкам; хотя и была возможность выйти оттуда, проходя по прямой длинной рытвине, но у овец не хватило настолько смекалки. Козлы, стоявшие наперед, как только увидели идущего против них Омелька, затопали ногами и, выставляя перед ним свое козлиное достоинство, поднимали кверху свои бородатые головы и покручивали рогами, как будто хотели тем произнести: “Не подходи! Заколем!”

Но Омелько, нашедши длинную хворостину хватил одного-другого по бокам и отогнал прочь, потом позвал пастухов и велел им вытягивать и выгонять из глубины оврага попадавших туда овец и всех их гнать в овчарню.

— Смотрите у меня! — кричал он вслед овцам. — Вздумаете бунтовать, будет вам беда! Велим зачинщиков на сало порезать! Вишь, дуры! Туда ж и они: захотели воли! Да вас, глупые, тотчас бы всех волки поели, если бы мы, люди, отпустили вас от себя на волю! Благодарите нас за то, что мы такие милостивые, прощаем вас за вашу глупость!

Овцы заблеяли голосом благодарности, какой требовал от них Омелько.

Стадо рогатого скота и конский табун, получивши через Омелька разрешение на полную свободу, сначала, побежавши в поле, предавались там неистовому восторгу, скакали, прыгали, бегали, мычали, фыркали, ржали и, в знак взаимного удовольствия, становились задними ногами на дыбы и обнимались передними.

Оканчивался уже август. Поля были сжаты и скошены. Хлеба были почти увезены и сложены в скирды. Оставалось немного десятин неснятых хлебов таких пород, которые позже всех убираются. Скоты напали на одну неснятую полосу гречихи и потоптали так, что не осталось ни одного целого стебелька. Отправились они далее искать себе еще какой-нибудь неубранной нивы, наткнулись еще на одну и там произвели то же. Но тут рушилось согласие между рогачами и копытниками, — согласие, недавно установившееся по поводу их взаимного домогательства свободы. Не знаю, собственно, за что у них возникло несогласие, но только рогачи стали бодать копытников, а копытники — лягать рогачей: и те и другие разошлись в разные стороны. После того и в

стаде тех и других произошло внутреннее раздвоение.

Поводом к тому, вероятно, был спор самцов за самок, подобно тому, как и в нашем человеческом обществе спор за обладание прекрасным полом часто бывает источником нарушения согласия и дружбы и ведет к печальным событиям.

И рогатое стадо и конский табун разбились на отдельные группы, которые, оторвавшись от целой громады, уходили подальше от прежних товарищей. Омелько превосходно изучил скотские нравы, заранее рассчитал на это свойство, когда отпускал скотов на волю: он потом стал следить за отпущенными. Он встретил бродившие отдельно толпы волов и лошадей и силой своего красноречия убедил тех и других вернуться в село.

Омелько прельстил их обещаниями дать им много сена, а лошадям еще и овса, другие, оторвавшись от громады, забрели на чужие поля, попортили чужие хлеба, стянули сенца из стогов, стоявших на поле, и сами попались в неволю.

Омелько, узнавши о такой их судьбе, выкупал их у чужих хозяев, заплативши последним

за убытки, нанесенные скотами, а выкупленных погнал в свое село.

Наконец, как предвидел Омелько, самые задорные и упрямые скоты бродили по полям до глубокой осени, когда уже на корню нигде не оставалось ничего и стал выпадать снег. В предшествовавшую осень, как вам, я думаю, известно, это произошло ранее, чем бывает. Скоты, видя, что уже им в полях не достается пропитания, отрезвились от обольщений суетной надеждой вольности и добровольно стали возвращаться в свои загоны. Тогда пришли с покорными головами и главные возмутители: бугай, взволновавший рогачей, и рыжий жеребец, поднявший к бунту копытников.

И того и другого постигла жестокая кара: бугай по приговору, составленному Омельком и подтвержденному мною, был подвергнут смертной казни через убиение дубинами, а жеребец — потерей производительных способностей и запряжке в хомут для возки тяжестей. Прочие, по справедливому и нелицеприятному дознанию, произведенному Омельком, понесли наказание, соразмерно степени их виновности.

Так окончился скотский бунт у нас, явление необыкновенное, своеобразное и, сколько нам

известно, нигде и никогда не слыханное. С наступлением зимнего времени все успокоилось, но что дальше будет — покажет весна. Нельзя поручиться, чтобы в следующее лето или когда-нибудь в последующие годы не повторились виденные нами чудеса, хотя благоразумный и бдительный Омелько принимает самые деятельные меры, чтобы они более у нас не повторялись.

Додатки

№ 1. ЛИСТ ОРЕНДОВНИЙ КНЯЗЯ ГРИГОРІЯ САНГУШКА

“**Я**, Григорій Сангушко Кошерський, і Софія з Головчина Сангушкова Кошерська ознаймуєм тим нашим арендовним листом, що дня 10 апріля року 1594 арендова-ли єсмо добра наші нижчепойменовані славет-ному пану Абраму Шмойловичу, і жонє його Риклі Динні, і потомкам його: містечко Кошар з села-ми Кошур Старий, Кругель, Краснодуб’я, Го-роделець, двір Мизів і село Мизову, селище Борзова Черемшинка, з чиншами грошовими, з корчмами, шинками всякого напою, з данню медовою, а боярами і зо всіма людьми тяглими і нетяглими, з їх ріллями, роботами підводами, в тих перелічених містах і селах мешкаючи, з борт-ним деревом, з ставами, млинами і їх виделками, которіє тепер в тих по найменованих містах і селах суть і потім збудовані будуть, з озерами, з

гонами бобровими, з полями, сіножатями, борами, лісами, гаями, дібровами, з фільварками, з гумнами, збіжжям всіляким на полі засіянім, зо всіма пожитками як пойменованими, так і не пойменованими, нічого собі не зоставуючи, на п'ять літ повних, до 10 апріля 1599 року за п'ять тисяч золотих польських... Он (Шмойлович) ведлуг сего листу арендованого, от нас йому под печатми і с підписами власних рук наших даного, (має право) держати, і вживати, і вшелякіє пожитки на себе брати, а також всіх підданих наших судити, радити, винних і непослушних подлуг виступків їх винами і горлом карати”.

Пантелеймон Куліш записав із кобзарських вуст і вперше опублікував у I-му томі “Записок о Южной Руси” (1856) дві думи, що оповідають про українсько-жидівські взаємини перед Хмельниччиною. У одній із дум поляк стверджує, що винуватцями Хмельниччини були саме жиди, що чинили неймовірні утиски українцям. Твори народної поезії є також своєрідними історичними документами, в яких народ дає свідчення про себе і про свої взаємини з іншими народами. У тому числі й із жидами.

№ 2. ДУМА ПРО ЖИДІВСЬКІ ВІДКУПИ І ПРО ВІЙНУ ЧЕРЕЗ НИХ

Як од Кумівщини да
до Хмельниччини,
Як од Хмельниччини да до Брянщини,
Як од Брянщини да й до сього ж то дня,
Як у Землі Кралеvській да добра не було:
Як жиди-рандарі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
До по три шинки становили.
Становили шинки по долинах,
Зводили щогли по високих могилах.
Іще ж то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі торги
зарандовали
Да брали мито-промито:
Од возового
По півзолотого,
Од пішого-пішениці по три денежу
й мита брали,

Од неборака — старця

Брали кури да яйця,

Да іще питає:

“Ци нема, котик, сце цого?”

Іще ж то жиди-рандарі

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі церкви
зарандовали.

Которому б то козаку, альбо мужику
дав Бог дитину появили,

То не йди до попа благословиться,

Да пійди до жида-рандаря, да полож шостак,

Щоб позволив церкву одчинити,

Тую дитину охрестити.

Ще ж то которому б то козаку,

альбо мужику дав

Бог дитину одружити,

То не йди до попа благословиться,

Да піди до жида-рандаря да полож

битий таляр,

Щоб позволив церкву одчинити,

Тую дитину одружити.

Іще ж то жиди-рандарі

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі ріки

зарандовали.

Перва на Самарі,

Друга на Саксагані,

Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
П'ята на річці Кудесці.
Которий би то козак, альбо мужик
і схотів риби вловити,
Жінку свою з дітьми покормити.
То не йди до пана благословиться
Да піди до жида-рандаря да поступи
йому часть віддають
Щоб позволив на річці риби вловити,
Жінку свою з дітьми покормити.
Тоді ж то один козак мимо кабака йде,
За плечима мушкет несе,
Хоче на річці утя вбити
Жінку свою з дітьми покормити.
То жид-рандар у квартирку поглядає,
На жидівку свою стиха словами
промовляє:
“Ей жидівочко ж моя Рася!
Що сей козак думає, що він у кабак
не вступить,
За денежку горілки не купить,
Мене, жида-рандаря, не перепросить,
Щоб позволив йому на річці утя
вбити,
Жінку свою з дітьми покормити”.

Тоді-то жид-рандар стиха підходить,
Козака за патли хватає.

То козак на жида-ранадаря скося,
як ведмідь, поглядає.

Іще жида-ранадаря мостивим паном
називає:

“Ей жиду, — каже, — жиду-рандаре,
Мостивий пане!

Позволь мені на річці утя вбити,
Жінку свою з дітьми покормити”.

Тоді жид-рандар у кабак входить,
На жидівку свою стиха словами

промовляє:

“Ей жидівочко ж моя Рася!
Буть мені тепер у Білій Церкві

наставним равом:

Назвав мене козак мостивим паном”.

Тоді-то у святий божественний день
у четверток,

Як жиди-рандарі у Білу Церкву
на сейм збирались,

Один до одного стиха словами

промовляли:

“Ей жиди ж ви, жиди-рандарі!
Що тепер у вас на славній Україні
слишно?”

“Слишен, — говорить, — тепер
у нас гетьман Хмельницький:
Як од Білої Церкви да до славного
Запорожжа
Не така стоїть жидівська сторожа”.

Тогді озоветься один жид Оврам
У того був невеликий крам, —
Тільки шпильки да голки,
Що ходив поза Дніпром да дурив
козацькі жінки:
“Ей жиди ж ви, жиди-рандарі!
Як із Низу тихий вітер повіне,
Вся ваша жидівська сторожа погине”.

Тоді ж то як у святий день божественний
у вовторник
Гетьман Хмельницький козаків до сходу
сонця у поход виправляв

І стиха словами промовляв:

Ей козаки ви, діти, друзі!

Прошу вас, добре дбайте,

Од сну вставайте,

Руський Очинаш читайте.

На славу Україну прибувайте,

Жидів-рандарів у пень рубайте,

Кров їх жидівську у полі з жовтим піском
 мішайте,
 Віри своєї християнської у поругу
 не подайте,
 Жидівському шабашу не польгуйте”.

Отоді-то всі жиди-рандарі догадливі
 бували,
 Усі до города Полонного повтікали.
 Тоді-то Хмельницький на славу Україну
 прибував,
 Не одного жида-рандаря не заставав.
 Тоді-то Хмельницький не пишній бував,
 До города Полонного прибував,
 Од своїх рук листи писав,
 У город Полонного подавав,
 А в листах прописував:
 “Ей полоняне, полонянська громадо!
 Коли б ви добре дбали,
 Жидів-рандарів мені до рук подали”.

Тоді-то полоняне йому одписали:
 “Пане гетьмане Хмельницький!
 Хоть будем один на одному лягати,
 А не можем тобі жидів-рандарів
 до рук подати”.

Отогді-то Хмельницький у другий раз
листи писав,

У город Полонне подавав:

“Эй полоняне, полонянська громадо!

Нехороша ваша рада.

Єсть у мене одна пушка Сирота —

Одчиняться ваші залізні широкі ворота”.

Тогді-то як у святий день божественний
четверток

Хмельницький до сходу сонця уставав,

Під город Полонне ближей прибував.

Пушку Сироту упереду постановляв

У город Полонне гостинця подавав.

Тогді-то жиди-рандарі

Горким голосом заволали:

Ей полоняне, полонянська громадо!

Коли б ви добре дбали,

Од Польщі ворота одбивали,

Да нас за Віслу річку хоч у одних

сорочках пускали!

То б ми за річкою Віслою пробували,

Да собі дітей дожидали,

Да їх добрими ділами наущали,

Щоб на козацьку Україну і кривим оком

не поглядали”.

Отогді-то козакам у городі Полонному
Дана воля на три часа з половиною:
“Пийте-гуляйте,
Коло жидів-рандарів собі здобу хорошу
майте”.

Тогді-то козаки у городі Полонному
пили-гуляли,
Здобу хорошу собі коло жидів-
рандарів мали;
Обратно на славу Україну прибували,
Очертом сідали,
Сребро й злато на три часті паювали:
Первую часть на Покрову Січовую
Да на Спаса Межигірського оддали,
Другу часть на меду да на оковитій
горілці пропивали:
Третю часть междо собою, козаками,
паювали.

Тогді-то не один козак
За пана гетьмана Хмельницького
Бога просив,
Що не один жидівський жупан
зносив.

№ 3. ДУМА ПРО ПЕРЕМОГУ ПІД КОРСУНЕМ

Дій обозветься пан Хмельницький,
Отаман-батько Чигиринський:
“Гей друзі молодці,
Браття козаки-запорожці!
Добре дбайте, барзо гадайте,
Із ляхами пиво варити зачинайте.
Лядський солод, козацька вода;
Лядські дрова, козацькі труда”.

Ой з того пива
Зробили козаки з ляхами превеликеє
диво.

Під городом Корсунем вони станом
стали,

Під Стеблевом вони солод замочили;
Ще й пива не зварили,
А вже козаки Хмельницького
з ляхами барзо посварили.

За ту бражку
 Зчинили козаки з ляхами велику
 драчку;
 За той молот
 Зробили ляхи з козаками превеликий
 колот;
 А за той не знать який квас
 Не одного ляха козак, як би скурвого
 сина, за чуба стряс.

Ляхи чогось догадались,
 Від козаків чогось утікали,
 А козаки на ляхів нарікали:
 “Ой ви, ляхове,
 Пеські синове!
 Чом ви не дожидаєте,
 Нашого пива не допиваєте?”

Тогді козаки ляхів доганяли,
 Пана Потоцького піймали,
 Як барана зв’язали,
 Та перед Хмельницького гетьмана
 примчали:

“Гей пане Потоцький!
 Чом у тебе й досі розум жіноцький?
 Не вмів ти єси в Кам’янськiм
 Подільці пробувати,

Печеного поросяти, куриці з перцем
та з шафраном уживати,

А тепер не зумієш ти з нами,

козаками, воювати

І житньої соломахи з тузлуком¹

уплітати.

Хіба велю тебе до рук кримському

хану дати,

Щоб навчили тебе кримські нагаї

сирої кобилени жувати!”

Тогді ляхи чогось догадались,

На жидів нарікали:

“Гей ви, жидове,

Поганські синове!

На що то ви великий бунт, тривоги зривали,

На милю по три корчми становили,

Великі мита брали:

Від возового —

По півзолотого,

Від пішого — по два гроші,

А ще не минали й сердешного старця —

Відбирали пшоно та яйця!

А тепер ви тії скарби збирайте

Та Хмельницького єднайте;

¹ Тузлук — сирівець, розсіл на рибу.

А то, як не будете Хмельницького
єднати,
То не зарікайтесь за річку Віслу
до Полонного прудко тікати”.

Жидове чогось догадались,
На річку Случ утікали.
Которі тікали до річки Случі,
То погубили чоботи й онучі;
А которі до Прута,
То була від козаків Хмельницького
доріженька барзо крута.

На річці Случі
Обломили міст ідучи,
Затопили усі клейноди
І всі лядські бубни.
Которі бігли до річки Росі,
То zostалися голі й босі.

Обізветься первий жид, Гичик,
Та й хапається за бичик.
Обізветься другий жид, Шльома:
“Ой я ж пак не буду на сабас дома!
Третій жид озветься, Оврам:
“У мене невеликий крам:
Шпильки, голки,
Креміння, люльки.

Так я свій крам
У коробочку склав,
Та козакам п'ятами наживав.
Обізветься четвертий жид, Давидко:
“Ой брате Лейбо! Уже ж пак із-за
гори козацькі корогви видко!”
Обізветься п'ятий жид, Юдко:
“Нумо до Полонного утікати прудко!”

Тоді жид Лейба біжить,
Аж живіт дрижить;
Як на школу погляне,
Його серце жидівське зів'яне:
“Ей школо ж моя, школо мурована!
Тепер тебе ні в пазуху взяти,
Ні в кишеню сховати,
Але ж доведеться Хмельницького козакам
на срам, на балаки покидати!”

Отсе, панове-молодці, над Полонним
не чорна хмара вставала;
Не одна пані-ляшка удовою зосталась.
Озоветься одна пані-ляшка:
“Нема мого пана Яна!
Десь його зв'язали, як би барана,
Та повели до свого гетьмана”.
Озветься друга пані-ляшка:

“Нема мого пана Кардаша!
 Десь його Хмельницького козаки
 повели до свого коша”.

Озветься третя пані-ляшка:

“Нема мого пана Якуба!
 Десь (узяли) Хмельницького козаки
 Та либонь повісили його десь на дубі”.

№ 4. К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

Нас все (я говорю о народе) ждут с нетерпением решения еврейского вопроса. Конечно, в разных местах, в разных кружках, этот интерес выражается различно, но в общем везде сводится к одному: запретят ли евреям жить и торговать в селах, как постановили “сведущие люди”, или же евреи добьются того, что “как было так и будет”? Об этом только и говорит деревенский люд, это, кажется, только и занимает его. Часто приходится слышать восклицания, как бы заключения этих интересных продолжительных прений: “Если только сбудется желание евреев как было, так и будет — брошу все и уйду, куда глаза глядят, пусть торжествует еврей!”

Нужно, читатель, жить жизнью народа и не день, не год, а десятки лет, чтобы видеть его

Первое знакомство.

— Нѣтъ-ли старыхъ вещей? я все покупаю.

— Какой онъ бѣдный! не сдѣлають-ли его шинкаремъ въ нашемъ селѣ?

Сьогодні цей діалог звучить по-іншому:

— Чи немає ще якоїсь «Криворіжсталі» або труби, або хоч якогось «телекому»? Я все скуповую.

— Який бідний єврей! Чи не обрати його міністром у нашій державі? Або хоч віце-прем'єром?

Последнее прощание (до льда слуста).

Ну, все мое, у пана ничего нѣтъ и панъ еще остается мнѣ долженъ; у меня тутъ все записано: сахару взяли въ долгъ 30 фунтовъ за 5 р. и не платили 15 лѣтъ. Теперь посчитаемъ по 10 процентовъ въ мѣсяць: процентовъ за первый годъ 6 р., да капитала 5 р., всего 11 р.; за второй годъ процентовъ 13 р., да капитала 11 р., всего 24 р.; за третій годъ потому же счету 53 р.; за 4-й годъ—116 р.; за 5-й годъ—255 р.; за 6-й годъ—560 р.; за 7-й годъ—1230 р.; за 8-й годъ—2710 р.; за 9-й годъ—5970 р.; за 10-й годъ 13135 р.; за 11-й годъ—28835 р.; за 12-й годъ—63,200 р.; за 13-й годъ—132,000 р.; за 14-й годъ—277,000 р.; за 15-й годъ—608,000 р. Ну, а имѣние пана сколько стоитъ? не больше 100,000 р. Я честный еврей, обижать пана нехочу, нехай лучше мое пропадетъ; за весь долгъ беру имѣние, а остальное дарю пану за то, что панъ пожалѣлъ меня.

Можна передбачити, що «останнє прощання» станеться швидше. А чи не зобразив карикатурист тут останнє прощання з останнім українцем у складі київського «Динамо»?

действительные раны, чтобы понять страдания наболевшей его души: тогда только вы сможете сказать более или менее уверенно, что тот способ принесет ему пользу, то или другое лекарство исцелит его. Происходя из народа, живя лет 30 его жизнью и любя деревню, как родину свою, не могу умолчать о том, что евреи творят с нами. Зная все это, всякий честный человек будет возмущаться, читая статьи “Московских ведомостей” в защиту евреев. Вот где патриотизм Каткова оказывается дутым, искусственным.

В селе N., по официальным данным, считается 1000 дворов поселян и 200 еврейских семейств. Каждое еврейское семейство состоит, средним числом, из 5 членов мужского пола, способных эксплуатировать труд поселянина (мальчик-еврей 6—7 лет скупает уже в селе продукты), итого приходится на каждый двор поселянина более чем по одному еврею. Между этой массой евреев, нет ни одного, который был бы приписан к обществу, на шее которого он сидит и высасывает кровь. Тут найдете и турецкого, и австрийского, и молдавского, и варшавского, и бердического, и одесского еврея, словом, — чуть ли не всех городов России и

государств Европы. Спрашивается: для чего они так сильно стремятся в деревню и что они тут делают? Сперва посмотрим, каким образом совершается это переселение?

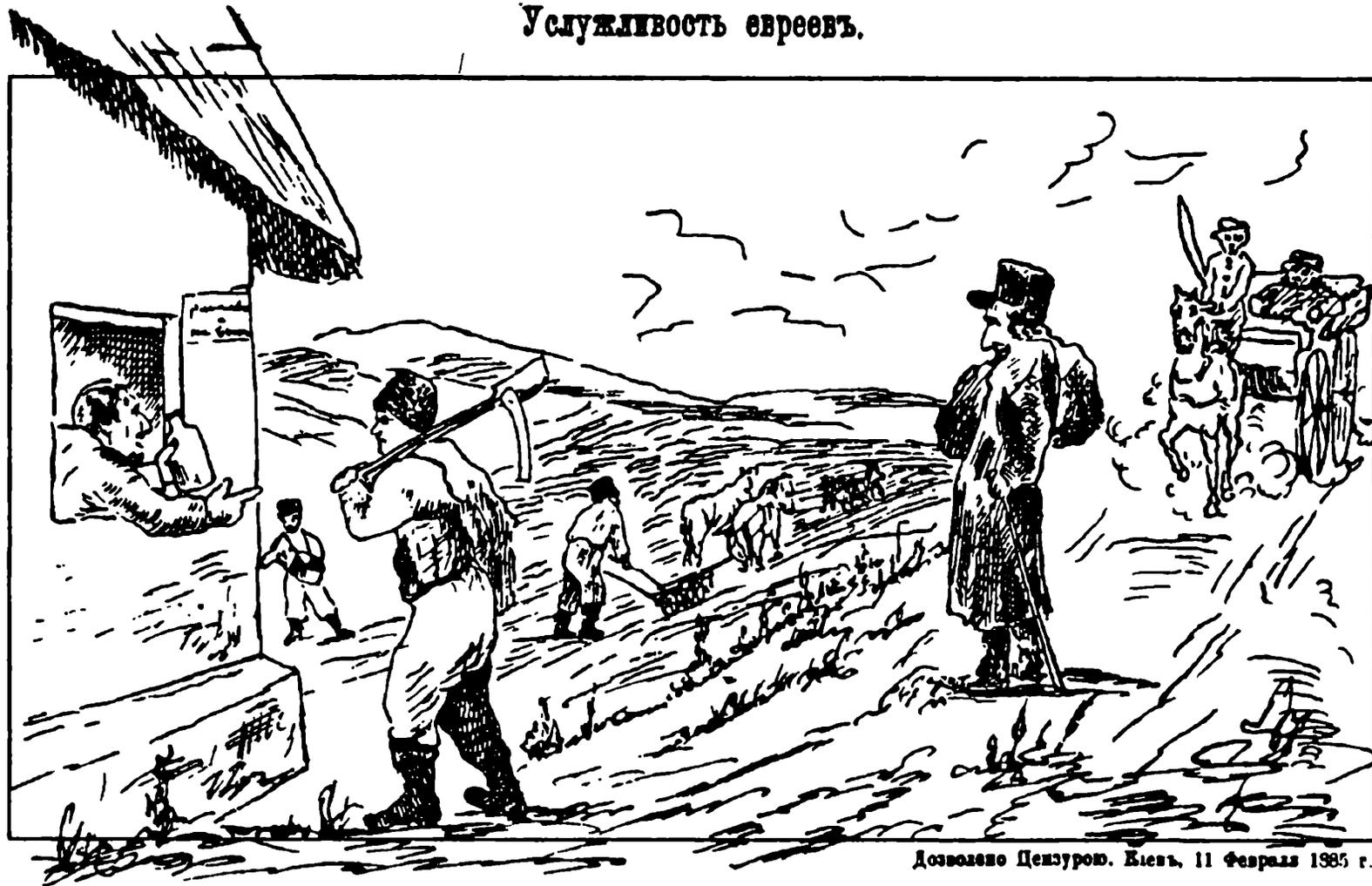
Приезжает, обыкновенно, в деревню еврей Мошко, который заезжает к содержателю в той деревне кабака — Берку. Под видом родственника последнего Мошко “гостит” у него месяц, другой (он отлично знает, что никто его не спросит, зачем он приехал и для чего живет); тем временем Мошко, с помощью своего якобы родственника, разузнает, кто из поселян в нем нуждается и вообще (как евреи сами говорят) знакомится с делами. Рассмотревши все хорошенько, Мошко становится за стойкой и заявляет поселянам, что кабак принадлежит уже не Берку, а ему, Мошку, и что если кому нужны деньги, то пусть обращаются к нему. И вот у поселян требуют деньги на содержание их мачехи, как они выражаются, — земской управы. Деньги крестьянину нужны, а их нет; нет же потому, что разные иерусалимские дворяне и русские бары высосали у него все; и вот он волей-неволей принужден, из опасения, что у него продадут с молотка и последний скарб, обращаться к “благодетелю” Мошке за 5 руб.

Мошко говорит: “Ступай к Берке”, ты ему еще должен, пусть он тебе еще даст; но Берко не дает, говоря, что он скоро совсем оставляет село. Крестьянин опять отправляется к Мошке, который только после долгих унижительных, возмущающих душу просьб посылает его в сельское управление написать долговое обязательство на 5 четв. пшеницы. Крестьянин почесывает затылок. Мошко же знает свое дело и предупреждает его, что на других условиях он не может дать, разве вот на придачу угостит его водкой. Крестьянин выпивает стакан, другой, третий, после чего, не говоря более ни слова, отправляется в сельское управление совершать долговое обязательство... Кстати скажу несколько слов о “сельских управлениях”. Ближайшим начальником этого управления считается сельский староста, но так как сельский староста почти всегда безграмотен, то всем распоряжается сельский писарь, который, зная, что за все отвечает староста, умеющий прикладывать только печать, обдeldывает делишки, не стесняясь. Контингент писаря состоит из людей всевозможных профессий и сословий: есть и потомственные дворяне, есть и чиновники всех ведомств и классов, но только выгнанные из

службы за хорошее поведение, а в некоторых местах занимают эти должности даже евреи, например, в селе Безыне. Кажется странным, даже невероятным, чтобы наши народные школы до сегодняшнего дня, за 12—15-летнее существование, не в состоянии были дать обществу, истратившему на них столько денег, трудов и времени, даже сельских писарей, столь необходимых для поселян, а между тем это факт. Будь писарем просто Степан, а не господин Ицък, или ваше благородие — поверьте, не писались бы долговые обязательства на 5 четв. пшеницы за занятых 5 руб., а тем более поселянину читалось бы то, что написано, а не другое, как это делается теперь сплошь да рядом... Этим пришельцам нет дела до того, что поселянин разоряется; они всегда стояли, стоят и будут стоять на стороне кредиторов, от которых получают за каждое обязательство известную долю. Я знаю много таких поселян, которые никогда не давали долговых обязательств, а между тем разные Зейлики представляли таковые в суде для взыскания.

Но вернемся к нашему крестьянину. Он является с распискою, которую передает Мошке; последний берет ее, как бы нехотя, и предупреждая

Услужливость евреевъ.

Дозволено Цензурою. Киевъ, 11 Февраля 1905 г.

Иццо: Иване, бійся Бога, что ты робишь? цылый день працюешь, не оидыхая, въ корчму не заглянешь! Такъ не можно, еще, борони Боже, захворяешь! Ну, попрацовавъ трохи, дай отдохни, выпей чарку, другу, да закуси чимъ добрымъ. Дома у тебе все крупникъ, да крупникъ, а моя Сурка напекла такихъ смачныхъ пироговъ съ соленой рыбой. Заходи, а якъ не маешь часу, то я и черезъ окошко тебѣ подамъ. Чтобъ услужить доброму человеку, я не пожалѣю своей фатыги.

Иванъ: Воно то добре было-бы выпить чарку, але грошы не ма.

Иццо: Грошы не ма! Якъ тобі не стыдно, Иване! Альбо я коли-нибудь требую грошы, я только прошу меня не забывать, а якъ, дастъ Богъ, соберешъ съ поля, тогда разсчитаемся.

Иванъ: Добре разсчитаемся! Я працювалъ цылый рікъ, а тебе придется отдать все за чарку. Ну, нехочу!

До «жидівського питання», але не тільки в ХІХ ст. Змінилась «екіпіровка» і масштаби, а суть лишилася незмінною.

Слѣдствія услужливости евреевъ.

Довголю Цезурю. Киевъ, 11 Февраля 1885 г.

Ицко къ Сотсяому: Петро, что ты робишь? Чыжь можно такъ биться, теперь биться нельзя; лучше самъ-бы зашелъ въ шинокъ, да выпивъ чарку, а такъ ты всьхъ людей отъучишь отъ шинка.

Сотскій: И добре зрблю. А то погляди, что сдѣлалось съ Иваномъ? Былъ первый хозяинъ на селѣ, а якъ зачавъ заходить до корчмы, то теперь валяется, якъ свиня. Дома жинка и диты голодны, подать незаплачена, а ему и байдуже.

Ицко: Ну, теперь свобода: каждый можетъ дѣлать, что хочетъ. Коли-бъ никто не пиль, то чѣмъ-бы мы, жиды, жили; чѣмъ-бы я кормиль своихъ дѣтокъ (а у меня ихъ, слава Богу, шестеро).

Сотскій: Чѣмъ-бы жили? Працой! Працовали-бъ такъ, якъ мы: орали, сѣяли, косили, дрова рубали.

Ицко: Ну, до такой працы жиды не сдатны, да и что заработаешь такой працой? И шабашъ, какъ слѣдуетъ по закону, не справишь!

А свій соцький завжди знайдеться, народ великий, то й соцьких багато.

его, что такое снисхождение делается только для него, предлагает ему “ради знакомства” еще выпить водки. Тот пьет... потом пошатывается и, наконец, засыпает... Приходит за ним жена и дети. Мошко рассказывает ей о совершенной с мужем сделке и о взятых будто бы им у него деньгах, добавляя, что муж деньги успел уже пропить. Жена охает...

Сыпятся проклятия. Мошко успокаивает ее: дает ей рубль и ради того же первого знакомства не жалеет для нее и для детей водки. Засыпает тут же и жена... На другой день крестьянин просыпается; просыпается и жена его; смутно вспоминается минувший день; денег не оказывается; начинается в семействе брань: муж обвиняет жену, жена обвиняет мужа и ссора кончается дракой, после чего все семейство опять отправляется в кабак опохмелиться... Опять начинается попойка, опять дается долговое обязательство... Крестьянин запутан безвозвратно... Даже жена и дочь его принадлежат Мошку... Мошко торжествует; он приобрел уже право на оседлость в селе. Спустя неделю, является в село семейство Мошки со всем кагалом и уже общими силами запутывают поселян в свои сети. Неверующий

этому — пусть отправиться в любое село и там он убедится во всем. Мало этого, он увидит в каждом кабаке, в каждой еврейской лавчонке, целые груды кожухов, свиток, холста, топоров, земледельческих орудий — словом всего того, что можно переносить с места на место. И все это принимается в обмен на водку. Еврей ничем не брезгует — он отлично знает 356 ст. пит. уст., но еще лучше знает та, кому нужно ее знать — не знают или вернее знают, да только знать не хотят...

А. Щербань
(Новороссийский телеграф. — 1882.
21 апреля № 2167)

Гоните муху въ дверь, она влетитъ въ окно.

Избави насъ, Боже, отъ глада, мора, воды, огня и иноплемннаго нашествія.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 29 Марта 1884 г.

Иванъ: Бѣда съ этими жидами! Не успѣлъ достроить хаты, обнести заборъ, развести садъ, огородъ, глядишь, а жидовъ, какъ клоповъ, набралось полныя щели, такъ что ни самому, ни дѣтямъ. повернуться негдѣ. Просто, хоть убирайся съ хаты!..

Гершко сзади: Здравствуйте, Иване, какъ се маетесь?

Иванъ: А ты чего здѣсь! Убирайся вонъ! У меня работы и безъ васъ много.

Гершко: Когда намъ такъ хорошо у Васъ; мы вамъ не мѣшаемъ работать, мы только поставимъ свои лавочки, заведемъ шиночки, будемъ деньги одолжать, вы сами зайдете—выпьете водочки, рабочему человѣку нужно подкрѣпитъ; у насъ можно и безъ денегъ... принесите мѣрку овса, или четверть жита, мы все принимаемъ.

Чергова алія: Шарон кличе сповняти сіоністичний (тут у значенні: патріотичний) обов'язок на «землі обітованій». Прощайте!

Самая производительная работа евреев в России.

Итальянскій Князь: Что, бѣдные, несчастные евреи, трудно русскаго мужика засадить въ мѣшокъ? дайте-ка, я вамъ помогу, отъ нечего дѣлать.

Еврей: Ничего, Ваше Сіятельство, мы сами это сдѣлаемъ такъ, что онъ и не замѣтитъ, какъ очутится въ жидовскомъ мѣшкѣ. Мы это дѣлаемъ тихонько, осторожно, приговаривая, что это для его же пользы; гдѣ-же Вамъ трудиться—мы сами все сдѣлаемъ, а Вы только руку приложите къ нашему труду.

Итальянскій Князь: Согласенъ, да не слишкомъ затягивайте мѣшокъ, чтобы не прорвался, а то достанется тогда Вамъ, вѣдь лапа у него медвѣжья.

А чому тільки в Росії? Не віддамо національних інтересів північному сусідові.

№ 5. ПО ПОВОДУ ТОЛКОВ ОБ УБИЙСТВАХ ЖИДАМИ ХРИСТИАНСКИХ МЛАДЕНЦЕВ

В начале нынешнего года много толков возбудила корреспонденция в “Соврем. известиях” из Перми, извещавшая об умерщвлении жидами, с религиозною целью, христианского младенца. Полемика, вызванная этой корреспонденцией, оборвалась почти в самом начале, хотя предмет ее заслуживает серьезного внимания и обстоятельного исследования. Газета “Русский мир”, по поводу слухов о существовании у одной из жидовских сект упомянутого обряда, вспоминает старое дело об убиении жидами христианских младенцев в Саратове. В декабре 1852 и феврале 1853 г., в Саратове жиды-сектаторы замучили до смерти двух христианских мальчиков. По этому делу возникли два судебных следствия и кончились — одно заключением следователя предать

дело воле Божьей, а другое — бегством из Саратова следователя, командированного туда от министерства внутренних дел. Наконец, в июне 1856 г. наряжено было третье следствие, ведение которого поручено особой комиссии, с правом окончательного суда над преступниками. Стараниями комиссии дело доведено до той степени, до которой по всем предыдущим 135 случаям этого рода еще никогда не удавалось доводить его. Содействием епископа саратовского Афанасия разобраны были документы, доказывавшие, что религиозное детоубийство у жидов не есть сказка, каковою его старались обыкновенно представить, но что наступило наконец время внести это изуверство в разряд фактов. Через посредство новокрещенного жида добыты были сектаторские мистические книги и другие, дотоле неизвестные материалы, из которых посвященный Афанасий составил записку. Из этой записки видно, что из всех жидовских сект, кров младенцев употребляет одна секта хасидов. Найденная в еврейской книге картинка действительно представляет истечение крови из младенцев. В кадке стоит человек с короною на голове с 10 зубцами, представляющими 10 заповедей, и на ней

написано: Шехина. Для совершения обряда истечения крови нужно присутствие пяти человек. Выпущенная кров, равно как и сосуд, в котором она сохраняется, почитаются священными, и женщина не имеет права до него касаться. Выпустив кровь из младенца, ее оставляют четыре недели, сушат и обращают в порошок. Кров употребляют при обрезании, при свадьбе, в мацу или опресноки на пасху, при смерти и в некоторых других случаях.

При обрезании кладут в стакан 10 капель крови, и совершающий обрезание раввин, омочив в кровь эту мизинец, дает ее новорожденному в рот 10 раз сряду, говоря при каждом разе: “Живи в этой крови” (бегда ме хаи); а ежели при обрезании не случится крови христианской, то дают ее на 13 году, когда дают заповеди; в обыкновенных же молитвенниках пишется об этом обряде, что раввин, обрѣзав младенца и взяв крови от крайней плоти, дает ее младенцу, говоря: “Живи твоею кровью” (бегда хаи). Истолкование этому обряду находится в книге под названием “Рамбан”, где объяснено, как надобно произносить “бегда ме хаи”. В мацу кладут кровь на каждые четыре пуда муки по 16 капель жидкости, или известное количество

порошка; потом мука эта сушится, тщательно перетирается, чтобы не было комков, и в таком виде, под названием муки для мацы, пускается в продажу. Кровь еще употребляется при браках, и при смерти. При истечении крови из младенцев должен присутствовать раввин; ежели он почему-либо не может быть при этом, то обязан дать от себя грамоту лицу, ему известному. Такую грамоту имел у себя еврей Янкель Юшкевичер, с 1828 года и жил в Саратове около 30 лет. Духовное начальство неоднократно требовало, чтобы его выслали; но всякий раз полицейские власти вступались за него, и он оставался в Саратове.

По высочайше утвержденному журналу комитета гг. министров постановлено было комиссии в обязанность, независимо от исследования самого факта преступления, обследовать в возможной степени догматы религиозного изуверства жидов. Случай поблагоприятствовал этой последней цели, свыше всякого ожидания собрано до 100 жидовских нецензурированных сочинений и множество писем, из которых и составлена была записка преосв. Афанасием. Сделанный из помянутых книг перевод отдельного листка из мистической книги “Летопись

блаженного Моисея”, основателя еврейской веры, замечателен по впечатлению, произведенному им при предъявлении Янкелю Юшкевичеру, который, по показанию свидетелей преступления, при совершении молитв по каким-то книжкам, производил обрезание и истечение крови у одного из убитых младенцев. При предъявлении ему этого листка жид упал на колени, побледнел и молил о пощаде, но потом оправился. Случай этот дает повод предполагать, что книга “Летопись блаженного Моисея” должна играть важную роль в религиозном детоубийстве жидов. Если притом припомнить, что в листке этом был найден завернутым лоскут холста, по разложению в медицинском совете оказавшийся замоченным в крови; что листок этот вместе с кровью был завернут в два другие лоскута печатной бумаги с текстами из Библии, и что все это вместе лежало в кивоте, где хранились все священные принадлежности жидовского богослужения, то нельзя не заключить, что книга эта приобретает еще больше важности. Другой отрывок из книги Седер-гишида шеек-песах-чин (устного предания или повествования о пасхе) замечателен по наглядности и по картинке, приложенной к тексту. Книга эта напечатана в Ливорно и включает в себе молитвы весьма древние. Впро-

чем, особого отличия от тех, которые печатаются в обыкновенных еврейских обрядниках (rituels), кроме рисунков и незначительных вариантов, как объяснил преосвященный Афанасий, она не имеет. Она найдена в числе других книг и рукописей у кубанских жидов, приехавших в Саратов во время совершения истязания над младенцами. Картинка представляет обнаженного человека, с венцом на голове, стоящего в кадке, с рукою, простертою на кровь, текущую из закальваемого младенца. Против этой фигуры, возле кадки, стоят два человека: один держит, наклонив над чаном младенца, а другой кривым ножом колет его в шейную вену, из которой кровь струится в кадку. Поодаль этих двух, сбоку, стоит еще человек, отворотившись от сцены, с младенцем на руках; еще поодаль, сзади, два лица, тоже в жидовских костюмах, из коих первый, с мечем при бедре, как будто отнимает младенца у упавшей пред ним на колена матери, без покрывала на голове и вообще в костюме не жидовском; другой, держа на руках младенца, отворотив голову на правую сторону, смотрит на другие три фигуры, также не жидовского рода, из которых две женские, закрыв лица платками, отирают слезы, а третья, мужская, в положении, выражающем чувства сильного душевного страдания. Картина эта

занимает место в ряду прочих, изображающих казни, посланные на Египет; над нею текст из книги Исход, гл. 10, 11 и 12, с толкованием раввинов. Сообразив картину эту с показаниями свидетелей преступления и актом осмотра трупов мальчиков, она приобретает еще большее значение. Так, по показанию губернского секретаря Крюгера, находившегося при истечении крови из мальчика в моленной, там было пять жидов при совершении этого обряда; на картинке их представлено также пять; шестой же, обнаженный, с короною на голове, при действии в моленной, вероятно подразумевался. По его же показанию, при совершении обряда было два действующих лица; мальчика держал в наклонном положении и, вырезав ему на плече кожу, величиною в гривенник, кривым ножом, открыли ему шейную вену и собирали кровь в таз. На картинке представлено тоже два действующих лица: мальчика держат в наклонном положении и кривым же ножом колют в шею; а раны на шее и плече, найденные на осмотре трупа, значатся в акте осмотра на том же месте, как изображены на картинке.

Сознание жидов в саратовском умерщвлении младенцев не было и не могло, конечно, быть без обличения их собственными религиозными

книгами и письмами, доступными только людям специальным, и при крайнем несовершенстве тогдашних форм судопроизводства; да и самые свидетели, очевидцы преступления, хотя и сознались, но на очных ставках с жидами они запутывали дело.

Подобных следствий было не мало; но все они затушались чьими-то всемогущими усилиями. Знаменитейшие из них в XIX веке — следствия по велижскому делу солдатки Максимовой (в 1823 г.) и по минскому делу 1833 г. Последнее кончилось тем, что многие жиды, замешанные в дело, повесились или отравились, а члены следственной комиссии, говорят, стали скоропостижно умирать.

Замечательно, что издававшаяся в Одессе, под редакцией А. И. Георгиевского, жидовская газета “Сион”, опровергая все слухи о существовании вообще у жидов такого варварского обряда, не отрицала положительно, что подобный обряд может существовать в секте хасидов, ожесточеннейших врагов христианства.

Іван Франко

№ 6. ШВИНДЕЛЕСА ПАРХЕНБЛИТА
ВАНДРІВКА З СЕЛА ДЕРИХЛОПИ
ДО АМЕРИКИ І НАЗАД

Глава І

*(Швинделес Пархенблит розказує про своє життя
в Дерихлопах і про зміну дерихлопської політики)*

собі жидок убогий
З тої коршми край дороги,
Що пошита з околіт.
Я сиділо літ півкопи
У громаді Дерихлопи
І велося мені гіт.
Трошки з бромфен шинкував я,
Трошки гроші позичав я
На стодвайцять п'ять перцент.
Я на борг дав, і на застав,
А все гоя я обшастав
І в кишеню капав цент.
Пан начальник від громаде
Із ціле громадське раде,

Все у мене раду мав,
Ту податки відбирали,
Ту судили, ту карали,
А я бромфен доливав.
Аж прийшло на мене цурес!
Пан староста, grojsse Purec,
Раз приїхав у село,
Та й до вїйта: де протоки,
Де табелі? Їй, нівроки,
В вїйта gur nischt не було.
Як поїхав пан староста,
На біду ще впав із моста
Разом з фіре до води,
Вїйт ізразу ще сміявся,
Але швидко він назнався,
Вай, великої біди.
Екзекутор за податки
Забирає всі монатки,
А післанцікарні бух,
День по дневі набігають,
Штроф за штрофом витягають,
Тягнуть з пана вїйта дух.
Як забрали все дочиста,
То приходить карта з міста:
Вїйт скасоване, як стій.
Надійшли нові вибори,
Став за вїйта дяк Григорій,

Подготовленіє къ сельскому приговору.

Сотскій: Ну, хлопци, могоарычъ выпили, такъ смотрите же, завтра на сходъ всѣ подавайте голосъ за Ицку.

Крестьяне: Ицку теперь нуженъ приговоръ, такъ онъ и прикидывается такимъ добрымъ, что хоть до раны приложи: и водку обѣщаетъ давать хорошую, и проценты малые брать, а получить приговоръ, такъ и начнетъ по прежнему душить нашего брата.

Ицко: Я даю не хорошую не крепкую водку?! Это для вашей же пользы, дурни вы такіе! Отъ крепкой водки голова сейчасъ заболитъ и больше двухъ чарокъ ты ее не выпьешь; а какъ разбавишь водой, то пей себя сколько хочешь, все равно что воду, а для большого смаку я прибавляю въ нее трошки хрѣну—и въ горлѣ деретъ, и за языкъ шиплетъ, и въ животѣ дуже добре.

Гершко: Вы кажете, что я проценты большіе беру?! Четыре гроша за рубль въ недѣлю, то много? А въ сосѣдней корчмѣ мой швагеръ Янкель беретъ по 6 и по 8 грошей въ недѣлю, и добрые люди не жалуются, а платятъ, да еще благодарятъ.

Петро: А мнѣ сдается, что намъ тыхъ жидовъ совсемъ неpotрибно на селѣ; чыжъ у насъ мало своихъ безземельныхъ, альбо отставныхъ солдатъ? Чыжъ то большая мудрость шинковать? Совсемъ, совсемъ жиды не потребны на селѣ!

Місцеве самоврядування по-українськи, або Національний склад ВР 2005 року.
Невже це 120 років тому, а не сьогодні?

Подготовленіе къ городскимъ выборамъ.

Гершко: Каждый свободно и непринужденно высказывает свое мнѣніе и подаетъ голосъ, за кого хочетъ; ну, и насъ никто не заставитъ подать голосъ за пана; мы лучше выберемъ своего брата—мѣщанина.

Иванъ: А може лучше Шлѣму Калцана?

Гершко: Не, не треба Шлѣму, а то скажутъ, что онъ жидъ, то и заступается за жидовъ. Мы лучше выберемъ Ивана Дурня, то будетъ еще лучше, чѣмъ жидъ. А знаете, якіи добрый человекъ Иванъ Дурень? За чарку водки, да за рубль сдѣлаетъ, что тебѣ угодно: хоть ты и шила не умѣешь держать въ рукахъ, а онъ дастъ тебѣ удостовѣреніе, что саложныхъ дѣлъ мастеръ, слѣд. ремесленникъ.

Петро: Вишь, какіе хитрые жиды! хотятъ что-бы наши же христіане дѣлали для жидовъ, что имъ нужно, а потомъ и смѣются съ насъ-же: это не жидъ, а вашъ христіанинъ льяница и взяточникъ! а имъ такого и нужно.

— Не допустимо нехтувати справедливістю: Гурвіца — в Одесу, Дейча — в Крим, Пінчука — в Дніпропетровськ, Суркіса — в Кончу-Заспу, Нестора — в Пущу-Водицю, гармоніста — у фільварок посеред Києва! Антисемітизм не пройде.

І почався клопіт мій.
У неділю скоро-рано
Війт нове з поліціяном
Прост до коршми: хто там був —
Чоловіки і кобіти,
І тверезе, і напите,
До арешту всіх замкнув.
Я кричу: гевалт, огиде,
А він каже: “Тихо, жиде,
Бо й тебе се не мине!
Знаєш право від п'янства?”
І бере він, проше панства,
Подає на штраф мене.
Як же всуне пан староста
Тих штрафів на мене до ста,
Я кричав, аж пейси рвав.
Війт смієсь: “Даремні крики!
Доберу я політики,
Щоб тя звідси чорт узяв”.
І від тої вже години
Я не мав спокійне днини:
Всюди війт мя дер і пік!
Я покинув шинкувати
І зачну вам розказати,
Як то я за море втік.

Глава II

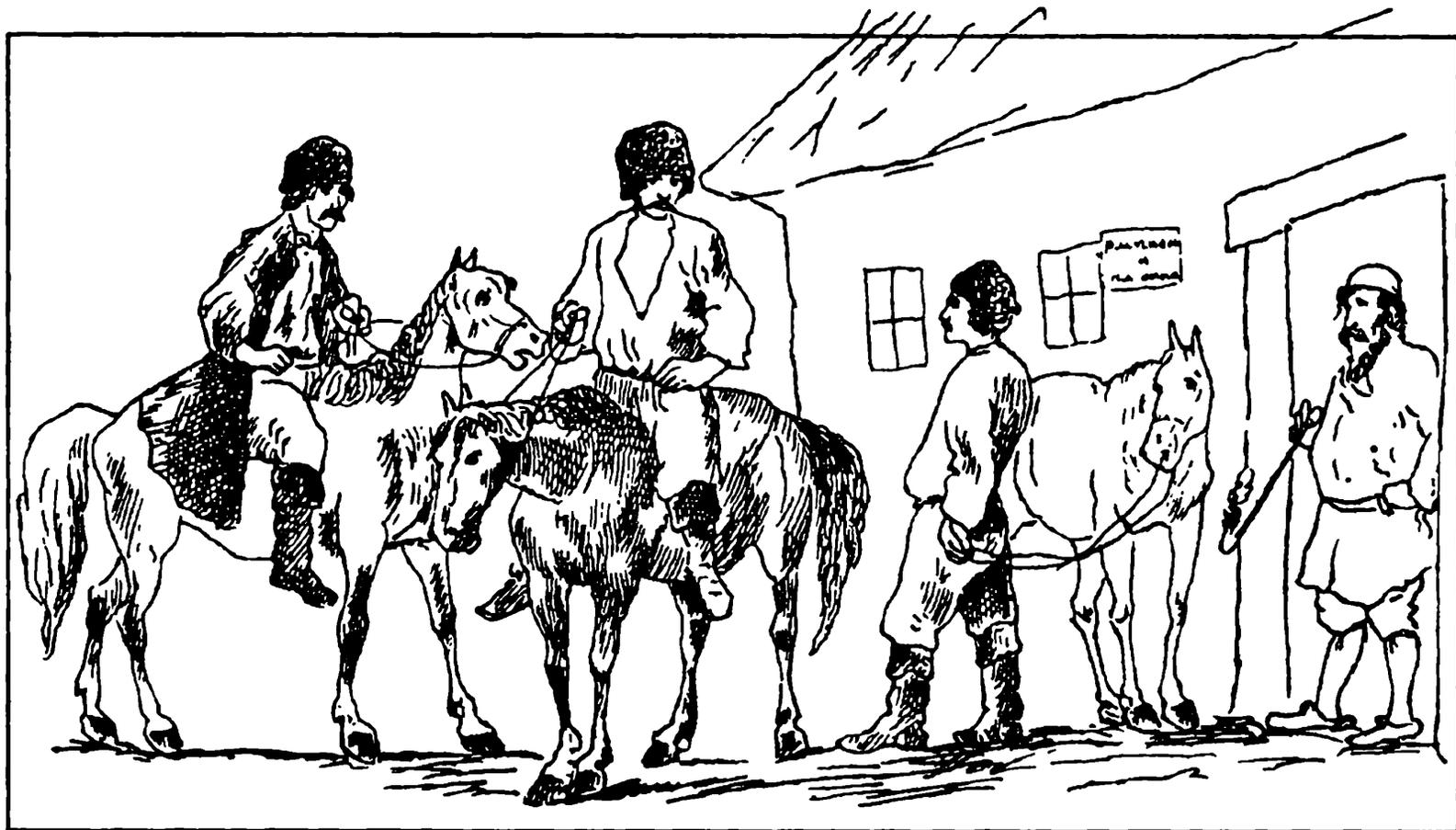
*(Чому то Швинделес покинув шинкувати
і до якого промислу опісля взявся?)*

Waj gesehrieen! Смутки, горе!
У неділю вїт Григоре,
Розказало, ніби цар:
Всі жінки і всі кобіти,
Чоловіки, хлопці й діти
Най зберуться на цвинтар.
Я гадаю: що там знову?
Беру шапку шабасову.
Руки в кишені вложив,
Та й іду. Аж там народу,
Ніби по свячену воду
Назійшлося, що аж див.
Там попи, чи три, чи штири
Щось читали і святили,
Я не знаю тої Sprach...
В тім із лавки із якоїсь
Ну ж один їм Schmiessen goisch, —
Розкричався так що страх:
— Жид покуса! Жид пїявка!
А горівка — чорта справка,
В пеклі робить ї сам чорт!
Як я вчув такої мови,
То не витерпів попові

І я крикнув Solech Wort:
— Ні, єгомосць, пощо сварке
Та ж горівки кожде варке,
З Tralles мірить пан в уряд!
Пропінацій чорт не має,
Но уряд цісарське дбає,
Щоб був richtig кожде Grad!
— Не топчіть жидів задармо!
Бо ще нині я жандарма
Запитаюсь, was is das,
Бідне нарід бунтувати,
І мені хліб відбирати?
Бо то бунти, а не Spass!
Піп, почувши то, змішався,
З лавки скочив та й сховався,
Але хлопи в гвалт і в крик:
— Проч, жидюго! Проч, пейсатий!
Як ти смієш ту кричати?
Бийте жида, де патик?
І були би мя побили,
Як бим не втекло в тій хвилі.
Не з добром мні то пішло,
Бо всі гої в гнів попали,
І всі враз, як там стояли,
Від горівки присягло,
Жду я день, і друге, й третє,
Мислю: чень то ви прийдете!

Ні, ні оден гої не йде!
Бромфен кисне, діти плачуть,
А по коршмі миші скачуть.
Де ж ви, гої, де ж ви, де?
Вай, наскочив страх на мене:
Я літаю, як скажене,
Плачу, б'юся, сам не свій...
Аж за тиждень, в вечір темне
Двері рипнуло коршемне,
Входить в хату кум Матій.
“Добрий вечір!” — “Добрий вечір!”
“А що, Швиндлю, — бачу преці
Війт дійшов тобі кінця” ...
“Szlach soll' i treffen! Най він згине”,
Щоб му дідько з домовини
Виверг маму і вітця!”
— Ха-ха-ха! Клени, небоже.
Ту клятьба вже не поможе,
Згинеш, як рак на мілі.
— Вай, Матію, будьте тихо!
Чи ще й ви для мене лихо
Ту ворожити прийшли?
— Видиш, як ти се доїло!
Ну, а хочеш вийти ціло,
А ще й війту допечи?
“Хочу!” — “Ну, то слухай ради:
Я ту хлопців нагромадив,

Притонъ конокрадовъ.

Доставлено Целуурою. Киевъ, 11 Февраля 1865 г.

Ицко: Кто тамъ? Чего беспокоите добрыхъ людей ночью?

Иванъ: Купи кони, дешево продадимъ.

Ицко: Дешево, бо, певно, трэфные?

Иванъ: А ежежъ не кошерные, альбо кошерные ночью продають? Самъ говорилъ: приводите кони, а теперь спрашиваетъ.

Ицко: А сколько за коня? По рублю и по двѣ чарки водки дамъ; берите, да скорѣй уходите, а то кто нибудь надойдетъ.

Иванъ: Мы ночь не спали, pracowали, а винъ по рублю за коня!

Ицко: Великая праца—взять коня съ поля! Самая большая праца будетъ моя: треба кони сховать, отправить сей-же часъ версть за 50, да скорѣй продать, чтобъ къ утру и слѣда никакого не было.

Прочіе: Бери, Иване, да скорѣй до дому. Добри люди жиды, а про нихъ говорятъ еще, что жиды мошенники: не будь Ицки, сегодня и не пробоваль-бы водки, а есть въ деревнѣ жидокъ,—то двѣ чарки, да еще рубль въ придачу, почти что даромъ.

Иванъ: Тебѣ хорошо, а каково тѣмъ. у кого мы кони украли?

Коней розікрали в XIX ст., у сьгоднішніх притонах перепродують крадені заводи, обл-енерго, різні комбінати, футболістів та інший живий товар.

Нарождающаяся новая аристократия в России.

- Иццо:** Что такое? домъ? Развѣ панъ забылъ, что вчера срокъ векселю; деньги неуплачены, слѣдовательно домъ мой.
- Господ:** Но домъ мой стоитъ 10,000 р., а по векселю я вамъ долженъ только двѣ тысячи.
- Иццо:** Какое мнѣ до этого дѣло; можетъ десять, а можетъ и тысячи не стоитъ. Я человекъ аккуратный: въ условіи написано, если въ срокъ не уплатите, то домъ будетъ мой; срокъ прошелъ, деньги не уплачены, слѣдовательно домъ мой.
-

Через 120 років при сприянні українських шевальє і кавалерствених дам народилися наші рідні, українські олігархи.

Буде празник уночі”.

“Що за празник?” — “Не цікався
А з горівков ту мі станься.

Тра для духу хлопцям дать,
А зладь скритки документій,
Що знесемо, щоб в моменті
Щезло, щоб сліду не знать”.

Зміркував я, що за люде,
— Ні, а що мні з того буде.

— Дурню, — рік мені Матій, —
В нас короткий торг злодійський:
Даш нам пити, даш нам їсти,
А товар цілий є твій.

— Гей, вельможнії панове,
Як я втішивсь з тої мове,
То й сказати трудно вам.

— От тепер я, глупе гої,
Вам заграю не такої!

От тепер вам духа дам!

Глава III

(Як Швинделес їздив радитися до рабина)

Стало голе вїйт як пупець,
Стало голе і заступець,
Стало голе й паламар.

І з коморе, і з оборо,
Хоч як бідкавсь вїйт Григоре,
 Все щезало, як в пожар,
Шість ревізіїв робили,
День у день шандри ходили
 І нічого не найшли.
А Матїй, старе злодюги,
Ще смієся з їх недуги:
 — Погубили десь ігли.
По селі пішла тривога,
Що за кара в пана Бога,
 Чи то вже кінчиться світ?
І я з ними тож смучуся,
І собі в кулак сміюся,
 Бо гефешт був дуже гіт
Що вно крало, то продав я,
Тисяч срібла наскладав я,
 А їм дав зо п'ятдесят.
Далі мислю: що то буде,
Як злодіїв зловлять люде?
 Треба рабина спитать.
Klal¹ — наняв я добре фуре,
Їду аж до Садагуре
 Zu dem Wunderrabbi там.
По дорозі віз теркоче,

¹ В жидівськїм жаргонї: отож, отак. — Авт.

А я мислю: що він схоче?
 Чи багато я му дам?
 В Садагурі славнім місті
 Жде жидів не сто, не двісті...
 В дверех iukel² mit dem Stock...
 — Кілько дати? — Zwanzig Ranesch,
 А за менше не дістанеш!
 Дав я, й двері він відмок.
 Ну, гадаю, — ту порядок!
 Що ж то схоче heil'gen Cadek,
 Сли мя Jukel так обдер!
 Але nebbesch³, що робити!
 Став я стиха ся молити.
 І запукав злегка в двер.
 Тільки я дверима скрипнув,
 А на мене рабин глипнув:
 — Ні, was hurt men, Parchenblut?
 Вай, яке ж оно учене!
 Гнеть пізнало все за мене!
 Я застив цілий як лід.
 Я до него наблизився
 І низенько поклонився,
 Цілував его халат,
 Rebe, — кажу, — heil'gen Cadek.

² *iukel* — назва жидівська: слуга.

³ *Nebbesch* — гебрейське: бідний, бідолаха. — Авт.

В мене дуже непорядок.

Дай мні Bensch⁴ und guten liat!

“Дуже кричу світом своїм,

Що ж як не п'ють горівки гоім

І збіднів я так, що страх.

Und ech musste handel machen

Erres mit gestonl'nen Sachen,

Und ech ferchte mach asach⁵.

Рабин — ох der Schlojme—Chuchem!⁶

Каже: Швиндлю, божим духом

Виджу — жде тя довга путь.

Йди тепер домів нівроку,

Здиблеш трьох жидів з востоку,

То вни раду ти дадуть.

Не лякайся жадне цурес,

Ворогів ти всіх обдуриш —

А сам вийдеш ціло! Klal, —

Лиш за жінку і за діти

Треба, Швиндлю, заплатити

Hundert Ranesch на кагал.

А мені дай hundred Ranesch.

То ще heil'gen Bensch дістанеш,

⁴ *Bensch* — слово гебрейське: благословення. — Авт.

⁵ І я мусив торг робити крихітку — краденими речами, — і дуже боюся.

⁶ *Schlojme-Chuchem* — Премудрий Соломон.

Що ні з вітру, ні з води.
 Нич тобі не станесь злого
 Ні від ворога лихого.
 Ну, тепер Gluk auf! Йди!
 Як я вийшов на подвірки,
 То пошкробався я гірки...
 Тільки гроше! Goll, mein Herr!
 Цадек, мудрий ти, auf Munes⁷,
 Но не знаєш ти Rachtunes⁸,
 Цадек, дуже ти мя здер!

Глава IV

*(Як рабинове пророцтво сповнилося
 і як ему Швенделес за то дякував)*

Як я їду з Садагуре,
 Аж надходять хмари буре,
 Я заїхав дуже в ліс:
 Ту болото страх глибоко,
 Темно, що хоч вийми око.
 Тільки громи блись та трись!
 Що робити? Тучи груба!
 Зліз я з воза, став під дуба,
 Фірман скулився при мні,

⁷ *Auf Munes* — на мою душу (клянусь).

⁸ *Rachtunes* — гебр.: милосердіє.

Аж ту з дебрів, і з потока,
Вийшли “три жиди з востока”,
Три розбійники страшні.
Всі три чорне, ніби круки,
А в руках їх грубе буки,
А кудлате, як медвідь...
Стали враз при моїм возі,
Гей, а хто ту став в дорозі?
Геть нам, кажуть, зараз їдь!
Und esch denk: Ага, не бійся!
Ану вхоплять та й повісять,
І що зробиш з глупе збуї!
І сиджу собі під дубом,
Тільки дуже дзвоню зубом
На велике клопіт муй.
А вни кажуть: “Нич не чути,
Ну то наше мусить бути
Віз і коні, — quite Sach!”
Та й сідають всі на фуре,
А на мні затерпло шкуре,
Заморозив мене страх.
Аж мій фірман в жаль велике
Як застогне з-під осике:
— Гвалт, ратуйте! То мій віз!
А я кажу: “Цить, ворони!”
А він каже: “Моє коні!”

Эмиграція въ Америку—III-й классъ.

Ицко: На что намъ земля безъ крестьянъ, мы сами ее обрабатывать не будемъ; лучше-бы намъ дали больше крестьянъ, а не давали-бы земли. Когда я былъ шинкаремъ на селъ, у меня земли не было, а возлѣ корчмы стоги хлѣба стояли, какъ у лучшаго хозяина, и подводъ, и работниковъ у меня было сколько хочешь—и все это за водку. Самъ помѣщикъ безъ меня ничего не могъ ни продать, ни купить, и со всего я получалъ прибыль.

Мойшене: А въ Америкѣ развѣ не пьютъ?—и тамъ пьютъ! и въ Америкѣ мы потихоньку заведемъ свои порядки. На Сахалинѣ Правительство запретило шинки, а одинъ ссыльный жидокъ началъ торговать водкой, и такъ хорошо торгуетъ, что скоро будетъ богачемъ; иѣтъ конкурентсвъ, гои боятся: имъ запрещено.

Яким відсталим було XIX століття!

Сьогоднішні Швинделеси мігрують на суперлайнерах і в бізнес-класі: на «землю обітовану» через Америку і назад у Дерихлопію.

Эмиграция въ Европу—II классъ.

Съ деньгами мнѣ вездѣ будетъ хорошо: поселюсь въ Парижѣ, сдѣлаюсь акціонеромъ Русско-французской Компаніи и по прежнему буду експлоатировать богатства Россіи.

Втеча в Західну Європу від антисемітизму, або Від небезпеки потрапити за ґрати за «заслуги в особливо крупних розмірах».

А я кажу: “Най їм біс!”
 А прокляте Ranbebruder
 Як учули той гармідер,
 Що ми в корчех підняли,
 Ще й регочуться над нами,
 Та по конях батогоми
 Що є сили затяли.
 Та й кричать нам: “Не сваріться,
 І о коні не журіться,
 Оддамо їх вам за рік,
 Лиш пожичте, будь ласкаве,
 Бо ми в дуже важне справе
 Їдемо до Америк!”
 Шлап-шлап-шлап, та й щезли в хвилі,
 Ми лиш руки заломили,
 Підняли і гвалт і крик.
 В лісі глухо, як в пустині...
 Ой гірке ж моє години!
 Хлоп хапає за патик...
 — Жиде, — каже, — хараиме,
 Віз і коні заплати ми!
 А я кажу: “Кум Штефан!
 Чень же є у вас сумліне,
 Матже прецінь побачіне,
 Та же й я тепер канцан!
 Що я мав — бігме не брешу!”

То вложив в стару бекешу
Тисяч срібла, Боже мой!
А бекеша з вашим возом
Ist gefuhren — страчу розум! —
Ist gefuhren mit злодій!”
Хлоп то вчув, засумувався,
А я в мислі засміявся, —
Бо в халяві від чобіт
Мав я гроші всі з собою
І пішли ми піхотою.

Хлоп кляв збуїв на чім світ,
Хлоп клине, а я втурую,
А fer mesh собі міркую:
— Чи мя рабин ошукав?
Cadek, — кажу, — мудрий Ребе,
Таки мудрий ти — для себе,
За що ти мні гроші взяв?
Правда три жиди з востоку
Раду нам дали нівроку, —
Швидко раду нам дали!
Як бим був їм в руки впався,
Був бим і з житєм розстався
І зидиндав на гіллі!
Ребе, я по твоїм слові
Бачу, що ти з ними в змові,
Сам послав за мною їх!

Rebe, ти не богомільник,
 Але злодій і розбійник,
 Danen Faten chap der Riech!⁹

Глава V

*(Як Швинделес вернувся до свого села
 і як ще швидше вернувся до своєї сім'ї)*

Вже мої зближались стопи
 До громади Дерихлопи, —
 Аж ту бачу — що за біс!
 Без чобіт і без кибалке¹⁰
 Надбігає моя Малке...
 — Малке, — крикнув я, — wus is?
 “Ах, — говорить, — Tate Leiben,
 Я тебе шукаю ејбен, —
 Добре, щом тя тут найшла!
 Там злодіїв половили
 І вже коршму обступили —
 Не показуйсь до села!
 — Гої люті суть без міри,
 Б'ють злодіїв, днуть до шкіри,
 Водять босих по терну, —
 Лиш Матій не признається,

⁹ «Нехай чорт візьме твого батька!»

¹⁰ Кибалка — хустка, пов'язана на голові.

А на тебе він здається,
Покладає всю вину
— Ох, коли б ти бачив, тату,
Як они днесь нашу хату
Обступили з криком — ох!
— Де жидюга! Гей, в'яжіть го!
К чорту з ним! На кусні рвіть го!
Бийте, щоб ту зараз здох!
— Верглись зараз в закамарки,
Обсмотрили кожде шпарки,
Я не знаю, що знайшли, —
Все валили і ламали, —
А ми, Tate, не чекали,
Та в лопуше утекли!
Як я вчув такої повість,
В мні стряслася дуже совість,
Аж ми в грудях сперло дух,
Підо мнов дилькочуть ноги,
І з великої тривоги
Остовпів я і оглух.
Враз я втішивсь, аж підскочив!
Що мні рабин напрозорочив,
То сповняєсь без біди!
— Малке, — кажу, — не лякайся
Тихо до села вертайся
І всі Bucher познайди!

В місто йдять шукать притулку, —
 На тобі отсю цедулку
 А пильнуй auf jedan Fall.
 З нев до рабина удайся, —
 То тогди вже не лякайся,
 Батьком стане вам кагал.
 “...А ти де відходиш, тату?”
 Ох, я мушу утікати
 Геть далеко в чужину!
 Будь здорова, meine Malke, —
 Поцілуй дрібне ковалке!
 Ну, lejb wohl! Ну, geј-же, ну!
 Щезла Malke у деберці,
 А мні так чогось на серці,
 Стало тяжко — Адупої!
 Жадне звір не є так дикий,
 Жадне страх не так великий
 Як скажений руський гой!
 Що робити? Де втікати?
 Так то я зачав гадати, —
 В тім мені розблис пет Blick!
 Що ту довго міркувати?
 Їде там жидів багато, —
 Їдьмо й ми nach Amerik!
 Як усе то зміркував я,
 Аж тогди то нагадав я,

Що мні рабин те прорік
І що збуї так казали,
Як мні коні й віз забрали —
 Їдемо nach Amerik!
І сказав я: мудрий Rebe!
Таки, таки через тебе
 Від нещастя я відбіг!
Най ти Бог дасть вік хороший
І здоровлє, й много грошей,
 А мені простить мій гріх!

Глава VI

(Як Швинделес перший раз їхав залізницею)

Як задумав я втікати,
Почав в місті розпитати:
 Чи далеко Америк?
А мні кажуть: Waj, Geseres!
Там ся пішки не добереш,
 Хоч би йшов ти весь свій вік.
Тра минати краї ріжні
По дорозі по залізній,
 Плисти море півперек, —
А краї ті — страх широке,
А те море — страх глибоке, —

Is a waater, waater Weq¹¹!
 Але в Бродах, славнім місті,
 Є жидів не сто, не двісті,
 Що з Росії утекли,
 Тим ангельці і французе
 Шлють монети много дуже,
 Щоб за море поплили.
 Як я вчув такої вісти,
 То подумав: добре сісти
 По дорозі в чуже віз,
 Зиск не зиск, а все ж не шкоде!
 Ну-ко, fuhren mer ken Brode!
 Nift mir nur, Schelojne Suss¹²!
 Я не їздив ще ніколи
 По залізне той колій.
 Та й не знав звичаю там.
 На дворець той mach ech pleite¹³
 Та й кричу: мні віз давайте!
 Щоб я їхав тільки сам!
 Там якійсь стояли вкупці,
 Озирались та й сміються:
 — Що так прудко рветесь геть?

¹¹ «Се далека, далека дорога».

¹² Ну-ко, їдьмо до Бродів!

Тільки поможи мені, солодкий солодкий
сотворителю.

¹³ Біжу, дранцюю.

Ще заждіть годинку часу,
Аж пани отворять касу
То дістанете білет.
— Ні, нащо мені чекати?
І нащо білети брати?
Ні, wus tojqt mir ваш білет?
Я до Бродів хочу fuhren,
Не чекати ту, як дурень, —
Віз давайте, та й то гнеть!
Як почули Solech' Schmissen,
То я мислив, що вно трісне
— Га, сли квайно, — рік один,
То сідайте, пок ще пізне,
На отсе тачки залізне
Та й поїдем в магазин.
Я зачав уже сідати, —
Вно як станесь реготати, —
Я пізнав, що все те Spass, —
Розкричавсь і аж по хвилі
Ледво вно мні об'яснило,
Як ту їдесь, в який час.
Ни, купив я те цедулке
Та й натис на лоб ярмулке,
Та й біжу, рознявши рот.
Аж ту в крик якесть огиде
З синє мундур: “Де ти, жиде?”

Und ech sug: Ech fuhr ken Brod¹⁴!
 — Ба, та в другу клясу лізти? —
 — Ни, а де ж я маю сісти?
 Nov ech doch a Gold gezuhlt!
 — Марш у третю! — Ні, там тісно!
 А він хап за карк мя міцно, —
 А я в крик: “Aj Waj, Gewalt!”
 Він не дбав на те! Як дідьки
 Пхнув мя до такої клітки,
 Де вже стиск був, що аж гей!
 Як дверима він талапнув,
 Та й халат мені прицапнув,
 І прип’яв мя до дверей.
 Я клянущ, а він смієся,
 Я торсну, халат мій дресья,
 Він побіг, а всі у сміх.
 А я кажу: horste, люде,
 Що тепер зо мною буде?
 А вни кажуть: стій на ніг!
 Ни, я виджу: що ділати?
 Зачинаю я стояти?
 Скуливсь, як щур у ланці,
 В тім як свисне, як затрибить, —
 А я крикнув: Дибик! Дибик!¹⁵

¹⁴ Я їду до Бродів.

¹⁵ Чорт! Чорт!

Скочив, а халат лиш пуррр!
— Люде, що то за причина?

А вно кажуть: то машина.

— Як машина? — кажу я. —

В нас машина січку ріже,
А то-то бо з нами лізе?

Вај, то Дибик, смерть моя!
А дивіть, як лізе бистрі,
Як фучить із дим і іскри!

Вај, то Дибик, — я втечу!
Отворіть! — та й б'ю до шибки,
Аж ту пан із синє швинки

Ззаду бух мя по плечу:
— Ти не тихо ще, кудлаю!
— Проше пана, я втікаю!

Ту нечиста сила от! —
Він регочесь до розболю:
— Дай білет, нехай проколю!
— Ні, за що єму колоть?

Вај, було для мене клопіт!
Як почався дреньк і лопіт,
Брязк і тряскіт, глум і шум.

Я аж уха затикаю,
А трясуся, аж зітхаю,

Обгорнув мні серце сум,
— Gott gerechter — шепчу стиха, —

Переселеніе Черниговцевъ въ Сибирь.

Осталь: Погляди, дитя, вотъ эти люди, жиды, выгоняють насъ съ домовъ, съ родной деревни, съ мѣстъ, гдѣ жили и похоронены наши дѣды и прадѣды. Пока было мало у насъ жидовъ и не позволяли имъ арендовать землю, то еще намъ можно было жить, а теперь жиды заарендовали у пановъ всю землю, а намъ передають въ тридорога, такъ что нѣтъ мочи: семья прибываетъ, а земля все таже, что было довольно для троихъ, того мало для шестерыхъ—хоть съ мѣста, да въ всду.

Гершко: Счастливей дороги, Остапа! Идите, идите—намъ больше останется мѣста. Только не всъ выходите, чтобъ было кому жидамъ дрова рубать, поля пахать и засѣвать, водку въ шинкахъ пить—до тяжелой и черной работы жиды не сдѣтны, они занимаютя только чистой панской работой; а якъ пообживетесь на новыхъ мѣстахъ, да зарабатаете немного денегъ, то мы къ вамъ и туда придемъ—настроимъ шиночковъ, наставимъ лавочекъ, будемъ деньги на проценты одолжать—жиды безъ мужиковъ жить не могутъ, они дуже ихъ любятъ.

Що змінилося за 120 років?

— У ХІХ ст. переселялися в Сибір, а в ХХІ-му нелегально тікають на заробітки в Чехію і Італію, Португалію і Іспанію. І ще: в ХІХ-му переселялися сотнями, а в ХХІ-му тікають мільйонами.

Народу стало багато, кожному своя дорога.

Ще сей раз ратуй мя з лиха,
 Най вже буду я капцан,
 Но кленуся твоїй волі,
 Що не буду вже ніколи
 Fahren mit de trejfne Bahn!¹⁶

Глава VII

*(Швинделеса політична розмова
 з містером Олсфантом)*

Як приїхав я до Бродів, —
 Ох, який там стиск народів!
 Klaf da qieb ech glaach a kick¹⁷
 І питаю: “Пан той де ту,
 Що жидам дає монету
 Zu der Reis nach Amerik?¹⁸
 Як вказали мні будинки,
 Я, не ждучи ні хвилинки,
 Йду в покої, як у дим;
 Дивлюсь — пан в не нашім строю
 При столі сидить в покою.
 Бух! Укляк я перед ним.
 — Ротшільд, — кажу, — наш месіє,
 Змилуйсь mit de urem Brie¹⁹

¹⁶ Їхати нечистою дорогою.

¹⁷

¹⁸ на подорож до Америки

¹⁹

Поможи спасти жите!
Люте гої, як скажене,
Напосілися на мене,
Вимели, мов те сміте!
А панок сміється дуже:
— Я не Ротшільд, добрий друже
Я звусь містер Олефант!

*(На цьому друк твору І. Франка
(підпис "Мирон") в сатиричному журналі
"Нове дзеркало" призупиняється
і чи був закінчений автором
"Швинделес Пархенблит" —
невідомо. — Упор.)*

Іван Франко

Співніч. Глухо. Зимно. Вітер виє.
Я змерз. І випало з холодних пальців
Перо. І мозок стомлений відмовив
Вже послуху.

В душі — глибока павза.
Ні думка, ні чуття, ні біль — ніщо.
В ній не ворухиться. Замерзло все,
Немов гнилий в гущавині ставок
Якого темну воду не ворухить
Вітровий подих...

Але цить! Се що?
Чи втоплені з болотяного дна
Встають із хвиль вонючих простягають
Опухлії зеленкуваті руки?
І голос чути, зойк, ридання, стогін —
Не дійсний голос, але щось далеке,

Слабе, марне, тїнь голосу, зїтханнє,
Чутне лиш серцю, та яке ж болюче,
Яке болюче!..

— Тату! Тату! Тату!

Се — ми твої невродженї діти!

Се — ми, твої невиспїванї спїви,

Перед часом утоплєні в багнюцї!

О, глянь на нас! О, простягни нам руку!

Поклич до свїтла нас! Поклич до сонця!

Там весело — нехай ми тут не чахнем!

Там гарно так — хай ми тут не гниємо!

— Не вийдете на свїтло, небожата!

Не вивести вже вас менї до сонця!

Я сам оце лежу у темнїй ямї,

Я сам гнию тут, до землї прибитий,

А з диким реготом по моїх грудях

Тупоче, б'є моя лихая доля!

І ще раз чути! — “Тату! Тату! Тату!

Нам зимно тут! Огрїй нас! Лиш дихни

Теплом, що з серця йде, повїй весною,

А ми пурхнем, оживемо, заграєм!

Наповнимо твою сумну хатину,

Арабських пахощів на своїх крилах

Нанесемо, килимом пишнобарвним

Розстелимось під твоїми ногами.
Лише тепла нам! Серця! Серця! Серця!”

— Де ж я тепла візьму вам, небожата?
Уста мої заціпило морозом,
А серце в мене вижерла гадюка.

(1897)

Іван Франко

ПІР'Я

Возвіяне злими юрбами
Мов снігу платки з-над руїн,
Летиш ти до хмари з вітрами, —
О пір'я з жидівських перин!

Мов сніг ти летиш аж до хмари,
Вкриваєш поля мов килим,
О свідку великої кари, —
О пір'я з жидівських перин!

Знать, бачити горя не хочеш,
Що ми тут в тій хвилі терпим.
Сніжними крильцями тріпочеш, —
О пір'я з жидівських перин!

Як грубі мужицькїї руки
Рвуть наше добро без причин
І нам завдають люті муки, —
О пір'я з жидівських перин!

Як наші хати розкидають
Аж геть до послідніх долин,
Як наші шинки розбивать, —
О пір'я з жидівських перин!

Весь город від краю до краю —
Руїна одна, плач один!
Гляди ж на тих варварів зграю, —
О пір'я з жидівських перин!

Гляди, що тут нашої страти,
Що наших тут впаде сльозин, —
Щоб Богу все те розказати, —
О пір'я з жидівських перин!

Най наші всі зважить терпіння,
До нашого горя долин
Най шле нам потіхи проміння, —
О пір'я з жидівських перин!

Най тямить, що люд ми ізбраний,
Його найукоханий син,
Годований зернами манни, —
О пір'я з жидівських перин!

Най дасть нам народ сей посісти,
Най дасть нам помститись над ним,
Неси, о неси 'му ті вісти, —
О пір'я з жидівських перин!

№ 7. ИСТОРИЯ О ПОВЕШЕННОМ, ИЛИ ИСТОРИЯ ЙЕШУ ИЗ НАЦРАТА

От переводчика

В “Истории о повешенном” собраны предания о Йешу (Иисусе Христе) и первых христианах, содержащиеся в Талмуде и мидрашах. Эта небольшая по объему книга составлена много столетий назад. Известный исследователь древней и средневековой еврейской литературы д-р Шмуэль Краус в своей книге “Das Leben Jesu” (Берлин, 1902) высказывает предположение, что “История о повешенном” была написана на арамейском языке, вероятно, еще в V в. н. э., но не позднее XI века. Позже, очевидно, в XI–XII вв., во времена Раши и Рамбама, когда арамейский язык перестал быть разговорным языком значительной части еврейского народа, книга была переведена на иврит.

В те времена евреи в Испании, Франции, Италии, Германии начинают подвергаться жес-

токим преследованиям со стороны христианских правителей этих стран. “История о повешенном” пользовалась большой популярностью в самых широких еврейских массах. Есть основания полагать, что в это время в “Историю о повешенном” были включены дополнительные предания из Талмуда, а также отдельные элементы того, что можно назвать еврейским народным творчеством.

Поскольку Йешу представлен в этой книге в весьма неприглядном свете, то понятно, что переписчики и читатели “Истории о повешенном” старались не придавать ей излишней гласности, во всяком случае предпринимали усилия, чтобы она не попала в руки христиан. Тем не менее в 1681 году некий немец по фамилии Вагензайль опубликовал латинский перевод “Истории”, назвав ее “Проделки дьявола” (“Tela ignae Satanae”). Позже были опубликованы переводы “Истории о повешенном” на многие другие языки. Настоящий перевод выполнен с ивритского текста, опубликованного в книге “Оцар викухим” (“Собрание диспутов”), изданной в конце 20-х годов в Нью-Йорке И.-Д. Азенштайном.

Еврейские мудрецы не считали “Историю о повешенном” достаточно авторитетным

источником. Причина такого отношения заключалась, в частности, в том, что некоторые из приводимых в этой книге рассказов либо вообще отсутствуют в талмудической литературе, либо значительно отличаются от того, что говорится в Талмуде о Йешу. С другой стороны, многие утверждения, содержащиеся в “Истории о повешенном”, — и порой самые неожиданные на первый взгляд, — находят подтверждение во вполне авторитетных источниках. Так, например, Раши в своем комментарии к Талмуду пишет, ссылаясь на “Историю о повешенном”, что апостолы были подсланы еврейскими мудрецами к христианам с тем, чтобы побудить их окончательно отделиться от евреев. В целом можно сказать, что несмотря на расхождения в деталях талмудические источники и “История о повешенном” едины в своем отношении к Йешу и христианству.

Еврейский народ всегда — с момента возникновения христианства и по сей день — с глубочайшим презрением относился к этой религии, рассматривая христианскую догму как нагромождение глупостей и несуразностей, а христианскую мораль — как лживую и лицемерную. Евреи старались даже не упоминать

имени основателя этой религии, разве что в тех случаях, когда христиане принуждали их вести с ними теологические диспуты. В христианской идеологии евреи не видели для себя никакой опасности. Если, к примеру, в учении т. н. цдуким (саддукеев) Талмуд усматривал серьезную угрозу самим основам еврейского вероучения, то претензии Йешу и его последователей вызывали лишь презрительную усмешку. Безграмотные и до смешного наивные толкования Танаха (Библии) христианами не могли, конечно, всерьез воспринимать евреи, знакомые с истинным значением текстов священных книг. Ни христианская вера, ни образ жизни христиан не привлекали евреев. Напротив, разнузданность нравов христианских народов, их жестокость и кровожадность, их отношение к евреям вызывали у наших предков лишь отвращение и страх. Никаких высоких идей, великих мыслей, ничего духовного христианство не могло предложить еврейскому народу, с которым Сам Всевышний заключил в Синае нерасторжимый союз.

Однако, находясь на протяжении многих веков среди народов, кощунственно объявивших Йешу “богочеловеком” или даже просто “богом”, евреи вынуждены были иметь все же

какое-то представление как о жизни и деятельности этого человека, так и об основах христианского вероучения. И надо полагать, что такое представление у них было: они не могли не слышать рассказов о чудесах, которые якобы творил Иешу, о преследованиях, которым подвергали его евреи, и т. п. Но все эти рассказы они слышали от христиан, верить которым у них не было оснований, и, очевидно, у них возникала потребность узнать о тех же событиях из собственных, еврейских источников.

О том, что такая потребность действительно была, красноречиво свидетельствует тот факт, что до наших дней дошло несколько десятков вариантов “Истории о повешенном”.

Следует отметить, что жизненный путь Иешу и история возникновения христианства в описании автора (или авторов) “Истории о повешенном” значительно отличаются от того, что утверждается евангелиями и прочей христианской литературой. Это и неудивительно: автор “Истории о повешенном” вряд ли считал нужным изучать Евангелия.

Вполне вероятно, что в “Истории о повешенном” есть исторические неточности, искажения и т. п. Но можно смело утверждать, что эта небольшая книжка-памфлет (занимая, ко-

нечно, свое, значительно более скромное место по сравнению с глубокой, непоколебимой верой во Всевышнего и Его Тору) помогала еврею в христианской Европе сохранить духовное равновесие, выдержать натиск христианской пропаганды, нередко сопровождавшийся преследованиями, жестокость которых превосходила все, что может представить себе человеческое воображение.

Настоящий перевод “Истории о повешенном” предназначен в первую очередь для тех русскоязычных евреев, которые, — мы с сожалением вынуждены констатировать этот факт, — как правило, совершенно незнакомы с великими духовными ценностями иудаизма, с основами веры и культуры своего народа, но зато нередко с уважением (пусть безотчетным, подсознательным) относятся к христианству и тесно с ним связанной европейской культуре. Думается, что нашим читателям небезынтересно будет узнать, как относились их предки к Иешу и основанной им религии.

Перевод с иврита
П. ГИЛЬ

Друкується за другим виданням:
“ПРОГРЕСС” ИЕРУСАЛИМ
5758 (1998)

1 В три тысячи семьсот шестидесятом году от сотворения мира¹, во времена Гордуса Второго, царицы Елены и Тиберия, императора римского, жил человек, потомок, царя Давида, и звали его Йосеф Пандера. И была у него жена, которую звали Мирьям. А человек тот был богобоязненный и учился в бейт-гамидраше². Соседом этого Йосефа был один злодей по имени Йоханан, преступник и развратник. Мирьям же была очень красивой женщиной. И приглянулась она злодею Йоханану, и он постоянно ходил за нею следом так, чтобы она его не заметила, и стоял около дверей ее дома, пока не улучил подходящий момент.

В месяце нисан, на исходе праздника Песах, на исходе субботы, в полночь, когда Йосеф поднялся и пошел в бейт-гамидраш, тот злодей занял его место и овладел Мирьям, а она думала, что это ее муж. И Мирьям забеременела от него. А Йоханан пошел себе. Когда

¹ Нулевой год по христианскому летоисчислению. Следует отметить, что в разных рукописях «Истории о повешенном» указываются разные даты рождения Йешу.

² Место изучения Торы.

же Йосеф вернулся из бейт-гамидраша, жена рассказала ему, что произошло, и он понял, что это был его сосед Йоханан.

Тяжело стало у него на душе, и подумал он о том, чтобы оставить Мирьям. И посоветовался он со своим учителем в бейт-гамидраше, рассказав ему обо всем, что случилось. Потом простился он с учителем и ушел в Вавилонию.

В положенное время родила Мирьям сына и назвала его Йешуа — в честь своего дяди, и обрезали его на восьмой день. И стало известно людям то, что сделал Йоханан, и все смеялись над нею.

А когда подрос Йешуа, то учился в бейт-гамидраше, и был этот Йешуа смышлен и выучивал за один день столько, сколько другому пришлось бы учить много дней. И так говорили мудрецы наши, благословенна память их: “Мамзерим³ — смышлены”.

2 По прошествии тридцати лет шел как-то учитель Йешуа по базару, и с ним два других мудреца. А по обычаю, когда проходили ученики перед учеными людьми, то преклоняли

³ Мамзер (мн. мамзерим) — ребенок, рожденный замужней женщиной от постороннего мужчины.

колена и покрывали голову в знак уважения к учителю своему. Йешуа же этот прошел перед своим учителем и другими мудрецами, гордо выпятив грудь и с непокрытой головой. И сказал один из мудрецов: “По его дерзости видно, что он мамзер”.

На следующий день сидел учитель в бейт-гамидраше и обучал своих учеников разделу Незикин. И пришел туда Йешуа и начал обучать учеников законам. Сказал ему один из мудрецов:

— Не так ли ты учил: “Ученик, который обучает кого-либо законам в присутствии своего учителя, должен быть предан смерти?”

Йешуа же нахально ответил тому мудрецу:

— А кто учитель и кто ученик? Кто был мудрее — Моше или Йитро? Если вы скажете, что Моше, потому что он отец всех пророков и глава всех мудрецов и Тора говорит о нем: “И не было более пророка в Израиле, подобного Моше”⁴, тогда как же это Йитро-нееврей указывал Моше, как правильно поступать, говоря ему: “Нехорошо то, что ты делаешь. Истощишься и ты, и народ этот, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это

⁴ Дварим, 34:10.

дело — не сможешь один совершать его. Теперь послушайся меня, посоветую тебе, и будет Бог с тобою⁵” А если скажете, что Йитро мудрее Моше, то получается, что вовсе не велик был Моше.

Когда слышали мудрецы эти речи, то сказали:

— Если он ведет себя так нагло, надо хорошенько проверить его родословную: кто его отец и мать, из какой семьи он и что люди о нем говорят.

Послали человека к матери Йешуа и спросили ее, и рассказала она, что это ее сын Йешуа, а муж Йосеф Пандера, оставил ее, и она не знает, где он. И когда услышал учитель Йешуа, как звали ее мужа, и что она — мать Йешуа, вспомнилось ему то, что рассказал ему Йосеф прежде, чем ушел в Вавилонию. И стало известно, что Йешуа — мамзер.

И когда узнал Йешуа, что это стало известно, убежал в Иерусалим.

3 В те дни власть над Израилем была в руках Елены. Что сделал Иешуа? Вошел в Храм, а там был Краеугольный камень — тот

⁵ Шмот, 18:17-19.

самый, на который праотец наш Яков, благословенна память его, возлил елей⁶. А на Краугольном камне было высечено Тайное Имя Бога — *Шем Гамефораиш*, и каждый, кто знал его тайну, мог делать какие угодно чудеса. А Йешуа знал тайну. Мудрецы же Израиля очень опасались того, что молодые люди узнают тайну и будут совершать недопустимые поступки. И чтобы избежать этого, сделали двух медных львов, которые были подвешены на двух железных столбах при воротах того зала в Храме, где находился камень. И если кто-нибудь входил, чтобы выучить буквы *Шем Гамефораиш*, то при выходе львы рычали на него, и он тут же забывал *Шем Гамефораиш*. Если же он записывал буквы на куске пергамента, то львы не давали ему выйти. Что же сделал Йешуа? Написал буквы на куске пергамента, разорвал кожу на бедре, положил пергамент под кожу, произнес *Шем Гамефораиш* — и кожа на ране закрылась, спрятав под собой кусок пергамента. Когда он выходил, львы рычали на него, и он забыл то, что выучил, но пергамент остался при нем. Затем он снова разорвал кожу на бедре, вынул пергамент, выучил буквы и,

⁶ См. Брейшит, 28:18.

произнося *Шем Гамефораш*, закрыл кожу на ране. И стал делать разные чудеса, произнеся *Шем Гамефораш*.

4 И когда увидел Йешу⁷, что он может делать такие дела, то пошел и собрал триста десять образованных юношей и так сказал им:

— Вы знаете сказанное: “весь Израиль⁸ — есть у них доля в будущем мире”⁹; слово “Израиль” [Исраэль] означает “человек видел Бога” [иш раа эль], и этот человек — я. Имя мое, Йешу, происходит от слова “есть” [йеш]; вас же — триста десять человек, т. е. “есть”¹⁰, а сказано: “Я хожу по путям правды, по стезям правосудия. Чтобы дать в наследство любящим меня, есть [у меня добро], и сокровищницы их наполню”¹¹. Я хочу сказать, что вам предстоит давать в наследство будущий мир, если уверуете в меня. И если пойдете за мною,

⁷ Иешу — форма имени Йешуа.

⁸ «Весь Израиль» — все евреи, весь еврейский народ.

⁹ Мишна, Сангедрин, 11:1.

¹⁰ Числовое значение (гиматрия) слова «йеш» — 310: ' = 10, = 300. Евреи же толковали имя Йешу как аббревиатуру слов (йимах шмо везихро) — «да сотрутся имя его и память о нем».

¹¹ Мишлей, 8:20,21.

то уверуете, что я — сын Божий и пришел в этот мир по указу отца моего небесного, и все, что пророчествовали пророки о Мессии, — обо мне пророчествовали. И доказательством этому служат слова пророка Йешаягу, сказанные про меня и мою мать: “Вот, эта альма забеременеет, и родит сына, и назовет его именем Иммануэль”¹². А моя мать забеременела от духа святого и родила меня¹³. И обо мне пророчествовал пророк прежде, чем я пришел в этот мир: “Пой и веселись, дочь Сиона, ибо вот Я прихожу и обитать буду у тебя”¹⁴. И еще одно доказательство того, что Бог послал меня и родил меня. Говорится в Тегилим¹⁵, что мой предок Давид, мир праху его, поступил по велению духа святого, когда сказал: “Расскажу о решении: Бог сказал мне: сын Мой ты, сегодня я родил тебя”¹⁶. И я знаю, что соберутся мудрецы Израиля и будут говорить, что я мамзер, и приговорят меня к смерти. Но я не бо-

¹² Йешаягу, 7:14.

¹³ Йешу понимает слово альма как «девственница», на самом же деле оно означает «молодая женщина».

¹⁴ Зхарья, 2:14.

¹⁵ Тегилим — книга Псалмов.

¹⁶ Тегилим, 2:7.

юсь их и не удивляюсь этому, ибо так и должно быть, как сказал предок мой Давид: “Почему волнуются народы и племена замышляют тщетное? Встают цари земли и властелины совещаются вместе — против Бога и против Мессии Его: “Разорвем узы их и сбросим с себя пута их!” Сидящий в небесах усмехается. Бог насмехается над ними. Тогда заговорит Он с ними в гневе Своем и в ярости Своей наведет на них страх. Ведь Я поставил царя Моего над Сионом, горой святой Моей!”¹⁷. То есть, это я помазан Богом на царствование над Сионом, и там откроется святость моя.

И сказал Йешу юношам:

— Если пойдете вы моим путем, чтобы соблюдать заповеди мои, то будет со мною вместе в раю.

Тогда сказали ему юноши:

— Если ты тот, за кого себя выдаешь, докажи нам это каким-нибудь знаком.

Сказал им Йешу:

— Какой знак вам нужен от меня?

Сказали ему:

— Сделай так, чтобы хромым смог ходить.

¹⁷ Тегилим, 2:1-6.

И сказал он:

— Сделаю.

Немедленно пошли они и привели к нему человека, который от рождения был хром. Иешу произнес *Шем Гамефораиш* и возложил на него свою руку, и тот излечился. Потом привели к нему прокаженного, и он вылечил и его. И когда увидели юноши эти чудеса, поклонились ему, и много преступников и всякого сброда присоединилось к тем юношам и поверили, что Иешу — Мессия.

5 И когда увидели мудрецы Израиля, что многие невежды верят в Иешу, посоветовались друг с другом и решили схватить его. Привели они его к царице Елене, которая правила тогда страной, и сказали ей:

— Этого человека зовут Иешу, он мамзер и с помощью колдовства может делать большие чудеса, и таким образом вводит людей в заблуждение, говоря, что он сын Бога и Мессия. Поэтому мы его поймали и привели к тебе на суд, потому что он заслуживает смерти.

Тогда Иешу сказал:

— Царица! Обо мне пророчествовали пророки, как сказано: “И выйдет отросток из ство-

ла Йишая, и из корней его даст плоды побег”¹⁸, а ведь я происхожу из ствола его и из корней его, и обо мне написано: “Счастлив человек, который не поступал по совету злодеев”¹⁹. А слово “человек” — по гиматрии то же, что “Йешу”.

Тогда ответили мудрецы:

— Госпожа наша царица! Не верь речам этого человека. О нем сказано: “Проклят человек, который сделает изваяние...”²⁰ И еще: “А человек, который поступит злоумышленно, не слушаясь священника, стоящего для служения Господу, Богу твоему, или судьи, — да умрет человек тот, и искорени зло из Израиля”²¹. И о лжепророке сказано: “Но пророк, который злоумышленно будет говорить от Имени Моего то, чего Я не повелел ему говорить, ... умереть должен такой пророк”²². И сказано нам: “И искорени зло из среды твоей”²³.

¹⁸ Йешаягу, 11:1.

¹⁹ Тегилим, 1:1.

²⁰ Дварим, 27:15.

²¹ Дварим, 17:12.

²² Дварим, 18:20.

²³ Дварим, 19:19.

Сказала им царица:

— Есть ли в вашем Учении то, на что он ссылается?

Ответили они ей:

— Есть, но сказано это не о нем, потому что он не сын Бога и не Мессия, и суд обязан вынести ему смертный приговор. Мессию, которого мы ждем, можно будет распознать по известным признакам, как написано: “И бить будет он страну бичом речей своих, и духом уст своих умертвит злодея. И справедливость будет препоясывать чресла его, и честность будет поясом на бедрах его. И волк будет жить рядом с овцой, и леопард рядом с козленком будет лежать, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и маленький мальчик водить будет их... Не будут делать зла и не будут губить на всей Моей святой горе, ибо полна будет земля знанием Бога, как полно море водами”²⁴. И еще сказано о Мессии: “В его дни Иудея будет спасена и Израиль будет жить в безопасности, и вот имя его, которым его назовут: Бог — справедливость наша”²⁵. И ничего подобного нельзя сказать о Йешу.

²⁴ Йешаягу, 11:4-9.

²⁵ Йирмеягу, 23:6.

Сказал Йешу царице:

— Госпожа моя! Я — Мессия, сын Божий, и я воскрешу мертвых, и если пошлешь со мною людей — увидят они признаки.

И послала царица с ним верных людей, и он воскресил мертвого, произнеся *Шем Гамефораш*, и привели этого воскрешенного к царице. Испугалась царица и сказала, что такое мог сделать только Мессия. А мудрецов она выпроводила с позором, и опечалились они чрезвычайно. Всякий же сброд присоединялся к Йешу, и возник в Израиле большой раздор.

6 Из Иерусалима отправился Йешу в Верхнюю Галилею. Евреи же пришли к царице Елене и сказали ей:

— Госпожа наша царица! Следует тебе знать, что человек этот, — Йешу, колдун, и владеет многими колдовскими приемами, и своими проделками вводит в заблуждение людей в Верхней Галилее, и говорит, что он — сын Божий.

И послала царица всадников, приказав им схватить Йешу и снова привести его к ней. Но когда всадники прибыли в Верхнюю Галилею, местные жители не позволили им схватить Йешу и вышли против них войной. Тогда Йешу

сказал им: “Не воюйте против них”, и показал всадникам признаки того, что все, им творимое, он делает по приказу небесного отца и что он — сын его. И так сказал: “Принесите мне фигурки птиц, сделанные из грязи”. И люди поступили, как он сказал, и произнес Иешу над фигурками *Шем Гамефораш*, и птицы ожили, и взлетели в воздух. Однако это не убедило посланников царицы, и, чтобы удостовериться в чудодейственной силе Иешу, каждый из них сделал у себя дома фигурки из грязи: волов, и ослов, и овец, и петухов, и птиц. И приносили они фигурки к Иешу, и Иешу оживлял их, произнося *Шем Гамефораш*. И когда толпа видела все эти чудеса, то люди падали на колени, и кланялись Иешу, и верили ему.

И еще приказал Иешу бросить в воду большой жернов, и когда это было сделано, он произнес *Шем Гамефораш*, и жернов поплыл по воде, как если бы был ореховой или яичной скорлупой. И Иешу взобрался на жернов, и сидел на нем, а потом бегал по воде. И когда увидели это посланники царицы, очень испугались. Сказал им Иешу:

— Идите вы посуху, а я пойду, по морской воде, и расскажите госпоже нашей царице все, что видели собственными глазами.

И ветер понес Йешу, и пошел он по морской воде. А посланники вернулись по суше к царице и сказали ей:

— Сделали мы все, что ты приказала нам, и собственными глазами видели чудеса, которые делает Йешу.

И рассказали ей обо всем, что видели.

7 Мудрецы и старейшины Израиля стали думать, как прекратить проделки Йешу, которые он совершал при помощи *Шем Гамефораиш*, тайну которого узнал обманным путем. И выбрали из своей среды одного образованного человека по имени Йегуда Искарриот²⁶ большого мудреца, и сказали ему, чтобы поступил он так же, как Йешу. И вошел он в Храм, в тот зал, где находился Краеугольный камень, выучил *Шем Гамефораиш*, записал его буквы на пергаменте, разорвал кожу на бедре, положил пергамент под кожу и сшил ее, произнеся *Шем Гамефораиш*. А выйдя из Храма, вынул он пергамент из-под кожи, выучил *Шем Гамефораиш* и тоже стал способен делать какие угодно чудеса.

²⁶ Искарриот — искаженное *иш крайот*, т. е. городской житель, или житель [места, называвшегося] Крайот.

После этого мудрецы пришли к царице и сказали:

— Госпожа наша царица! Не верь Йешу потому лишь, что он делает чудеса, ибо делает он их с помощью колдовства. А написано в Торе: “Если восстанет в среде твоей пророк или сновидец и представит тебе знамение или чудо; И появится то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, — чтобы сказать: “Пойдем за богами иными, которых ты не знаешь, и будем служить им!”. — То не слушай слов пророка того или сновидца того, ибо испытывает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, всем сердцем вашим и всей душой вашей. За Господом, Богом вашим, идите и Его бойтесь, и заповеди Его соблюдайте, и голос Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепитесь. А пророка того или сновидца следует предать смерти, ибо говорил он преступное против Господа, Бога вашего, Который вывел вас из земли Египетской и вызволил тебя из дома рабства, — дабы совратить тебя с пути, по которому заповедал тебе идти Господь, Бог твой; искорени же зло из среды своей”²⁷. А если Йешу этот,

²⁷ Дварим, 13:2-6.

как он утверждает, — сын Бога, то пусть придет к нам, и мы откроем его позор.

Царица тут же послала за Йешу, и он предстал перед нею вместе со всеми, кто уверовал в него. И царица усадила его перед собой и оказала ему и всей его шайке большие почести. И также мудрецы и старейшины Израиля предстали перед царицей, и среди них был Йегуда Искарот. А Йешу, увидев мудрецов, обратился к царице:

— Знай же, что предок мой Давид, мир праху его, так сказал об этом времени: “Окружили меня псы, толпа злых обступила меня”²⁸, но пророк так сказал обо мне: “Не бойся их, ибо Я с тобою, чтобы спасти тебя — слово Господа”²⁹.

А мудрецы и старейшины объясняли царице, то такой Йешу, и когда почувствовал он себя в затруднительном положении, сказал:

— Обо мне пророчествовал предок мой Давид: “... ибо Он примет меня”³⁰. И вот сейчас отец мой зовет меня, и я хочу подняться на небеса.

²⁸ Тегалим, 22:17.

²⁹ Йирмеягу, 1:8.

³⁰ Тегилим, 49:16.

И, закончив говорить, Йешу распростер руки, словно крылья орла, поднялся в воздух и стал летать между небом и землей. И все, видевшие это, стояли, как зачарованные. И увидев такое, повелели мудрецы Йегуде Искарриоту сделать то же, что сделал Йешу: произнеся *Шем Гамефораи*, подняться в воздух и сбросить Йешу на землю. А если не удастся ему сбросить его на землю, то пусть осквернит его мочой.

Йегуда сразу же взлетел вслед за Йешу, но не смог сбросить его на землю, потому что оба они прибегали к тайне *Шем Гамефораи*. Тогда Йегуда помочился на Йешу, и оба они осквернились мочой, и утратили силы, и упали на землю, потому что сбежали от них буквы *Шем Гамефораи*, и они забыли *Шем Гамефораи* и не могли больше пользоваться им.

История эта известна всем христианским мудрецам, и потому они так ненавидят Йегуду Искарриота. Когда же у них бывают ссоры и свары, то один другому говорит: “Чтоб с тобой сделали то же, что сделал Йегуда Искарриот с Йешу!” И об этом событии христиане плачут в ночь на “рождество Христово”.

А евреи, увидев, что нет больше у Йешу силы, чтобы творить чудеса, набросились на него и

схватили. И тогда царица убедилась в правоте слов мудрецов. И спросила она Йешу:

— Где же те чудеса, которые ты делал? И отчего сейчас не можешь делать их?

Ответил ей Йешу:

— Госпожа моя царица! Уже пророчествовал обо мне пророк, так сказав: “Разделено сердце их — будут они теперь осуждены: сокрушит он [враг] жертвенники их и памятные камни их разобьет. Тогда скажут они: “Нет царя у нас, ведь мы Господа не боялись, а царь, — что он нам сделает?”³¹. И знаю я, что приму мучения и смерть от рук людских, чтобы спасти от ада уверовавших в меня, как сказал пророк: “...и грех многих он нес и за преступников заступался”³². И я так скажу о них: “За это ли не накажу? — сказал Господь. — И такому ли народу не отомстит душа Моя”³³.

И отвечали мудрецы царице:

— Написано в Торе нашей: “Если будет подговаривать тебя брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена твоя, или задушевный друг твой, нашептывая: “Пойдем и

³¹ Гошеа, 10:2,3.

³² Йешаягу, 53:12.

³³ Йирмеягу, 5:9.

будем служить богам иным, которых не знал ни ты, ни отцы твои, — из богов народов, которые вокруг вас, близких к тебе или далеких от тебя, от одного края земли до другого”, — то не соглашайся с ним и не слушай его, и да не пощадит его глаз твой, и не жалеешь, и не прикрывай его. Но убей его: рука твоя первой да постигнет его, чтобы умертвить, а рука всего народа после. И закидай его камнями, чтобы умер, ибо он хотел отвратить тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства³⁵. И еще сказано в Торе: “Сторонись неправды”³⁶. И если согласна ты выдать его нам, то завяжем ему глаза и будем бить его. И тогда посмотрим, узнает ли он, кто бил его и каким предметом. Если отгадает — отпустишь его на волю, если не отгадает — то дашь нам право поступить с ним, как мы сочтем нужным.

И ответила царица:

— Так тому и быть.

И взяли мудрецы Израиля влажную шерстяную одежду, и обмотали ею голову Йешу, и крепко завязали узлом на его шее, чтобы он

³⁵ Дварим, 13:7-11.

³⁶ Шмот, 23:7.

не мог видеть. И семьдесят старейшин встали в круг, и были с ними вместе важные министры царицы. А Йешу поставили в центр круга. И каждый из старейшин взял по палке, один — палку из гранатового дерева, другой — палку из масличного дерева, третий — палку из смоковницы, другие — палки, сделанные из других деревьев. И вышел мудрец по имени Шимон и ударил Йешу палкой, сделанной из гранатового дерева. Затем развязал он глаза Йешу и спросил его, кто ударил его и какой палкой. И ответил Йешу, что ударил его человек по имени Нафтали палкой, сделанной из смоковницы. И вышел другой мудрец по имени Леви и ударил Йешу палкой, сделанной из масличного дерева. И затем били Йешу все остальные, и он не знал, кто и какими палками бил его. И тогда сказали ему министры:

— Лгал ты, и все твои деяния — ложь.

И, оказавшись в столь тяжелом положении и страдая от ударов, понял Йешу, что он теперь в руках евреев и они могут поступать с ним по своему усмотрению. И опостылела ему его жизнь, и захотел он умереть. А евреи плевали ему в лицо, и женщины били его сандалиями. Тогда Йешу поднял глаза к небу и сказал:

— Отец мой небесный! “Спаси от меча душу мою, от пса — единственную мою!”³⁷. “Кто восстанет за меня против злодеев? Кто восстанет за меня против творящих беззаконие?”³⁸ Ибо о них говорил пророк: “Стали лица их тверже скалы, не желают раскаяться”³⁹.

А уверовавшие в Йешу бродяги, услышав эти слова, принялись горько рыдать, кричать и плакать и выдергивать волосы из голов своих и бород. Но царица твердо решила передать Йешу евреям, чтобы те убили его за то, что он вводил народ в заблуждение и врал пред лицом всего мира, что он сын Бога и Мессия, и присоединялись к нему злодеи и всякий сброд. И так сказала царица:

— Если он наделен Божественной силой, то пусть и спасет себя от смерти. И сменились горе и траур в Израиле радостью и праздником.

8 И привели евреи Йешу в Тверию, к воротам синагоги. И связали ему руки и ноги, и бросили на землю, и сильно били каждый, кто

³⁷ Тегилим, 22:21.

³⁸ Тегилим, 94:16.

³⁹ Йирмеягу, 5:3.

хотел. И когда увидел Йешу, что не сможет спастись, сказал старейшинам:

— А ведь написано в Торе: “Если увидишь осла, принадлежащего врагу твоему, лежащим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним”⁴⁰. А теперь дайте мне что-нибудь поесть и попить.

И принесли ему стакан уксуса и дали ему пить. И попробовал он уксуса и сказал своим ученикам:

— Вот и сбылось сказанное обо мне: “И когда жажду я, поят меня уксусом”⁴¹.

А затем водрузили ему на голову корону из колючек и грязного терновника, чтобы посмеяться над ним. И сказал он своим ученикам:

— Смотрите, сбылось и это, сказанное обо мне: “И опутали терниями мою голову”⁴².

И уверовавший в него сброд объединился с тремястами десятью его учениками, и все они

⁴⁰ Шмот, 23:5.

⁴¹ Тегилим, 69:22.

⁴² Тегилим. 69:22. На иврите эта фраза звучит *вай-итну беварути рош* и означает «и положили в пищу мою яд». Йешу толкует ее произвольно, понимая слово *беварути* (означающее «в пищу мою») как «в тернии», а слово *рош* (означающее в данном случае «яд») как «голова».

вооружились и подготовились к сражению — чтобы уничтожить евреев. И началась большая война: отец убивал сына и сын убивал отца. Но в конце концов евреи стали побеждать. И тогда Иешу сказал своим ученикам:

— Не сопротивляйтесь тем, кто не признает меня, ибо такова воля отца моего небесного. И я обязан исполнить сказанное пророком: “Спину свою отдал я побивающим и щеки свои — вырывающим волосы; лица своего не закрывал я от поруганий и плевков”⁴³. И, несмотря ни на что, я прощаю им их грехи, ведь я жалею их, ибо все это пророчествовал обо мне пророк, и с любовью принимаю я страдания. Я хочу говорить с ними и сказать им, что обо мне говорил пророк: “Вот, преуспевать будет раб Мой, поднимется, и вознесется, и возвысится необычайно. Как многие изумлялись, глядя на него, — ибо обезображен был лик его, и образ его не как у сынов человеческих, — так приведет он в изумление многие народы, цари закроют уста свои, ибо то, о чем не было рассказано им, узрят, и то, о чем не слышали, увидят”⁴⁴. И еще: “Дух Господа Бога на мне,

⁴³ Иешаягу, 50:6.

⁴⁴ Иешаягу, 52:13-15.

ибо помазал меня Господь, чтобы возвестить скромным, послал меня врачевать сокрушенных сердцем, объявить пленным свободу и узникам — полное освобождение”⁴⁵. И так скажу им: обо всем, что замышляете вы сделать со мной, известно мне было от отца моего небесного еще до моего пришествия в этот мир. И еще сказал мне отец мой небесный, чтобы за все смертные страдания, которые причинят мне, не мстил я им; и все, что они сделают со мною, — будто бы с бесчувственным камнем сделают. И пророк так говорил обо мне: “Не злорадствуй, враг мой: хотя я упал, но встану”⁴⁶.

И заключили евреи Иешу в тюрьму. А бродяги, услышав об этом, собрались все вместе и принялись плакать, и плач их был слышен издалека. А после стали забрасывать евреев камнями, и рубить их мечами, и стрелять в них стрелами. И было большое смятение среди евреев, и бежали они, спасаясь от сброда. А сброд пошел к тюрьме, и разбил замки, и вывел Иешу из тюрьмы, и переправлен был Иешу со своими учениками в город Антиохию.

⁴⁵ Иешаягу, 61:1.

⁴⁶ Миха, 7:8.

9 Что сделал Йешу? Сказал своим ученикам:

— Подождите меня здесь, ибо отец мой зовет меня, и я вернусь к вам потом.

Сделал он это умышленно: потеряв способность творить чудеса при помощи *Шем Гамефораш*, он решил отправиться в Египет, чтобы научиться там колдовству. И провел Йешу в Египте много времени, и изучил там много колдовских трюков, а затем вернулся в Антиохию. И ехал он верхом на осле и нашел своих учеников, и те встретили его с радостью, преклонили перед ним колена и поклонились ему.

И сказал им Йешу:

— Так приказал мне отец мой небесный и так пророчествовал обо мне пророк: “Возликуй, дочь Сиона, издавай крики радости, дочь Иерусалима: вот царь твой придет, праведник и спасенный он, беден он и восседает на осле”⁴⁷.

И задумал он идти в Иерусалим в то время, когда евреи совершают паломничество в Храм. Йешу и все ученики его оделись в одежды одного цвета⁴⁸ и отправились все вместе в

⁴⁷ Зхарья, 9:9.

⁴⁸ Чтобы Йешу не выделялся среди них цветом одежды.

Иерусалим, как если бы были паломниками. И множество евреев собралось у Храма, и Йешу затесался среди них, чтобы не опознали его. И каждый из его учеников дал клятву не говорить никому, кто именно в этой компании — Йешу. А Йешу обещал показать им большие чудеса.

А среди учеников Йешу был один по имени Папа, сын Рацицты, и он видел, что все, что делает Йешу, есть обман и ложь. И отправился Папа вместе с Йешу в Иерусалим накануне праздника Песах, а придя в Иерусалим, отправился этот Папа к мудрецам и рассказал им о проделках Йешу. И мудрецы попросили его, чтобы он выдал им Йешу, и обещали ему, что сделают его важным человеком среди мудрецов. И сказал им Папа:

— Сейчас он в Храме, и взял он клятву со всех учеников своих, чтобы те никому не говорили, что он — Йешу.

И добавил Папа:

— Я поклонюсь ему, и по этому знаку вы опознаете Йешу⁴⁹.

⁴⁹ Папа не хотел нарушать клятву, поэтому он не говорит словами, кто есть Йешу, но дает понять это знаком.

Так и сделали. И собрались мудрецы в Храме, как и водится у паломников, приходящих праздновать Песах, — спокойные и тихие. И посмотрели они, и увидели компанию бродяг, одетых в одежды одного цвета, так, чтобы один не отличался от другого. И вдруг они заметили, что Папа кланяется одному из них. Тут же схватили мудрецы этого человека и сказали ему:

— Ты и есть Йешу, подстрекатель и соблазнитель, обманывающий людей, говоря, что ты — сын Бога и Мессия. Где же чудеса твои?

И в эту минуту дрожь пробрала Йешу, и стоял он перепуганный и, будто глухой, не слышал и, будто немой, не мог слова вымолвить. И увидев такое, хотели бродяги из его шайки наброситься на мудрецов, чтобы спасти его, как и в первый раз. Но теперь не смогли сделать этого, потому что много там было евреев-паломников. А Йешу, увидев, что не удастся ему сбежать, сказал своим ученикам:

— Зачем вам сейчас воевать с ними? Написано же обо мне: “Ведь из-за Тебя убивают нас каждый день, считают нас овцами для заклания”⁵⁰. И Писание обо мне вопиет пред от-

⁵⁰ Тегилим, 44:23

цом моим небесным: “И пророков Твоих убили мечом”⁵¹.

И заплакали ученики его великим плачем и стали колдовать, но не могли выручить Йешу из рук евреев. А Йешу знал, что по закону ему полагается быть побитым камнями и затем повешенным на дереве. Поэтому еще тогда, когда был у него пергамент с *Шем Гамефораиш*, заклил он все деревья во всем мире не принимать его тела. А тот день был кануном субботы, и мудрецы хотели немедленно исполнить указание Торы: “Искорени же зло из среды твоей”⁵². Связали его по рукам и ногам и доставили его сначала в место, где убивали преступников, бросая в них камни, и забросали его камнями, и он умер. А к вечеру повесили труп Йешу на дереве, и не приняло дерево его трупа, потому что было заклято. И так же поступили остальные деревья — обламывались они, если вешали на них труп Йешу.

В учеников же Йешу, видевших, что деревья не могут принять его труп, усилилась вера в Йешу. И стали они утверждать, что это свидетельствует о том, что он — сын Бога.

⁵¹ Млахим, 1, 19:10.

⁵² Дварим, 13:6.

И был там один старик, раби Йегуда из Бартуты, которого называли еще Йегудой-огородником из-за того, что около дома был у него огород. И в том огороде рос необычайно большой куст капусты, но деревом он не считался и потому Йешу не заклил его своей клятвой. И срезал Йегуда ствол этого капустного куста и повесил на нем Йешу, и не сломался ствол. И висел труп Йешу до времени, когда следует молиться *минху*⁵³. А подростки и женщины бросали в него пыль и камни.

А ближе к вечеру старейшины послали людей, чтобы те сняли труп со ствола, и тем самым была выполнена заповедь Торы: “Не дай трупу его ночевать на дереве, но погребви его в тот же день”⁵⁴. И похоронили его за пределами города. И бродяги из его шайки и ученики его плакали на могиле.

10 После того сговорились бродяги выкрасть труп Йешу, спрятать его в другом месте и сказать, что вознесся Йешу на небеса, как и обещал еще при жизни своей. А Йегуда-огородник проходил мимо них, и услышал их слова, и,

⁵³ *Минха* — ежедневная молитва, которую читают во второй половине дня, ближе к вечеру.

⁵⁴ Дварим, 21:23.

чтобы не дать их замыслу осуществиться, выкопал у себя в огороде могилу и ночью перенес в нее труп Йешу из прежней его могилы. А над новой могилой провел он оросительную канавку — чтобы нельзя было узнать место.

И пошли бродяги из шайки Йешу, чтобы выкрасть труп, и открыли могилу, но не нашли в ней трупа, потому что Йегуда-огородник вынул его оттуда. И сказали бродяги:

— Ну, теперь-то уж мы точно знаем, что Йешу — сын Божий и Мессия и что он вознесся на небеса к отцу своему небесному. И отомстим за его кровь мудрецам еврейским.

Немедленно отправились они к царице и так сказали ей:

— Госпожа наша царица! Вот сын Божий, который при жизни своей делал чудесные знамения и оживлял мертвых, показал сейчас еще одно знамение: восстал из могилы своей и вознесся на небеса. И сбылось предсказанное о нем: “Бог избавит душу мою от руки преисподней, ибо Он примет меня”⁵⁵. Евреи же убили его, потому что приняли его за лжепророка. Теперь же, да будет воля твоя, о, госпожа, и потребуй от евреев, чтобы выдали они тебе

⁵⁵ Тегалим, 49:16.

Йешу живым или мертвым. А если не смогут сделать этого, то накажи их смертной казнью либо денежным штрафом.

Царица тут же послала за мудрецами Израиля и сказала им:

— Человек, о котором вы сказали, что он лжемессия, — что сделали вы с ним?

Ответили ей мудрецы:

— Поступили мы с ним, как требует закон: забросали его камнями и затем повесили.

Сказала им царица:

— А что вы с ним сделали после того, как повесили?

Ответили ей:

— Похоронили его.

Сказала им царица:

— Идите к его могиле и посмотрите, что есть в ней. Ибо ученики его утверждают, что нет его в могиле и что он поднялся на небо.

И послала царица вместе с мудрецами верных ей людей, и пришли они к могиле и не нашли в ней трупа Йешу. И тогда поверила царица тому, что говорили бродяги из шайки Йешу, что он — сын Бога и что восстал он из могилы и вознесся на небо. И сказала царица мудрецам:

— Вы виноваты в убийстве сына Божьего.
 Ответили ей мудрецы:
 — Дай нам пять дней на поиски трупа его.
 И согласилась царица.

11 И большая беда была в Израиле, и был объявлен пост, и все от мала до велика сменили свои одежды на мешковину. А бродяги из шайки Йешу веселились. И когда наступил последний из пяти дней, но трупа так и не нашли, то многие бежали из города, опасаясь преследований со стороны бродяг из шайки Йешу.

А среди тех, кто бежал из города, был раби Танхума. По дороге из города проходил он по местности, где были огороды. И плакал он, опасаясь несчастий.

Но вдруг увидел он Йегуду-огородника, а тот ест и пьет, сидя в своем огороде, и поет песни и очень весел. И сказал ему раби Танхума:

— Ведь ты же еврей! Зачем же отделяешь себя от всего народа, который постится и пребывает в тревоге?

Ответил ему раби Йегуда:

— Я не знал, что установлен пост, и не знаю, по какой причине его установили.

И рассказал ему раби Танхума обо всем, что произошло. И раби Йегуда, узнав обо всем, что

произошло, рассказал, что труп Йешу погребен в его огороде и что он перенес его туда из прежней могилы, потому что опасался, что бродяги из шайки Йешу выкрадут труп, похоронят его где-нибудь тайно и скажут, что вознесся Йешу на небеса.

И побежал раби Танхума к старейшинам и мудрецам Израиля и сказал им:

— Возвестите добрую весть! “Утешайте, утешайте народ Мой!”⁵⁶ [56] Ибо нашелся труп Йешу в огороде Йегуды.

Тут же отправились все к Йегуде-огороднику и сказали ему:

— Отдай нам труп Йешу.

Но ответил им Йегуда-огородник:

— Отдам вам его, только заплатите мне за него тридцать сребреников⁵⁷.

И заплатили ему тридцать сребреников, и вынули труп Йешу из могилы, и, обвязав ему ноги веревкой, проволокли по базарам Иерусалима, и притащили труп Йешу к царице Елене. И сказали ей старейшины Израиля:

⁵⁶ Йешаягу, 40:1.

⁵⁷ Не исключено, что эту сумму, тридцать сребреников, Йегуде-огороднику пришлось заплатить за перенос трупа Йешу в свой огород и прокладку оросительной канавки.

— Вот тот Йешу, о котором негодяи говорят, будто он вознесся на небеса.

И рассказали ей всю историю с Йегудой-огородником. И убедилась царица в правоте мудрецов, утверждавших, что Йешу — лжепророк, подстрекатель и соблазнитель. И высмеяла царица бродяг из шайки Йешу, а мудрецам воздала хвалу. Тогда мудрецы Израиля попросили у царицы разрешения предать проходимцев из шайки Йешу суду — как это было сделано с самим Йешу. И разрешила им царица поступить с проходимцами так, как они найдут нужным. И убили мудрецы многих из тех негодяев, а оставшиеся в живых разбежались по разным странам и стали там обращать *гоев*⁵⁸ в свою веру.

А у Йешу было двенадцать учеников: трое из них бежали в Араратские горы, трое — в Армению, трое — в Рим и трое — в страны, расположенные у берегов моря⁵⁹. И вводили они в заблуждение людей, и многие восставали против них и воевали с ними. И в возникшей смуте брат безжалостно убивал брата, а ближний — ближнего своего, и большой ущерб терпели обе враждующие стороны.

⁵⁸ Гой — нееврей.

⁵⁹ Средиземного.

12 Но и после того, как утихла война, продолжались между ними бесконечные ссоры и споры. Бродяги говорили мудрецам: “Вы убили Мессию, посланца Божьего!”, а те отвечали, что был он человеком и лжемессией, а вовсе не сыном Бога.

Но, несмотря на все это, бродяги из шайки Йешу оставались еще в среде еврейского народа, приходили в Храм, в синагоги и в места изучения Торы и часто мешали евреям читать Тору. И увидели мудрецы, что прошло уже тридцать лет со дня смерти Йешу, но все еще нет им покоя от поклонников его, вводящих многих в заблуждение, и что сбылось сказанное в Торе: “Они досаждали Мне не богом, гневил Меня суетой своей, и Я досажу им не народом, народом-извергом гневить их буду”⁶⁰. И сказали мудрецы: “Доколе будем терпеть мы эту напасть? Доколе будут бродяги осквернять субботу и праздники и заявлять, что заповеди Торы ни к чему их не обязывают?”

И решили мудрецы выбрать одного мудреца из своей среды, чтобы тот завоевал доверие бродяг и отделил их окончательно от еврей-

ского народа, чтобы резко отличались они от евреев обычаями и верованиями своими — так, чтобы всем было ясно, что они не евреи. И выбрали мудрецы одного мудреца по имени Элиягу, и сказали ему:

— Мы решили, что тебе предстоит избавить нас от этих бродяг. Ты знаешь, сколько несчастий приключилось с нами из-за них со времен Йешу и по сей день, и что нет нам покоя от его учеников. Поэтому от имени всего Израиля мы поручаем тебе сделать милость Израилю и помочь нам избавиться от них. Ты обязан пойти к ним и обманным путем отделить их от еврейского народа, чтобы отличались они от евреев своими обычаями. И ты вынужден будешь на словах соглашаться с тем, что они говорят. Мы же клятвенно принимаем на себя все прегрешения перед Богом, которые ты из-за этого совершишь, и ты будешь считаться благочестивым евреем все дни жизни твоей. Прежде всего ты должен пойти в Храм и выучить *Шем Гамефораш* подобно тому, как сделал Йешу, чтобы мог ты творить какие угодно чудеса и чтобы они уверовали в тебя.

Элиягу не посмел противиться воле мудрецов и согласился сделать так, как они ему велели.

13 И Элиягу немедленно отправился в Антиохию, где сосредоточилось большинство бродяг. А также оповестил он и остальных бродяг, находившихся в прочих местах. И собрал он их всех вместе и сказал им:

— Братья мои, сыны Йешу! Знайте, что я ученик Йешу, а он — повелитель мой, и он послал меня к вам указать путь, коим следовать вам надлежит, и объяснить вам, каким образом нужно вам себя вести.

И обрадовались бродяги, увидев посланца Йешу и услышав его речи. И сказали ему:

— Дай нам знамение, что ты действительно ученик и посланец Йешу.

И ответил он им:

— Принесите ко мне тело какого-нибудь умершего человека, и я оживлю его. Или приведите ко мне слепого или хромого, и я излечу их. Всеми испытаниями, какими только захотите, испытывайте меня и убедитесь, что я говорю правду.

И сотворил он им эти чудеса при помощи Шем Гамефораш. И тогда все они признали, что он действительно посланец сына Божьего и Мессия, и поклонились ему. А после спросили:

— Где же сейчас Йешу?

И ответил он им:

— На небесах он, сидит по правую руку отца своего. Слушайте же, что наказал мне Йешу сказать вам, и никто из вас да не нарушит повеления его, но исполняйте наказ этот, и будет вам Йешу спасением. И вот что заповедал он вам: прежде всего напоминает он вам, что отец его небесный послал его, чтобы спасти вас, и он, Йешу, выстрадал все ради вас, дабы не попали вы в ад. Посему завещает он вам, чтобы и вы страдали во имя его и соблюдали заповеди его. И он сообщает вам, что возненавидел евреев и хочет, чтобы отделились вы от них и назывались христианами, а не евреями, и отстранились от всего того, что делают евреи, ибо мерзость это для вас. И завещает он вам не праздновать их праздники. И сказал уже пророк:

“[Жертвы] ваши в начале нового месяца и праздники ваши ненавистны стали душе Моей, обузою стали они для Меня”⁶¹. И вместо Песаха празднуйте Пасху — день, когда воскрес Йешу; вместо Шавуот — праздник Вознесения, сороковой день после Пасхи, когда

⁶¹ Йешаягу, 1:14.

вознесся Йешу на небеса; вместо Рош-Гашана — праздник Воздвижения креста, день, когда найден был крест, на котором распяли Йешу; вместо Йом-Кипура — праздник Рождества Христова, а вместо Сукот — праздник Нового Года.

И продолжал он:

— И еще заповедует вам Йешу работать в день седьмой, ибо евреи отдыхают в этот день. Но не работайте в первый день недели, в воскресенье, ибо в этот день восстал Йешу из могилы своей и вознесся на небеса, и в этот день создал Бог свет и осветил им вселенную Свою — этот день будет вашей субботой. И еще заповедует вам Йешу, чтобы ели вы мясо любого животного и любой птицы без различия, ибо сказано: “Все движущееся, что живет, будет вам в пищу, как зелень травяную, даю вам все”⁶². И еще он заповедует вам, что всякий, кто захочет делать обрезание, пусть делает, а кто не захочет, пусть не делает. И не женитесь и не выходите замуж за евреев; только между собой можете вы жениться, с теми, кто верует в Йешу. Душа же того, кто возьмет в жены

еврейку, спустится в ад. Еще заповедует вам Иешу, чтобы молились вы в отдельных молитвенных домах, а не в еврейских синагогах. И еще заповедует он вам, чтобы делали вы изображения Иешу, когда был он распят, и когда били его, и когда кровь его вытекала из тех мест на руках и на ногах его, куда вбивали гвозди, — дабы было это вам напоминанием о тех страданиях, которые вынес он во имя любви к вам и во имя искупления грехов ваших, и о том, что не хотел он мстить мучителям своим. Страдайте и вы во имя любви к нему и не чините зла евреям — ни им самим, ни имуществу их. Тот же, кто нарушит заповедь эту, изгоем станет в этом мире, и не будет у него доли в загробном мире, в раю, и брошен будет в ад. А если кто прольет еврейскую кровь — его собственная кровь пролита будет. И еще говорит вам Иешу о заповеди любви к ближнему: если какой-нибудь еврей попросит кого-нибудь из вас пройти с ним вместе милю, чтобы облегчить ему путь, то вы должны пройти с ним две мили и распрощаться с ним мирно. И если еврей ударит вас кулаком в правый бок, подставьте ему также и левый бок, чтобы поступил он, как захочет, и скажите ему, что

делаете вы так во имя любви к Йешу. И не оплачивайте злом за зло, лишь скажите ему: “Из-за гордыни своей делаешь ты так”, и отпустите его с миром. И да будет скромность присуща вам, ибо сказано: “Ищите Господа, все скромные земли”⁶³. И если с любовью будете принимать все злое, что сделают вам евреи, то воздаст вам Йешу добром, и будет у вас доля в грядущем мире вместе с Йешу. И еще просит вас Йешу, чтобы выбрали вы из среды своей мудрецов, дабы указывали они вам верный путь, коим идти вам следует.

И сразу же воздели бродяги руки свои к небесам, и принялись благодарить Йешу, и сказали:

— Все, что слышали мы из уст твоих от имени Йешу, сделаем.

Он же ответил им:

— Йешу повелел мне, чтобы жил я отдельно от вас и от всех людей, чтобы жил одиноко, и не ел мяса, и не пил вина, но лишь хлеб и воду и плоды древесные, дабы был я чист, когда захочет Йешу говорить со мной.

И с того времени утихомирились бродяги и не делали более зла евреям.

⁶³ Цфанья, 2:3.

14 И отправился Элиягу в Тверию вместе со всеми этими бродягами и уверовавшими в Йешу, и объявил, чтобы триста десять учеников пришли и присоединились к нему. И пришли все они, и спросили:

— Кто ты?

Ответил он им:

— Я — посланец Йешу, он послал меня к вам, чтобы сказать вам, что делать.

Сказали они ему:

— Покажи нам какой-нибудь знак, и мы поверим тебе.

Спросил он их:

— Какой знак хотите вы увидеть? Приведите ко мне хромого, слепого и прокаженного, и я излечу их.

И привели их к нему, и он тут же излечил их. Увидев это, они пали перед ним ниц и воскликнули:

— Истинно веруем мы, что ты — посланник Йешу, ибо и он делал так же.

Тогда сказал он ученикам:

— Йешу сидит по правую руку от отца своего небесного, как сказано: “Слова Господа к господину моему: седи справа от Меня, доколе

не сделаю врагов твоих подножием ног твоих”⁶⁴.

Тут ученики благословили его, и он повторил им все заповеди, которые раньше сообщил бродягам, и ученики приняли эти заповеди. И продолжал он:

— Но главное, чего Йешу хочет от вас, — это чтобы отделились вы от евреев, и отличались от них своим учением, языком, своими субботами и праздниками, и чтобы устроили вы себе отдельные молитвенные дома.

И ответили они:

— Все, что сказал ты, сделаем.

И с тех пор отмежевались и отделились уверовавшие в Йешу от евреев и создали особую общину, и прекратился раздор в еврейском народе. И спросили ученики, как имя его. И он ответил, что зовут его святой Павел. И построили они святому Павлу дом, и жил он там в одиночестве. На самом же деле он уединялся, чтобы не оскверняться едой и вином последователей Йешу.

15 В те времена был у еврейского народа большой мудрец, и звали его Шимон Кифа, потому что он обычно сидел на том самом камне,

⁶⁴ Тегилим, 110:1.

о котором пророчествовал пророк Йехезкель и который был прежде при реке Квар⁶⁵. И умел он слагать великолепные гимны, а из камня этого доносился до него Небесный глас. И был он великим мудрецом.

И христиане очень завидовали ему, и одолевали его просьбами присоединиться к ним. И Шимон знал, что завидуют они ему, и когда пришел он в Иерусалим на праздник Сукот и поднялся в день Гошана-раба⁶⁶ и на Масличную гору, начали они вести с ним споры. И он побеждал их в любом споре, и ничего не могли они ему ответить.

И епископы христиан, посоветовавшись, решили, что не должно быть у евреев такого большого мудреца, потому что опасались они, что в самое короткое время он может разрушить всю их религию и развенчать все их учение. И тут же схватили они его и сказали:

— Известно нам, что нет у евреев мудреца, подобного тебе, и мы хотим, чтобы ты перешел

⁶⁵ Шимон Кифа — апостол Петр. Кифа — по-арамейски «камень»; по-гречески «камень» — «петрос».

⁶⁶ Гошана-раба — последний день праздника Сукот.

в нашу веру, и мы поставим тебя вождем над нами. Ты можешь установить законы, благодаря которым учение наше не угаснет. Да и сам посмотри: нас становится все больше с каждым днем, а евреев — все меньше и меньше. Поэтому тебе подобает перейти к нам и научить нас добрым заповедям и законам праведным, дабы удостоились мы жизни в загробном мире.

И ответил им Шимон:

— Речи ваши, правда, приятны, но я не хочу оставлять свою веру.

Тогда сказали они ему:

— Если не перейдешь к нам — убьем тебя, а всех евреев преследовать будем.

Ответил он:

— Все в руках Всевышнего, и Он мне поможет.

Тогда начали они избивать евреев, и грабить их, и продавать их в рабство за тридцать сребреников, потому что за тридцать сребреников был продан Иешу. И все боялись христиан. И пришли евреи к Шимону и стали умолять его, говоря:

— Сделай все, что они просят, и спаси нас от них. Мы же примем твой грех на себя, а ты

по мудрости своей сделай так, чтобы не чинили они нам зла.

И, увидев, что нет иного выхода, пошел Шимон к епископам и сказал им, что согласен перейти в их веру. И сделали они его своим папой. Он же условился с ними, что не будут они чинить зла евреям, как то заповедал им святой Павел от имени Иешу, и не будут мешать евреям собираться и молиться в своих синагогах, и не будут никого принуждать к крещению. И сказал им Шимон, что только таким образом смогут они привлечь евреев к своей религии и что нельзя принимать в их религию детей, которым не исполнилось десять лет, потому что нет у них еще достаточно разума, чтобы понять, что они делают. И еще сказал он им:

— Я заповедую вам, чтобы не ели вы мяса в пятницу, ибо в этот день был убит Иешу. Я же даю обет не есть мяса, не пить вина и не услаждать своего тела все дни жизни моей, ибо скорблю я о Иешу. И во имя любви к Иешу я буду жить отдельно от всех людей и пребывать в своем доме в одиночестве, дабы люди не мешали мыслям моим и дабы мог я установить праведные законы и раскрыть тайны

вселенной. И я прошу вас построить для меня высокую башню, чтобы я мог жить в ней до самой смерти. И каждый день я буду спускать вам на веревке корзину, а вы кладите в нее только хлеб и воду, и этим я буду питаться до конца своих дней.

И христиане немедленно построили ему высокую башню, и он поселился в ней и стал их первым “папой”. А построить ему башню он просил на самом деле для того, чтобы не есть их пищу, падаль и тrefное и чтобы не поклоняться их идолам. И жил он в этой башне в одиночестве и установил христианам множество законов. Но в то же время он писал много стихотворных гимнов, чтобы евреи читали их в своих молитвах, и все эти гимны подписаны его именем. И еще написал он евреям письмо, в котором были такие слова: “Знайте, сыны Израиля, верящие во Всевышнего и в Его святую Тору, все сказанное в которой — правда, вы, называющиеся наследием Бога и терпящие из-за любви к Нему все бедствия, которые обрушиваются на вас, — что я, Шимон Кифа, знаю, что есть правда, и отдаляюсь от лжи. И вот я посылаю вам стихотворные гимны, которые я написал, чтобы Все-

вышний простил мне и вам все грехи, ибо все, что я сделал, я сделал по вашему поручению и для того, чтобы спасти вас”.

Получив это письмо, евреи обрадовались необычайно и переправили его этнарху, главе народа, и показали гимны руководителям *йешивот* раввинам, и те сказали, что гимны эти прекрасны и их можно читать в синагогах. И по сей день читают их в субботних молитвах⁶⁷.

Христиане же называют Шимона Кифу “святым Петром”.

16 Спустя много лет, во время правления императора Константина и его жены Елены, император заразился проказой, которая поразила половину его тела. И не было в Риме ни одного врача, который мог бы его вылечить. Христиане же сказали императрице:

— Если хочешь, чтобы вылечился твой муж, прикажи евреям найти дерево, на котором распяли *Йешу*. И если муж твой прикоснется к этому дереву — излечится.

⁶⁷ Шимону Кифе приписывают авторство гимна «Нишмат коль хай», включенного в субботнюю утреннюю молитву.

Императрица тотчас же приказала привести к ней евреев, которые жили в Риме, и сказала им:

— Доставьте мне дерево, на котором повесили Иешу, который пришел, чтобы выполнить волю отца своего небесного, а вы убили его, и потому за грехи ваши разрушен Храм ваш.

Выслушав эти слова, евреи перепугались и, посоветовавшись между собой, сказали императрице:

Шимону Кифе приписывают авторство гимна “Нишмат коль хай”, включенного в субботнюю утреннюю молитву.

— Ничего нам не известно об этом деле, ибо не в нашей стране произошло это. Спроси об этом евреев, живущих в Иерусалиме, и они скажут тебе, где то дерево.

И послала императрица гонцов в Иерусалим, и те передали тамошним евреям ее слова: “Отдайте мне дерево, на котором вы распяли Иешу. Если же не найдете дерево — казню вас”. Ответили евреи, чтобы обратилась она к ста мудрецам. Но императрица послала к ним всадников, и те причинили им немало страданий. Тогда выбрали евреи самого старого и самого мудрого среди них — звали его раби Йегуда — и сказали императрице:

— Раби Йегуда скажет тебе всю правду. И пригласила императрица к себе раби Йегуду и сказала ему:

— Скажи мне всю правду, а нет — казню тебя и буду преследовать всех сынов твоего народа. Но если укажешь мне, где находится это дерево, — щедро награжу тебя.

И ответил ей раби Йегуда:

— Сделаю так, как сказала ты.

Что же он предпринял? Созвал мудрецов и сказал им, взяв с них обещание хранить тайну:

— Возьмите три старых дерева и захороните их в таком-то месте, но сделайте это так, чтобы не было заметно, что сделано все это недавно.

Так и поступили.

А императрица тем временем приказала подвергнуть раби Йегуду великим пыткам; раби же Йегуда попросил дать ему три дня для поста и молитв Всевышнему, чтобы Он открыл ему тайну. И так сказал раби Йегуда императрице:

— Если с Небес откроют мне тайну — открою ее тебе, и надежды свои возлагаю я на Всевышнего. И если ты — та царица, которую прославляли предки мои, то, наверное откроют мне тайну, благодаря тебе.

Спустя три дня пришел мудрец к императрице и сказал ей:

— Иди со мной, ибо знаю я, где находится дерево.

И пошла императрица, и все служанки ее, и министры, и советники вслед за раби Йегудой и пришли на то место, где закопаны были три дерева. И спросил ее раби Йегуда:

— Действительно ли ты царица? Ибо только царице можно раскрыть эту тайну.

И ответила она:

— Да, действительно, я — царица.

И сказал он ей:

— Иди со мной.

И он стал ходить по кругу и пришептывать, а все ходили вслед за ним. Вдруг остановился он и сказал:

— Копайте здесь.

Стали копать и нашли там три дерева. И очень испугалась императрица и все ее министры и так сказали:

— Как нам знать, какое из этих трех деревьев то самое, на котором распяли Йешу?

Начал раби Йегуда пришептывать и делать вид, что молится. И продолжалось это очень долго, пока не пришла весть, что умер некий

человек и сыновья оплакивают его. Сказал тогда раби Йегуда:

— Принесите ко мне мертвеца.

И принесли труп умершего, и дотронулись до него одним из трех деревьев. И мертвец стал двигаться, потому что раби Йегуда произнес над ним *Шем Гамефораш*, которое было ему известно. Затем дотронулись до трупа вторым деревом, и мертвец снова стал двигаться. Когда же дотронулись до него третьим деревом, ожил мертвый и поднялся на ноги — благодаря тому, что раби Йегуда произнес *Шем Гамефораш*. И изумились все *гои*, а раби Йегуда сказал:

— Вот то дерево, на котором распяли Йешу.

И с тех пор христиане завели себе обычай класть на мертвецов крест. А императрица и ее министры поверили, что это то самое дерево, на котором распяли Йешу. И встали все они и поклонились раби Йегуде.

Но сброд пришел в большое возбуждение при виде дерева, на котором распяли Йешу, и стал требовать, чтобы истребили всех евреев. И тяжелые беды обрушились на еврейский народ.

Но раби Йегуда сказал евреям:

— Не бойтесь, ибо я не пожалею жизни ради того, чтобы не причиняли вам зла. Мы с тем человеком, которого я оживил с помощью *Шем Гамефораш*, выдадим себя за посланцев-апостолов *Йешу* и установим христианам законы, которые запретят им преследовать вас.

А имя человека, которого оживил раби *Йегуда*, было *Эльяким*. И когда *Йешу* еще был жив и его схватили, то вместе с ним схватили и этого *Эльякима* и его учителя, которого звали *Йоханан*.

И теперь раби *Йегуда* и *Эльяким*, которого он оживил, принялись убеждать сброд не причинять зла евреям, как то заповедали святой *Павел* и святой *Петр*. И еще они заявили, что они — посланцы *Йешу*, которых христиане называют апостолами.

17 Спустя некоторое время появился в Персидском царстве некий гой по имени *Нестор* и начал высмеивать христиан, подобно тому, как те высмеивали еврейских мудрецов. И начал *Нестор* спорить с уверовавшими в *Йешу*, говоря им, что *Павел* сам ошибся и их ввел в заблуждение, приказав им не делать обрезания, и что следует делать обрезание, потому что сам

Йешу был обрезан. И еще он сказал им, что Йешу сам говорил: “Не для того я пришел, чтобы отменять что-либо из сказанного в Торе, но для того, чтобы исполнять все законы ее”. И еще он сказал, что Йешу был рожден женщиной, что он был человеком, а не божеством, но снизошел на него дух святой, и он был пророком, как и все прочие пророки.

И этот Нестор был первым, кто посеял раздор среди христиан. И привлекал он к себе христианских женщин, говоря им, что Павел заповедал христианам брать столько жен, сколько их душе угодно, и видел в них служанок, он же, Нестор, хочет, чтобы христианин брал себе только одну жену и с уважением относился к ней. И за это женщины питали к нему большую любовь. И постановил Нестор, чтобы христианин брал себе только одну жену, а если возьмет двух, то будет отлучен от церкви, и не будет у него жизни в загробном мире.

И большие разногласия произошли между последователями Нестора и последователями Павла, и устраивали они бесконечные споры по вопросам религии. И поэтому последователи Павла не молятся в церквях последователей Нестора, и наоборот.

А после того ушел Нестор в местность, которая называется Хащица⁶⁸, и с ним ушло большое число женщин, и правил он ими деспотически. И сказали ему женщины:

— Чего хочешь ты от нас?

Ответил им Нестор:

— Только одного: чтобы вы доставили ко мне в Хащицу хлеб и вино, и я принесу их в жертву.

Женщины принесли ему хлеб и вино, но когда поднялся он на алтарь, чтобы принести жертву, возникла между ними ссора, и женщины принялись бить его ключами, что были у них в руках, и убили его.

⁶⁸ Возможно, имеется в виду город Нецивин в северной Месопотамии.

ЗМІСТ

Великі українці про жидів (До історії висвітлення так званого жидівського питання та українсько- жидівських взаємин у ХІХ ст.) Василь Яременко	3
П. Кулиш Передовые жиды	59
П. Кулиш Недоразумение по поводу слова «жид»	69
Пантелеймон Куліш Дещо про жидів	86
Н. Костомаров Иудеям	101
Н. Костомаров Еще заметка об иудеях	144
Н. Костомаров Жидотрепание в начале ХVІІІ века	147

<i>Н. Костомаров</i>	
<i>Скотский бунт (Письмо малороссийского помещика к своему петербургскому приятелю)</i>	<i>226</i>
<i>Додатки</i>	<i>275</i>
№ 1. Лист орендовний князя Григорія Сангушка	275
№ 2. Дума про жидівські відкупи і про війну через них	277
№ 3. Дума про перемогу під Корсунем	285
№ 4. К єврейському вопросу	291
№ 5. По поводу толков об убийствах жидами христианских младенцев	310
<i>Іван Франко</i>	
№ 6. Швинделеса Пархенблита вандрівка з села Дерихлопи до Америки і назад	318
<i>Іван Франко</i>	
Опівніч. Глухо. Зимно. Вітер виє...356	
<i>Іван Франко</i>	
Пір'я	359
№ 7. История о повешенном, или История Йешу из Нацрата	361

The articles by P. Kulish and M. Kostomarov, which were published in the magazine "Osnova" (1861–1862) and "Kievskaya strana" (1883), where are discussed problems of Ukrainian and Jewish relations from antiquity to 80th years of XXI century, were collected in the book.

Series of documents, which argues position by P. Kulish, M. Kostomarov, and I. Franko in their polemics with "Jewish body of Russia", "Sion" ("Rassvet") in accordance with problems of historical cohabitation of Ukrainians and Hebrews was performed in "Appendixes".

Історична пам'ятка

Пантелеймон Куліш

Микола Костомаров

Іван Франко

ЖИДОТРЕПАНІЄ...

Historic Monument

Kulish, Panteleymon O.

Kostomarov, Mykola I.

Franko, Ivan Y.

JEW MAULING

Відповідальний редактор *С. М. Толкачова*

Художній редактор *О. О. Стеценко*

Комп'ютерне верстання *Л. О. Кулагіна*

Оформлення обкладинки *С. В. Фадєєв*

Підп. до друку 06.06.05. Формат 70 × 90^{1/32}.

Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 15,58.

Обл.-вид. арк. 11,4. Тираж 5000 пр. Зам. № 5-250.

Міжрегіональна Академія управління
персоналом (МАУП)

03039 Київ-39, вул. Фрометівська, 2, МАУП

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи ДК № 8 від 23.02.2000

ВАТ "Білоцерківська книжкова фабрика"

09117 Біла Церква-17, вул. Леся Курбаса, 4